

ISSN 2409-8701 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ПСИХОЛОГ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Богоявленская Диана Борисовна, доктор психологических наук, tro-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Bogoyavlenskaya Diana Borisovna, doktor psikhologicheskikh nauk, mpo-120@mail.ru

ISSN: 2409-8701

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества. Московский городской психоэндокринологический центр. 119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор Московского государственного областного университета. 105005, Россия, Москва, ул. Радио, д. 10.

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Волхонка, 14/1, строение 5.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук; Россия, г. Москва, Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопад Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемяева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Гельман Виктор Яковлевич - доктор технических наук, ФГБОУ ВО Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова Минздрава России., профессор, 196066, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Авиационная, 9, кв. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Енгальчев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры социальной психологии , 195297, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Светлановский пр. 70. к.1, 137, кв. 137, leon-piter@mail.ru

Макарова Елена Александровна - доктор психологических наук, Донской государственный технический университет, профессор кафедры общей и консультативной психологии, 347930, Россия, г. Таганрог, ул. Ей1ская, 13, makarova.h@gmail.com

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв.

77, hope432810@yandex.ru

Тагариева Ирма Рашитовна - доктор педагогических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы», заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования, 450077, Россия, республика Респ Башкортостан, г. Уфа, ул. Энгельса, 1/1, кв. 56, irma_levina@mail.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Editorial collegium

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society. Moscow City Psychoendocrinological Center. 25-2 Arbat str., Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of Moscow State Regional University. 10, Radio str., Moscow, 105005, Russia.

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 14/1 Volkhonka str., building 5, Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; Russia, Moscow, Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) –

Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Gelman Viktor Yakovlevich - Doctor of Technical Sciences, I.I. Mechnikov Northwestern State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Professor, 196066, Russia, Saint Petersburg, Aviatzionnaya str., 9, sq. 31, gelm@sg2104.spb.edu

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Scientific Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Russia, Kaluga Region, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, St. Petersburg State University, Professor of the Department of Social Psychology, 195297, Russia, St. Petersburg, ul. Svetlanovsky ave. 70. k.1, 137, sq. 137, leon-piter@mail.ru

Makarova Elena Aleksandrovna - Doctor of Psychological Sciences, Don State Technical University, Professor of the Department of General and Consultative Psychology, 13, Yeiskaya str., Taganrog, 347930, Russia, makarova.h@gmail.com

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tagarieva Irma Rashitovna - Doctor of Pedagogical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Deputy Scientific Director of the Research Institute of Educational Development Strategy, 450077, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Engels str., 1/1, sq. 56, irma_levina@mail.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory,
FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky proezd, 2/14
Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

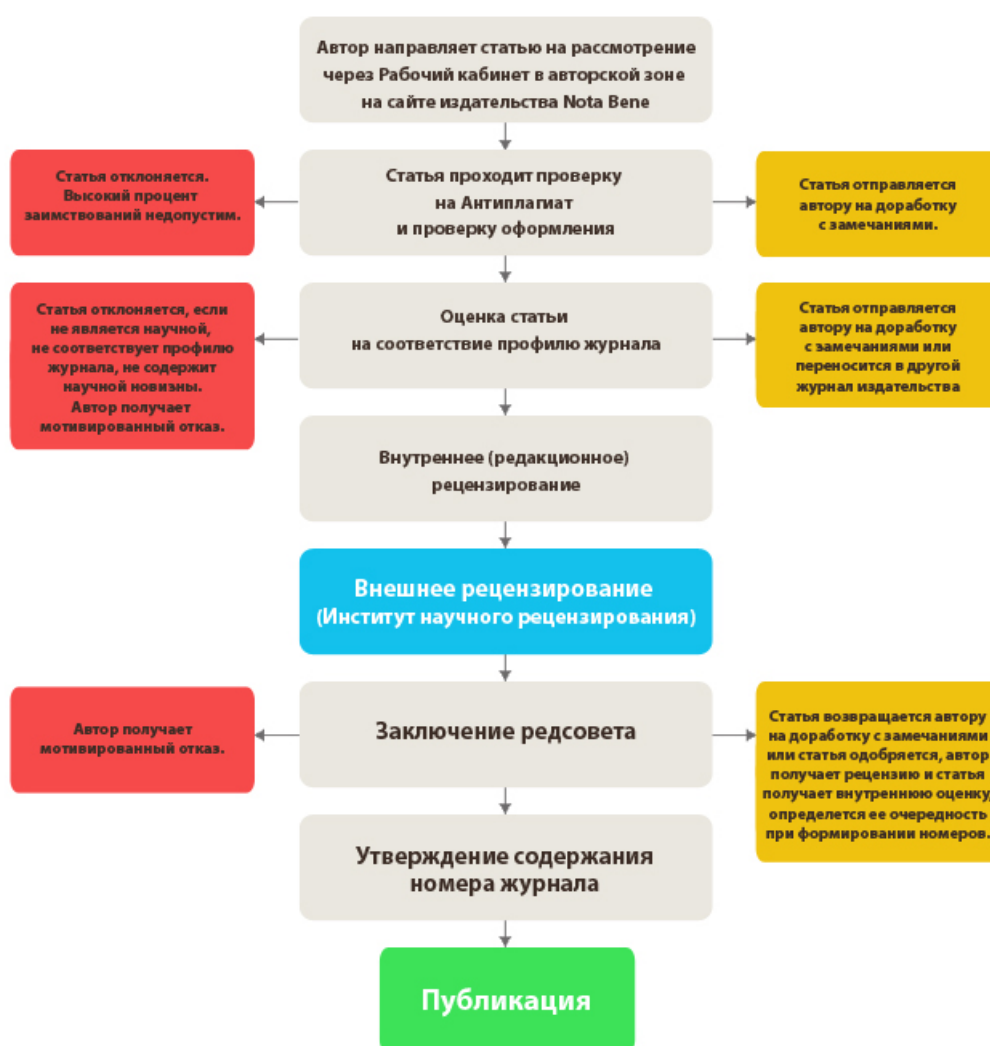
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Левчук И.А. Особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества	1
Богачев А.М. Структура защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации	14
Мурсалыева Г.М., Мишина М.М. Сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков	40
Аксютин З.А. Иерархия методологических признаков метафорических ассоциативных карт	53
Журавлева Д.И., Кравцова Н.А. Смыслжизненные ориентации как фактор, влияющий на формирование жизнестойкости студентов	64
Англоязычные метаданные	83

Contents

Levchuk I.A. Features of Psychological Well-being and Basic needs satisfaction depending on the degree of Loneliness experience	1
Bogachev A.M. The structure of an individual's defensive behavior in a difficult life situation (based on examples from Mariupol and Saint Petersburg)	14
Mursalyeva G., Mishina M.M. Comparative analysis of cultural and psychological differences in the personalities of modern adolescents.	40
Aksyutina Z.A. Hierarchy of methodological features of metaphorical associative cards	53
Zhuravleva D.I., Kravtsova N.A. Meaningful orientations in life as a factor influencing the formation of students' hardness: a review of foreign and domestic literature	64
Metadata in english	83

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Левчук И.А. Особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества // Психолог. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.3.74474 EDN: AMWUMZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74474

Особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества

Левчук Илья Александрович

независимый исследователь

123290, Россия, Московская область, г. Москва, Шелепихинская набережная, 34к2, кв 1141

✉ levchukeli@gmail.com

[Статья из рубрики "Внутренний мир человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.3.74474

EDN:

AMWUMZ

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2025

Дата публикации:

19-05-2025

Аннотация: Психологическое благополучие и удовлетворённость базовых потребностей являются ключевыми показателями ментального здоровья и внутренней устойчивости личности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления факторов, влияющих на эти показатели в условиях нарастающего феномена социального одиночества. Одиночество ассоциируется с дефицитом принадлежности, снижением самооценки, мотивации и интегративности, что делает его важной темой для психологической профилактики. Исследование направлено на выявление различий в уровне психологического благополучия и удовлетворённости базовых психологических потребностей у лиц с разной степенью выраженности переживания одиночества, а также на установление корреляций между этими переменными. В исследовании приняли

участие 216 человек в возрасте от 19 до 60 лет, из них 91,7% — женщины и 8,3% — мужчины. Использовались следующие психодиагностические методики: Шкала психологического благополучия К. Рифф (RPWB), Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (BPNSS), Шкала безнадёжности Бека (BHS), Опросник переживания одиночества (Манакова). Статистическая обработка включала критерий Шапиро–Уилка, U-критерий Манна–Уитни и расчёт коэффициента Кронбаха для оценки надёжности шкал. Результаты. Выявлены статистически значимые различия в уровнях психологического благополучия и удовлетворённости базовых потребностей между группами с умеренным и выраженным переживанием одиночества. У лиц с выраженным одиночеством отмечены значительно более низкие показатели по всем шкалам благополучия и удовлетворения потребностей. Также установлены положительные корреляции между удовлетворённостью базовых потребностей и всеми компонентами психологического благополучия. Исследование впервые выявляет статистически подтверждённые различия в уровнях психологического благополучия и удовлетворённости базовых потребностей у людей с разной степенью переживания одиночества. Новизна заключается в подтверждении роли базовых потребностей как медиаторов негативного влияния одиночества на внутреннюю устойчивость личности. Выводы. Результаты исследования подтверждают, что выраженность переживания одиночества оказывает комплексное негативное влияние на психологическое состояние личности, снижая её внутреннюю устойчивость, мотивацию и способность к социальной адаптации. Удовлетворение базовых потребностей, особенно в автономии и принадлежности, выступает как фактор защиты, поддерживающий благополучие. Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов для разработки программ психологической помощи, направленных на укрепление внутренних ресурсов и профилактику эмоциональных нарушений, связанных с одиночеством.

Ключевые слова:

психологическое благополучие, одиночество, удовлетворённость базовых потребностей, автономия, принадлежность, компетентность, психологическое здоровье, внутренняя устойчивость, социальная адаптация, переживание одиночества

Введение

Проблема одиночества и его влияния на психологические характеристики личности в последние годы привлекает всё большее внимание исследователей. Согласно современным данным, одиночество представляет собой не только субъективное эмоциональное переживание, но и фактор, тесно связанный с ухудшением психологического благополучия и снижением качества жизни [\[1\]](#). По оценкам Всемирной организации здравоохранения, одиночество и социальная изоляция оказывают такое же негативное воздействие на здоровье, как курение или ожирение, и увеличивают риск преждевременной смерти [\[2\]](#). В связи с этим особую актуальность приобретает изучение особенностей психологического состояния личности в зависимости от степени переживания одиночества.

Психологическое благополучие является одним из ключевых показателей здоровья личности. Современные исследователи рассматривают психологическое благополучие как многомерную конструкцию, включающую такие компоненты, как позитивные

межличностные отношения, автономия, личностный рост, наличие целей в жизни, управление средой и самопринятие [3]. Оно отражает не только субъективное ощущение счастья, но и глубинные процессы развития и самореализации человека. Высокий уровень психологического благополучия способствует лучшей адаптации к жизненным трудностям, большей устойчивости к стрессу и более высокому уровню удовлетворенности жизнью [4]. Недостаточность психологического благополучия, напротив, ассоциируется с повышенным риском тревожных и депрессивных состояний, ухудшением социальной адаптации и снижением мотивации к личностному развитию.

Важной основой психологического благополучия является удовлетворение базовых психологических потребностей. Согласно теории самодетерминации, разработанной Э. Л. Деси и Р. М. Райаном, к числу базовых психологических потребностей относятся потребности в автономии, компетентности и принадлежности [5]. Базовые потребности в компетенции, автономности и привязанности должны быть удовлетворяемы в течении жизни индивида для переживания непереходящего чувства интегративности и благополучия или "eudemonia" [6]. Компетентность связана с ощущением чувства способности справляться с решением задач в различных обстоятельствах [12]. Потребность в автономии выражается в стремлении человека ощущать себя автором собственных действий; потребность в компетентности связана с желанием эффективно взаимодействовать с окружающей средой; потребность в принадлежности отражает стремление к установлению прочных и поддерживающих социальных связей. Потребность в автономии не совпадает с потребностью в независимости, эгоизмом или просто свободой выбора [13]. Потребность в установлении связей заключается в ощущении чувства близости, контакта с другими людьми, в принадлежности к какой-либо группе. Удовлетворенности базовых потребностей способно вести к развитию внутренней дезадаптации, снижению жизненной активности и усилению чувства одиночества.

Переживание одиночества, в свою очередь, является сложным феноменом, который включает в себя не только объективную социальную изоляцию, но и субъективное ощущение недостаточности значимых социальных связей. Одиночество может восприниматься как негативное состояние, сопровождаемое чувством пустоты, оторванности, потерей смысла [7]. При этом важно учитывать, что одиночество не всегда носит патологический характер: в ряде случаев оно может быть осмысленным опытом, способствующим личностному росту и внутреннему развитию [8]. Ключевым моментом становится субъективная оценка человеком своего состояния одиночества и его эмоциональная окраска.

Современные исследования подчёркивают, что выраженность переживания одиночества тесно связана с уровнем психологического благополучия и удовлетворённостью базовых потребностей. Более интенсивное ощущение одиночества ассоциируется с нарушением потребности в принадлежности, снижением автономии и компетентности, а также с ухудшением всех компонентов психологического благополучия [9]. В то же время восприятие одиночества как временного и преодолимого состояния может смягчать его негативное влияние на внутренние процессы личности [10]. Таким образом, степень переживания одиночества оказывается важным фактором, определяющим характер внутреннего состояния человека и его способность к адаптации в социальном пространстве.

В свете изложенного, исследование особенностей психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания

одинокости представляется актуальным направлением научного поиска. Понимание этих взаимосвязей позволит глубже раскрыть механизмы влияния одиночества на личность и сформировать более эффективные подходы к психологической помощи и профилактике внутренней дезадаптации.

Методы исследования

В качестве методик исследования использовались Шкала психологического благополучия К. Рифф (RPWB), Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (BPNSS), Шкала безнадежности Бека (BHS), Опросник переживания одиночества [11].

Данные были проверены на нормальность распределения с использованием критерия Шапиро-Уилка. Для сравнения групп применялся U-критерий Манна-Уитни. Надежность шкал подтверждена коэффициентом альфа Кронбаха ($\alpha \geq 0,7$).

Различия между группами были статистически значимыми ($p \leq 0.05$), что подчеркивает важность учета степени одиночества при изучении психологического здоровья и разработке программ поддержки.

Выборка

В исследовании приняли участие 216 респондентов в возрасте от 19 до 60 лет (91,7% женщин, 8,3% мужчин).

Результаты исследования

Таблица 1

Взаимосвязь психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей

	Позитивные отношения	Авто- номия	Управление средой	Личный рост	Цели в жизни	Само- принятие	Психолог благополучие
Автономия	0,502**	0,386**	0,532**	0,400**	0,511**	0,541**	0,619*
Компетентность	0,299**	0,294**	0,283**	0,208**	0,256**	0,246**	0,343*
Принадлежность	0,599**	-	0,219**	0,254**	0,249**	0,160*	0,336*

Условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Table 1

The Relationship Between Psychological Well-Being and Basic Psychological Needs Satisfaction

	Positive Relations	Autonomy	Environmental Mastery	Personal Growth	Purpose in Life	Self- Acceptance	Psycholog Well-Bei
Autonomy	0,502**	0,386**	0,532**	0,400**	0,511**	0,541**	0,619*
Competence	0,299**	0,294**	0,283**	0,208**	0,256**	0,246**	0,343*
Relatedness	0,599**	-	0,219**	0,254**	0,249**	0,160*	0,336*

Note: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Показатель «автономия» имеет сильные положительные взаимосвязи с позитивными

отношениями ($r = 0,502$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = 0,532$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = 0,511$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = 0,541$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = 0,619$, $p < 0,01$), а также умеренную положительную связь с автономией как компонентом благополучия ($r = 0,386$, $p < 0,01$) и личностным ростом ($r = 0,400$, $p < 0,01$). Это означает, что чем выше удовлетворенность потребностью в автономии, тем выше качество позитивных социальных связей, ощущение контроля над окружающей средой, целенаправленность, принятие себя и общее психологическое благополучие. Согласно теории Э. Деси и Р. Райана, автономия как базовая потребность способствует развитию личностной зрелости, внутренней свободы и целостности, что напрямую связано с высокими показателями благополучия.

Показатель «компетентность» демонстрирует слабые положительные взаимосвязи с позитивными отношениями ($r = 0,299$, $p < 0,01$), автономией ($r = 0,294$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = 0,283$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = 0,208$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = 0,256$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = 0,246$, $p < 0,01$) и общим психологическим благополучием ($r = 0,343$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что чем выше удовлетворенность потребностью в компетентности, тем больше человек ощущает свою эффективность, развивается личностно, принимает себя и строит осмысленную жизнь. В рамках интерпретации компетентность связана с чувством способности справляться с жизненными задачами, а её высокий уровень способствует укреплению всех компонентов психологического благополучия.

Показатель «принадлежность» имеет сильную положительную взаимосвязь с позитивными отношениями ($r = 0,599$, $p < 0,01$), а также слабые положительные взаимосвязи с управлением средой ($r = 0,219$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = 0,254$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = 0,249$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = 0,160$, $p < 0,05$) и общим психологическим благополучием ($r = 0,336$, $p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что чем выше удовлетворение потребности в принадлежности, тем выше качество социальных связей, чувство контроля над обстоятельствами, стремление к развитию, осмысленность жизни и принятие себя. Принадлежность обеспечивает базовое ощущение безопасности, социальной поддержки и включенности в значимые отношения, что усиливает общее психологическое здоровье.

Результаты анализа показали, что удовлетворение базовых психологических потребностей — автономии, компетентности и принадлежности — положительно связано с уровнем психологического благополучия. Наиболее сильные взаимосвязи обнаружены между удовлетворением потребности в автономии и всеми компонентами благополучия, а также между удовлетворением потребности в принадлежности и позитивными отношениями. Эти данные подтверждают, что реализация базовых потребностей играет ключевую роль в поддержании внутреннего равновесия, личностного роста, чувства осмысленности жизни и социальной включенности. Таким образом, базовые психологические потребности служат фундаментом для формирования высокого уровня психологического благополучия личности.

Таблица 2

Сравнительный анализ психологического благополучия в зависимости от степени переживания одиночества

Показатели	Умеренное одиночество (N=96)	Выраженное одиночество (N=120)	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Исходные данные исследования (данные)				

шкала психологического благополучия (КРWB)				
Позитивное отношение	63,82 ± 7,76	57,20 ± 9,29	3453	0,001
Автономия	59,30 ± 8,01	55,22 ± 7,48	4066	0,001
Управление средой	60,65 ± 6,64	52,74 ± 7,84	2537,5	0,001
Личностный рост	67,63 ± 6,94	64,53 ± 7,82	4441	0,004
Цели в жизни	67,03 ± 7,17	59,51 ± 9,11	2997,5	0,001
Самопринятие	64,16 ± 8,72	53,87 ± 10,51	2595	0,001
Общий уровень благополучия	382,58 ± 33,72	343,07 ± 38,54	2609	0,001

Table 2

Comparative Analysis of Psychological Well-Being Depending on the Degree of Loneliness Experience

Indicators	Moderate Loneliness (N=96)	Severe Loneliness (N=120)	Mann-Whitney U-Test	Significance Level (p)
Psychological Well-Being Scale (RPWB)				
Positive Relations	63,82 ± 7,76	57,20 ± 9,29	3453	0,001
Autonomy	59,30 ± 8,01	55,22 ± 7,48	4066	0,001
Environmental Mastery	60,65 ± 6,64	52,74 ± 7,84	2537,5	0,001
Personal Growth	67,63 ± 6,94	64,53 ± 7,82	4441	0,004
Purpose in Life	67,03 ± 7,17	59,51 ± 9,11	2997,5	0,001
Self-Acceptance	64,16 ± 8,72	53,87 ± 10,51	2595	0,001
Psychological Well-Being	382,58 ± 33,72	343,07 ± 38,54	2609	0,001

По показателю «позитивные отношения с другими» лица с умеренным уровнем переживания одиночества продемонстрировали среднее значение $M=48,02$, тогда как лица с выраженным уровнем одиночества — $M=39,21$. Различие оказалось статистически значимым ($p=0,001$). Это означает, что люди с умеренным одиночеством имеют более высокую способность к установлению тёплых, доверительных отношений с окружающими. В контексте методики шкалы психологического благополучия высокий показатель по данному параметру свидетельствует о наличии глубоких межличностных связей и удовлетворенности социальными контактами. Следовательно, выраженность одиночества сопряжена со снижением качества социальных взаимодействий и чувства социальной поддержки.

По шкале «автономия» лица с умеренным одиночеством показали среднее значение $M=44,79$, в то время как у лиц с выраженным одиночеством среднее значение составило $M=39,44$ ($p=0,001$). Это свидетельствует о более высокой степени самостоятельности, независимости в мышлении и действиях у лиц, испытывающих одиночество в умеренной форме. Согласно интерпретации методики, автономия отражает способность опираться на

внутренние ценности, а снижение этого показателя у лиц с выраженным одиночеством указывает на повышенную зависимость от мнений окружающих и трудности в отстаивании личных границ.

По параметру «управление средой» среднее значение у лиц с умеренным переживанием одиночества составило $M=45,36$, а у лиц с выраженным одиночеством — $M=37,18$ ($p=0,001$). Таким образом, лица с умеренным уровнем одиночества лучше справляются с организацией своего жизненного пространства и адаптацией к требованиям внешней среды. В рамках методики данный показатель отражает эффективность использования окружающих ресурсов и ощущение контроля над собственной жизнью. Снижение данного показателя у лиц с выраженным одиночеством свидетельствует о внутреннем ощущении беспомощности и слабой способности к активному взаимодействию с миром.

Показатель «личностный рост» у лиц с умеренным уровнем одиночества составил $M=49,67$, тогда как у лиц с выраженным одиночеством — $M=45,12$ ($p=0,004$). Это говорит о более выраженной ориентированности на развитие и самосовершенствование у лиц с умеренным одиночеством. В контексте методики личностный рост трактуется как стремление к постоянному развитию и открытость новым жизненным возможностям. Низкий уровень данного показателя у лиц с выраженным одиночеством может указывать на застой в личностном развитии и снижение стремления к внутреннему росту.

По шкале «цели в жизни» среднее значение у лиц с умеренным одиночеством составило $M=46,74$, в то время как у лиц с выраженным одиночеством — $M=40,56$ ($p=0,001$). Это указывает на более высокую осмысленность существования и наличие ясных жизненных ориентиров у лиц с умеренным одиночеством. В методике данный параметр отражает чувство целенаправленности и мотивацию к достижению целей. Снижение этого показателя у лиц с выраженным одиночеством свидетельствует о потере жизненных ориентиров и снижении чувства смысла жизни.

Показатель «самопринятие» у лиц с умеренным уровнем одиночества равнялся $M=48,23$, а у лиц с выраженным одиночеством — $M=39,47$ ($p=0,001$). Это свидетельствует о более позитивном отношении к себе, умении принимать свои сильные и слабые стороны у лиц с умеренным одиночеством. В рамках интерпретации шкалы самопринятие является важным компонентом внутренней гармонии. Снижение самопринятия при выраженном одиночестве может указывать на внутренние конфликты, самокритику и непринятие собственного опыта.

Общий показатель психологического благополучия у лиц с умеренным одиночеством составил $M=282,81$, тогда как у лиц с выраженным одиночеством — $M=241,00$ ($p=0,001$). Это подтверждает, что лица, испытывающие одиночество в выраженной форме, демонстрируют значительно более низкий уровень интегрального психологического благополучия, что отражает комплексное ухудшение внутреннего состояния личности, снижение адаптивности и жизненной устойчивости.

Результаты анализа показали, что лица с умеренным уровнем переживания одиночества обладают более высокими показателями всех компонентов психологического благополучия по сравнению с лицами, испытывающими выраженное одиночество. Более высокие значения наблюдаются по всем шкалам: позитивные отношения, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни и самопринятие. Это свидетельствует о том, что выраженность одиночества оказывает системное негативное влияние на психологическое состояние личности, снижая её социальную активность, способность к саморегуляции, стремление к развитию и позитивную самооценку. Полученные данные

подчёркивают важность учёта степени переживания одиночества при разработке программ психологической помощи и профилактики дезадаптации.

Таблица 3

Сравнительный анализ удовлетворения базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества

Показатели УБП	Умеренное одиночество (N=96)	Выраженное одиночество (N=120)	U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
Автономия	4.69 ± 0.48	4.31 ± 0.58	3474	0.001
Принадлежность	4.64 ± 0.58	4.47 ± 0.65	4848	0.045
Компетентность	4.64 ± 0.58	4.46 ± 0.63	4780	0.043
Общий уровень УБП	13.97 ± 1.64	13.24 ± 1.86	3601	0.001

Примечание: Данные представлены в формате $M \pm SD$, где M — среднее значение, SD — стандартное отклонение. Уровень значимости $p \leq 0.05$.

Table 3

Comparative Analysis of Basic Psychological Needs Satisfaction Depending on the Degree of Loneliness Experience

Indicators BPNS	Moderate Loneliness (N=96)	Severe Loneliness (N=120)	Mann-Whitney U-Test	Significance Level (p)
Autonomy	4.69 ± 0.48	4.31 ± 0.58	3474	0.001
Relatedness	4.64 ± 0.58	4.47 ± 0.65	4848	0.045
Competence	4.64 ± 0.58	4.46 ± 0.63	4780	0.043
Overall Level of BPNS	13.97 ± 1.64	13.24 ± 1.86	3601	0.001

Note: Data are presented as $M \pm SD$, where M is the mean and SD is the standard deviation. Significance level $p \leq 0.05$.

По показателю «автономия» лица с умеренным уровнем переживания одиночества продемонстрировали среднее значение $M=4,69$ ($SD=0,48$), тогда как лица с выраженным уровнем одиночества — $M=4,31$ ($SD=0,58$). Различие оказалось статистически значимым ($p=0,001$). Это свидетельствует о том, что лица с умеренным одиночеством в большей степени ощущают свою способность действовать свободно и независимо, опираясь на внутренние ценности и цели. Согласно интерпретации методики диагностики удовлетворения базовых психологических потребностей, высокий уровень автономии отражает внутреннюю согласованность и чувство авторства своих поступков. Следовательно, выраженное одиночество сопровождается снижением ощущения контроля над собственной жизнью и большей внешней зависимостью.

По шкале «принадлежность» лица с умеренным одиночеством имеют среднее значение $M=4,64$ ($SD=0,58$), тогда как лица с выраженным одиночеством — $M=4,47$ ($SD=0,65$) ($p=0,045$). Это указывает на то, что лица с умеренным одиночеством в большей степени удовлетворены своей потребностью в установлении значимых и поддерживающих социальных связей. В контексте методики потребность в принадлежности отражает

важность чувства социальной вовлеченности, принятия и эмоциональной поддержки со стороны окружающих. Снижение уровня принадлежности при выраженном одиночестве свидетельствует о дефиците социальной включенности и усилении чувства изоляции.

По показателю «компетентность» лица с умеренным уровнем переживания одиночества показали среднее значение $M=4,64$ ($SD=0,58$), а лица с выраженным одиночеством — $M=4,46$ ($SD=0,63$) ($p=0,043$). Это говорит о том, что у лиц с умеренным переживанием одиночества в большей степени удовлетворена потребность в ощущении собственной эффективности, способности достигать поставленных целей и справляться с жизненными задачами. В методике компетентность трактуется как осознание человеком своей способности влиять на события и эффективно взаимодействовать с окружающей средой. Снижение данного показателя при выраженном одиночестве отражает уменьшение чувства собственной эффективности и веры в способность справляться с жизненными трудностями.

Общий уровень удовлетворения базовых психологических потребностей также оказался значительно выше у лиц с умеренным одиночеством ($M=13,97$, $SD=1,64$) по сравнению с лицами с выраженным уровнем одиночества ($M=13,24$, $SD=1,86$), различие значимо ($p=0,001$). Это подтверждает, что лица с выраженным переживанием одиночества в целом испытывают больше трудностей в удовлетворении ключевых базовых потребностей, что может ослаблять их внутренние ресурсы и снижать уровень психологической адаптации.

Результаты анализа показали, что лица с умеренным уровнем переживания одиночества имеют более высокую удовлетворенность базовыми психологическими потребностями — автономией, принадлежностью и компетентностью — по сравнению с лицами, испытывающими выраженное одиночество. Эти данные подтверждают, что выраженность одиночества негативно влияет на удовлетворение фундаментальных психологических потребностей, снижая чувство самоуправления, эффективность и социальную включенность личности. Таким образом, степень переживания одиночества играет важную роль в формировании внутреннего состояния человека и его способности к адаптивному функционированию.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить важные особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества.

1. Установлено, что лица с выраженным уровнем переживания одиночества имеют значительно более низкие показатели психологического благополучия по всем исследованным параметрам. Они демонстрируют снижение качества позитивных межличностных отношений, меньшую автономию, сниженные способности к управлению жизненными обстоятельствами, более низкий уровень личностного роста, меньшую целеустремлённость и более слабое самопринятие. Это указывает на то, что переживание одиночества в выраженной степени сопряжено с нарушением как социальной адаптивности, так и внутренней целостности личности. Таким образом, одиночество выступает не только как социальный, но и как глубоко личностный феномен, отражающийся на всех уровнях психологического функционирования.

2. Выявлены различия в удовлетворённости базовых психологических потребностей в зависимости от степени переживания одиночества. Лица с умеренным уровнем одиночества значительно чаще удовлетворяют свои потребности в автономии,

принадлежности и компетентности. В то время как лица с выраженным переживанием одиночества ощущают больший дефицит чувства внутренней свободы, социальной вовлеченности и личной эффективности. Эти результаты подчёркивают, что степень переживания одиночества прямо связана с уровнем реализации базовых психологических потребностей, нарушение которых является одним из центральных механизмов формирования внутренней дезадаптации.

3. Установленные связи удовлетворения базовых потребностей и психологического благополучия демонстрируют положительную корреляцию, независимо от выраженности одиночества. Это свидетельствует о том, что удовлетворение базовых потребностей не только способствует общему благополучию личности, но и играет роль медиатора, ослабляющего негативные последствия переживания одиночества.

4. Полученные данные позволяют глубже понять механизмы, через которые одиночество влияет на личностное развитие и внутреннюю устойчивость. Высокий уровень удовлетворения базовых потребностей, особенно автономии, смягчает негативное влияние одиночества, поддерживая внутреннюю активность, целеустремленность и позитивную самооценку. В то время как их дефицит усиливает деструктивные эффекты одиночества, приводя к снижению внутренней согласованности, чувства контроля и социальной включенности.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что степень переживания одиночества является критическим фактором, определяющим особенности внутреннего состояния личности. Переживание одиночества в выраженной степени связано с комплексным снижением психологического благополучия и удовлетворенности базовыми потребностями, что делает человека более уязвимым к стрессу, снижает его адаптивные ресурсы и усиливает риск развития эмоциональных нарушений.

Практическое значение

Практическое значение полученных результатов заключается в возможности использования данных для разработки программ психологической профилактики и интервенции. Особое внимание должно уделяться работе с интерпретацией одиночества, развитию автономии, укреплению чувства компетентности и формированию устойчивых социальных связей. Психологические программы, направленные на удовлетворение базовых потребностей и повышение осмысленности жизненных целей, могут способствовать смягчению негативного влияния одиночества и укреплению психологического здоровья.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с более глубоким анализом роли индивидуальных различий в интерпретации одиночества, изучением медирующей роли базовых потребностей в процессе формирования психологического благополучия, а также исследованием эффективных методов профилактики одиночества на разных этапах жизненного цикла.

Библиография

1. Nguyen T. T., Lee E. E., Daly R. E., Wu T., Tang Y., Tu X., Van Patten R., Jeste D. V., Palmer B. W. Predictors of loneliness by age decade: Study of psychological and environmental factors in 2,843 community-dwelling Americans aged 20-69 years // Journal of Clinical Psychiatry. - 2020. - Vol. 81, no. 6. - Article e20m13378. DOI: 10.4088/jcp.20m13378 EDN: KKZZJM. [На англ.]
2. World Health Organization. WHO launches commission to foster social connection. -

2023. - URL: <https://www.who.int/news/item/15-11-2023-who-launches-commission-to-foster-social-connection> (дата обращения: 01.05.2025). [На англ.]
3. Дубровина И. В. Феномен "психологическое благополучие" в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования. - 2020. - Т. 17, № 3. - С. 9-21. EDN: YHWSRS.
4. Солдатова Г. В., Шингаев С. М. Современные исследования психологического благополучия субъектов образования // Психология человека в образовании. - 2024. - Т. 6, № 3. - С. 288-299. DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-3-288-299 EDN: HVXDGY.
5. Deci E. L., Olafsen A. H., Ryan R. M. Self-determination theory in work organizations: The state of a science // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. - 2017. - Vol. 4. - P. 19-43. [На англ.]
6. Райан Р. М., Деси Э. Л. Теория самодетерминации и поддержка внутренней мотивации, социальное развитие и благополучие / пер. с англ. Р. А. Вороновой // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. - 2003. - № 3(1). - С. 91-111.
7. Heinrich L. M., Gullone E. The clinical significance of loneliness: A literature review // Clinical Psychology Review. - 2006. - Vol. 26, no. 6. - P. 695-718. [На англ.]
8. Rokach A. The psychology of loneliness: Insights into meaning, identity and belonging // Current Psychology. - 2018. - Vol. 37. - P. 807-812. [На англ.]
9. van Tilburg T. G., Steinmetz S., Stolte E., van der Roest H., de Vries D. H. Loneliness and mental health during the COVID-19 pandemic: A study among Dutch older adults // The Journals of Gerontology: Series B. - 2021. - Vol. 76, no. 7. - P. e249-e255. DOI: 10.1093/geronb/gbaa111 EDN: VCXJWS. [На англ.]
10. Nowland R., Necka E. A., Cacioppo J. T. Loneliness and social internet use: Pathways to reconnection in a digital world? // Perspectives on Psychological Science. - 2018. - Vol. 13, no. 1. - P. 70-87. [На англ.]
11. Манакова Е. А. Опросник переживания одиночества // Сибирский психологический журнал. - 2018. - № 69. - С. 149-171. DOI: 10.17223/17267080/69/9 EDN: VAEUAV.
12. Hui E. K. P. Self-determination as a psychological and positive youth development construct // The Scientific World Journal. - 2012. - Article ID 759358. [На англ.]
13. Chirkov V. Differentiating autonomy from individualism as independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // Теория детерминации. - 2003. [На англ.]

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества». Работа включает в себя введение, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования. В основном разделе представлено описание результатов проведенного эмпирического исследования. Автор описал полученные результаты взаимосвязи психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей, дал сравнительный анализ психологического благополучия в зависимости от степени переживания одиночества и удовлетворения базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества. В заключении представлены аргументированные выводы и выделено практическое значение проведенного исследования.

Предмет исследования. Автором исследованы особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества.

Методологическая основа исследования. Автором рассмотрены основные подходы, которые рассматривают проблему одиночества, а также проведено эмпирическое исследование. Методом исследования выступил теоретический обзор источников, а также комплекс эмпирических методик (Шкала психологического благополучия К. Рифф (RPWB), Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (BPNSS), Шкала безнадёжности Бека (BHS), Опросник переживания одиночества). Данные были проверены на нормальность распределения с использованием критерия Шапиро–Уилка. Для сравнения групп применялся U–критерий Манна–Уитни. Надежность шкал подтверждена коэффициентом альфа Кронбаха ($\alpha \geq 0,7$). Различия между группами были статистически значимыми ($p \leq 0.05$), что подчеркивает важность учета степени одиночества при изучении психологического здоровья и разработке программ поддержки.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что исследование особенностей психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества представляется актуальным направлением научного поиска. Понимание этих взаимосвязей позволит глубже раскрыть механизмы влияния одиночества на личность и сформировать более эффективные подходы к психологической помощи и профилактике внутренней дезадаптации. В то же время, теоретических и практических разработок в настоящее время недостаточно.

Научная новизна исследования. Проведённое исследование позволило выявить важные особенности психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества. Так, автором установлено: лица с выраженным уровнем переживания одиночества имеют значительно более низкие показатели психологического благополучия по всем исследованным параметрам, выявлены различия в удовлетворённости базовых психологических потребностей в зависимости от степени переживания одиночества, установленные связи удовлетворения базовых потребностей и психологического благополучия демонстрируют положительную корреляцию, независимо от выраженности одиночества, полученные данные позволяют глубже понять механизмы, через которые одиночество влияет на личностное развитие и внутреннюю устойчивость.

Результаты исследования подтверждают, что степень переживания одиночества является критическим фактором, определяющим особенности внутреннего состояния личности. Переживание одиночества в выраженной степени связано с комплексным снижением психологического благополучия и удовлетворенности базовыми потребностями, что делает человека более уязвимым к стрессу, снижает его адаптивные ресурсы и усиливает риск развития эмоциональных нарушений.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 13 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно. Например, не во всех источниках указано количество страниц (например, в источниках 12, 13).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Оформить библиографический список в соответствии с предъявляемыми требованиями.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и. практической ценностью Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами одиночества. Вопрос рассматривается через призму описания особенностей психологического благополучия и удовлетворенности базовых потребностей в зависимости от степени переживания одиночества. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Богачев А.М. Структура защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации // Психолог. 2025. № 3.
DOI: 10.25136/2409-8701.2025.3.74396 EDN: BIXXTM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74396

Структура защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации

Богачев Алексей Михайлович

ORCID: 0000-0002-9430-2274

научный сотрудник Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Старший преподаватель
кафедры практической психологии, Мариупольский государственный гуманитарный университет им
А.И. Куинджи

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, 6, кв. 20

✉ amb1976@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология масс"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.3.74396

EDN:

BIXXTM

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Дата публикации:

20-05-2025

Аннотация: В настоящий момент проблема преодоления личностью последствий попадания в сложную (трудную) жизненную ситуацию, включая риск развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) является чрезвычайно актуальной, в том числе в связи с проведением СВО и иными социально-психологическими факторами. Предмет исследования – психологические закономерности, связанные с нахождением в трудной (сложной, стрессогенной) жизненной ситуации. Объект исследования – студенты МГУ им А.И. Куинджи (г. Мариуполь) и Герценовского университета (Санкт-Петербург). Целью настоящей работы является прояснение взаимосвязи степени риска развития ПТСР в трудной жизненной ситуации, сопряженной с нахождением в зоне военных действий, стратегий совладания, защитных механизмов и других проявлений личности, включая особенности сна и сновидений, а также

идентификация соответствующих различий между жителями Мариуполя и Санкт-Петербурга. В рамках исследования использовались методы тестирования, анкетирования, математической статистики, интерпретации. В числе использованных методик: Опросник на скрининг ПТСР; методика А. Лазаруса «Стратегии совладающего поведения» (ССП); опросник структуры психологических защит М. Бонда, шкала реактивной и личностной тревожности Спилбергера; Госпитальная шкала тревоги и депрессии. Полученные результаты дают возможность подтвердить сделанные в рамках пилотажного исследования выводы, согласно которым высокий риск развития ПТСР взаимосвязан со стратегией «бегства-избегания» и неадаптивными защитными механизмами, и, напротив, развитие субъектности личности взаимосвязано со зрелыми стратегиями совладания и защитными механизмами. Также исследование показывает, что пережившие опыт нахождения на территории военных действий жители г. Мариуполь, в целом, и, в особенности, выбравшие профессиональную траекторию обучения психологии, выработали адаптивную модель совладания со стрессогенными факторами трудной (сложной) жизненной ситуации (в сравнении с жителями Санкт-Петербурга). Результаты исследования можно использовать как в практике психокоррекции личности и воспитательной работы, так и в области прикладной социальной психологии.

Ключевые слова:

Личность, Защитный механизм, Стратегия совладания, Травма, Трудная жизненная ситуация, ПТСР, Развитие, Риск, Сновидения, Целостность

Введение

В современном мире проблематика преодоления личностью трудных жизненных ситуаций с помощью защитных механизмов, а также стратегий совладания, становится все более актуальной [\[1-17\]](#). Несмотря на значительное количество исследований в этой области, остается нерешенным вопрос об внутриличностной интеграции процессов саморегуляции, а также их ситуационная специфичность. В частности, данная проблематика проявляется в реакциях на стресс гражданского населения, ставшего свидетелями военных действий.

Их адаптация – внутренняя и внешняя – к трудной жизненной ситуации может привести либо к деформации личности, сопровождаемой актуализацией незрелых защитных механизмов и стратегий совладания, либо к ее развитию и трансформации, а. значит, формированию и (или) задействованию адаптивной системы защит и копинг-стратегий. Во втором случае индивидуум проявляется как проявляется субъект - активный деятель, умеющий осознанно принимать на себя ответственность за собственные действия.

Настоящее исследование посвящено выявлению закономерностей в области защитно-адаптивной структуры личности, попавшей в особый тип сложной жизненной ситуации – нахождение в зоне активных военных действий на примере населения воссоединившихся с Россией территорий. Отметим, данная работа обобщает результаты цикла научных работ, посвященных вышеописанной проблематике (в их числе мы выделяем такие труды, как «Психологические особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям (на примере г. Мариуполь)» [\[11\]](#), «Отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность, риск ПТСР и

качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург» [10], «Фактор распространённости посттравматических стрессовых расстройств среди студентов г. Мариуполя» [8], «Реабилитация лиц, переживших шоковую психологическую травму, методами глубинной экзистенциальной психологии» [13]).

Цель нашего исследования – выявление особенностей защитной системы личности у лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, на примере студентов Мариуполя.

Поставленная цель конкретизируется в следующих *задачах*:

1. Анализ и систематизация существующих подходов к изучению защитной системы личности и трудных жизненных ситуаций;
2. Формирование теоретико-методологических оснований для разработки модели работы по совершенствованию защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.
3. Организация и проведение эмпирического исследования защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.
4. Обобщение и интерпретация полученных данных, их сравнительный анализ.
5. Разработка рекомендаций по совершенствованию защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Объект исследования – лица, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации во время военных действий по освобождению г. Мариуполь.

Предмет исследования защитная система личности у лиц, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации во время военных действий по освобождению г. Мариуполь.

Выборка исследования. Исследования проводились на базе Мариупольского госуниверситета им А.И. Куинджи и студентов из Санкт-Петербурга. Выборка составляет 206 человек – студентов в возрасте от 18 до 35 лет. Из них 99 респондентов представляют различные факультеты Мариупольского государственного университета в возрасте от 18 до 35 лет, а 107 респондентов – Институт психологии РГПУ им А.И. Герцена. Гендерное распределение: 9% лиц мужского пола и 91% — женского. Все испытуемые добровольно приняли решение принять участие в исследовании, и все они ранее пережили опыт нахождения на территории интенсивных военных действий в г. Мариуполь.

Основные гипотезы исследования:

1. Существуют значимые взаимосвязи между риском ПТСР, спецификой защитной системы личности и ее стратегиями совладания (копинг-стратегиями), а также уровнем тревожности.
2. Защитная система личности у лиц, имеющих опыт преодоления трудной жизненной ситуации, имеет свою специфику.
3. Существуют значимые различия в особенностях защитной системы личности между жителями Санкт-Петербурга и Мариуполя.

Обзор литературы

Что означает такое понятие, как «трудная [сложная] жизненная ситуация»? Его определение дано в статье 3 Федерального закона от 10.12.1995 №195-ФЗ «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». Приведем данное определение: «сложная жизненная ситуация – это ситуация, нарушающая напрямую жизнедеятельность человека, которую преодолеть самостоятельно он не способен».

Согласно Ф.Е. Василюку сложная (трудная) жизненная ситуация понимается в контексте социальной нестабильности, влекущей за собой переживание стресса, кризиса, трансформации, неопределенности и невозможности реализовать жизненно важные потребности [18].

В работе Л.Ф. Бурлачук и Е.Ю. Коржовой «Психология жизненных ситуаций» данное понятие определяется более широко [19]. Речь идет о жизненном пути как о системе понимаемых в качестве внутренних и внешних условий объективного и субъективного характера в контексте единства собственно ситуации и ее событийного стратегического наполнения по С.Л. Рубиншейну. Авторы предлагают модель субъект-объектных ориентаций в жизненных ситуациях, основанная на феноменах целостности и дискретности восприятия.

Очевидно, что действия, деятельность и поступки в сложных жизненных ситуациях представляют собой крайне значимое условие развития зрелой личности. Именно в сложной жизненной ситуации возникает потенциал проявления обладающего внутренней активностью субъекта. Отметим, что пролонгированные сложные жизненные ситуации при этом могут представлять собой совокупность отдельных жизненных ситуаций, в которые индивидум погружен в каждый момент своей жизни. Именно много-многозначными цепочками таких взаимодействий конструируется вся человеческая жизнедеятельность [6].

Именно в трудной жизненной ситуации проявляется защитная система личности, развивающаяся либо в сторону субъектности и зрелых стратегий совладания и защитных механизмов, либо в сторону их незрелых «эквивалентов». Согласно Е. И. Рассказовой и Т. О. Гордеевой значимый фактор снижения уровня дистресса заключается в возможности выбора между различными копинг-стратегиями: чем в большей степени индивидум имеет такой выбор, тем более эффективно он реагирует на конкретную трудную (стрессогенную) жизненную ситуацию. При этом «переход неосознаваемых копингов в осознаваемые осуществляется спонтанно, по мере накопления жизненного и профессионального опыта личности по разрешению проблем [20]. Ускорить этот процесс может психолог с помощью психокоррекционных и психотренинговых методов» [21].

Защитный механизм в данном контексте определяется нами как «вызванная бессознательным психическим конфликтом (при этом путь разрешения данного конфликта блокируется страхом) бессознательная же попытка ухода от реальности с помощью того или иного варианта самообмана, попытка, нарушающая естественное функционирование человеческой психики и, в конечном счете, завершающаяся неудачей. Другими словами, защитный механизм – это бессознательная попытка адаптации и ухода от разрешения психического конфликта, причем попытка, построенная на самообмане и вызванная нарушением гармоничных взаимоотношений между субъектом и Другим, сознанием и бессознательным» [7, с. 78].

Защитные механизмы личности были предметом изучения целого ряда зарубежных ученых, относящихся, прежде всего, либо к классическому психоанализу, либо к его

дериватам, включая З. Фрейда и его дочь А. Фрейд, а также А. Адлера, К. Хорни, Ф. Перлза, К. Меннингера, Р. Плутчика. М. Бонда и др. Среди отечественных ученых, занимавшихся данной проблематикой выделяются – Б. В. Зейгарник, Д. Карвасарский, Ф. Е. Василюк, В.И. Гарбузов, Ф. В. Бассин, Р. М. Грановская и др. [7, 25].

В сфере психологической науки существует большое количество классификаций защитных механизмов (психологических защит). Кроме того, их специфические дефиниции даны в DSM-IV и DSM-IV-TR, представлены в словарях Майснера и Вайлянта, определяются по шкале Перри и т.д. Главный критерий здесь основывается на степени «зрелости» используемых личностью защитных механизмов, причем такой подход соответствует как психоаналитической школе (и глубинной, и сконцентрированной на «эго»), так и когнитивной психологии. Также отсутствует и научный консенсус на тему взаимосвязи защитных механизмов личности между собой, что может быть обусловлено связью соответствующих концепций с авторским пониманием целостной структуры личности (то есть соответствующей теорией личности) и определенной сложностью в качественной и количественной дифференциации понятий защитного механизма и психической защиты. Отсюда и значительные отличия в различных классификациях защитных механизмов.

Что касается стратегий совладания (копинг-стратегий), то здесь выделяются такие фигуры, как Х. Хартманн, К. Меннингер, Р. Лазурус, В. Вайлант, Н. Хаан, С. Фолкман и т.д. Среди отечественных психологов это Ф. Е. Василюк, В. А. Ташлыков, Б. Д. Карвасарский, Е. И. Чехлатый, Э. И. Кишбаум, А. И. Еремеева, И. Р. Абитов, Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский и др. [11].

При этом и в контексте нашего исследования наиболее значимым стрессором является шоковая травма [22], которая может стать источником ПТСР [17, 21, 22]. Под шоковой травмой мы понимаем любое событие, угрожающее или воспринимаемое как угроза целостности, физическому и психологическому здоровью человека [17]. Как правило, к шоковой травме приводит физическое и/или сексуальное насилие, последствия боевых действий (как для непосредственных их участников, так и для гражданского населения), различного рода аварии, сложные операции и т.д. Шоковая ситуация может быть как кратковременной, так и пролонгированной, но в любом случае в ней заключена мощная энергия, возникающая, метафорически говоря, на грани "жизни и смерти".

В ходе ситуации, приводящей к шоковой травме, либо возникает реакция по типу "борьба-бегство", либо актуализируется шоковая реакция замирания. Основной внутренней реакцией на шоковую травму, как правило, является расщепление (с отдельными проявлениями вытеснения конкретных фрагментов опыта) личности с формированием жесткого барьера между сознанием и бессознательным; духовным, социальным и биологическим; «эго» и «конгломератом «Id» и «суперэго», и периодическими прорывами в область сознания отщепленного (и частично вытесненного) материала, в том числе и в форме определенных действий, подсознательно воспринимаемых как защитные [7, 23].

После шоковой травмы (особенно, если она нанесена незрелой, в том числе детской, психике) все ресурсы личности направляются на сбережение своих жизни, здоровья и целостности. Так как интенсивность события при «шоковом» стрессогенном факторе превышает адаптивные возможности индивидуума, то он или она не способны пережить событие в смысле его переработки и присвоения, трансформировать его в часть своего жизненного опыта: в результате личность фрагментируется. Более того, в результате

шоковой травмы зачастую блокируется чувство собственной ценности (человеческого достоинства), а также способность выстраивать и защищать свои границы, что по механизму порочного круга угрожает внутренним распадом и приводит к блокировке вызвавшего травму и остающегося травмирующим опыта автоматически на бессознательном уровне [\[7, 23\]](#).

Возникшая в результате структура личности может быть описана как сочетание "внешне нормальной личности" и ее части, относящейся к моменту (периоду) травматизации, то есть "аффективной личности", включающая в себя, в том числе, и ресурсы индивидуума. «Внешне нормальная личность», применяя различного рода защитные механизмы, пытается не допустить в сознание травмирующие воспоминания, которые, тем не менее, остаются стрессогенным фактором и проявляются в форме ночных кошмаров (и «флэшбеков»). Можно сказать, что здесь применяются неэффективные варианты копинг-стратегий и защитных механизмов в силу слишком высокой интенсивности стресса и неспособности индивидуума выдерживать соответствующее напряжение.

В работе, описывающей результаты исследования, проведенного одним из соавторов настоящей статьи с коллегами в г. Мариуполь, описываются следующие закономерности, выявленные на соответствующей выборке: «Показана взаимосвязь выраженности признаков посттравматического стрессового расстройства с преобладанием копинг-стратегии «бегство-избегание» и ориентацией на неадаптивные психологические защиты» [\[11, с. 227\]](#).

Добавление к мариупольской выборке группы испытуемых из Санкт-Петербурга позволило нам как проверить существование этих закономерностей за пределами конкретной территории, так и сравнить результаты, полученные в результате исследования «санкт-петербургской» и «мариупольской» выборок.

Методология, материалы и методы

В исследовании были использованы следующие методики: Опросник на скрининг ПТСР (Trauma Screening Questionnaire) [\[24\]](#); методика А. Лазаруса «Стратегии совладающего поведения» (ССП) (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) в адаптации Л.И. Вассермана [\[1\]](#); опросник структуры психологических защит (Self-Report of Defense Styles) М. Бонда в адаптации Е.Е. Туник [\[25\]](#), шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина [\[26\]](#); Госпитальная шкала тревоги и депрессии (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS) [\[27\]](#).

В рамках исследования использованы **методы:** тестирования, статистического анализа, качественного анализа, интерпретации полученных данных. Статистический анализ полученных эмпирических данных осуществлен посредством программ SPSS (статистический и аналитический блок) и включал в себя процедуры описательной статистики, расчет коэффициентов корреляции, сравнительный анализ контрастных групп с помощью критерия U-Манна-Уитни.

Результаты исследования (Results).

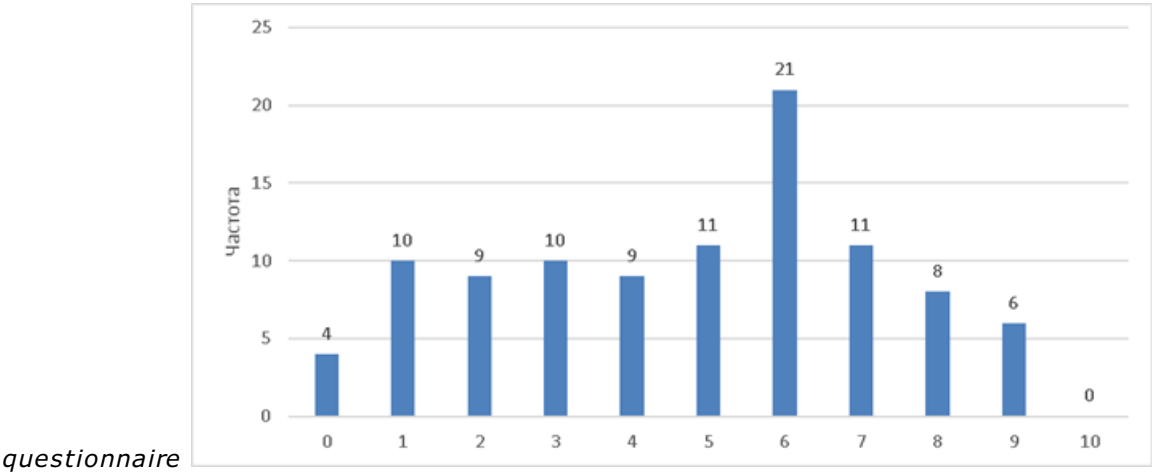
Согласно результатам прохождения опросника на скрининг ПТСР респондентами из Мариуполя 46,4 % (n=46) получили 6 и более баллов, что позволяет отнести их к группе риска ПТСР.

При этом осуществленная нами количественная обработка материалов исследования

показывает, что распределение данных по результатам опросника на скрининг ПТСР (рис. 1) отличается от нормального. Проверка на нормальность распределения осуществлялась по критерию Шапиро-Уилкса ($W = 0,95$, $p = 0,0009$), что указывает на то, что выборочные данные существенно отклоняются от нормального распределения.

Рис. 1 Распределение респондентов из Мариуполя по опроснику на скрининг ПТСР

Fig. 1 Distribution of respondents from Mariupol according to the PTSD screening

У респондентов из Санкт-Петербурга по результатам прохождения Опросника на скрининг ПТСР 38, 3% ($n = 41$) получили 6 и более баллов, что также позволяет отнести их к группе риска ПТСР. Распределение данных по результатам опросника на скрининг ПТСР и в этой группе респондентов отличается от нормального (рис. 2). Проверка на нормальность распределения осуществлялась по критерию Шапиро-Уилкса ($W = 0,96$, $p = 0,006$), что указывает на то, что выборочные данные существенно отклоняются от нормального распределения.

Рис. 2 Распределение респондентов из Санкт-Петербурга по опроснику на скрининг ПТСР

Fig. 2 Distribution of respondents from St. Petersburg according to the PTSD screening questionnaire

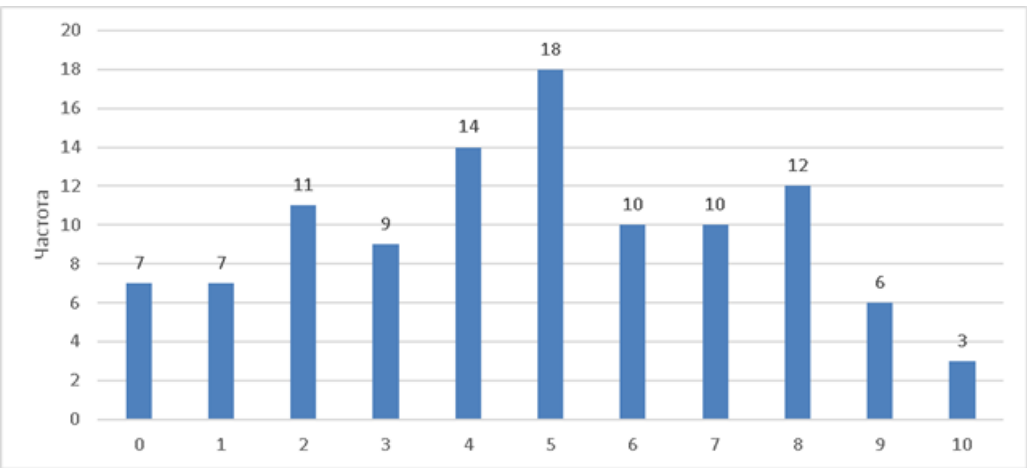

Таблица 1.

Сравнительный анализ исследуемых показателей в группе риска развития ПТСР ($n = 46$) и контрольной группе ($n = 53$) г. Мариуполь

Наименование	КГ		ЭГ		U- Манна-
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.	

показателей					Уитни	Р
Шкала Спилбергера–Ханина						
С Т	35,28	10,00	43,20	13,49	775,00	0,00
ЛТ	38,15	8,83	47,65	11,12	606,50	0,00
Стратегии совладающего поведения						
Конфронтация	48,11	9,88	50,48	10,86	1017,00	0,16
Дистанцирование	53,64	11,28	55,72	14,21	1070,00	0,30
Самоконтроль	47,83	12,17	49,57	13,96	1118,50	0,48
Поиск соц. Поддержки	47,11	9,63	47,50	11,16	1184,50	0,81
Принятие ответственности	45,00	10,14	47,26	13,05	1021,50	0,17
Бегство-избегание	50,92	10,91	58,26	13,68	780,50	0,00
Планирование решения	52,75	12,25	47,46	11,97	903,00	0,03
Положительная переоценка	55,40	10,79	51,35	10,77	953,50	0,06
Структура психологических защит						
Неадаптивные	3,42	1,23	4,70	1,30	525,50	0,00
Искажающие образ	3,62	1,18	4,66	1,50	717,50	0,00
Самопринижение	4,12	1,29	4,14	1,46	1167,00	0,72
Адаптивные	5,29	1,25	5,33	1,10	1164,00	0,70
Госпитальная шкала тревоги и депрессии						
Тревога	5,25	3,16	10,04	3,76	402,00	0,00
Депрессия	4,23	3,00	7,15	3,23	629,50	0,00

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $r < 0,05$

Полученные результаты позволяют нам зафиксировать существование статистически значимых взаимосвязей между риском ПТСР, с одной стороны, и использованием неадаптивных и искажающих образ защитных механизмов личности, а также копинг-стратегии «бегство-избегание» и высокого уровня тревожности, с другой стороны. Напротив, копинг-стратегия «планирования решения» значимо взаимосвязана с отсутствием риска ПТСР.

Таблица 2.

Сравнительный анализ исследуемых показателей в общей группе риска развития ПТСР ($n=84$) и контрольной группе ($n=122$) г. Санкт-Петербург и г. Мариуполь

Наименование показателей	Общая группа без риска ПТСР		Общая группа с риском ПТСР		U-Манна-Уитни	Р
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.		
С Т	35,76	12,87	46,60	12,92	2773,00	0,00
ЛТ	38,87	11,91	50,26	12,38	2359,50	0,00
Конфронтация	50,29	10,48	52,25	10,92	4636,50	0,20
Дистанцирование	51,51	12,94	55,07	14,61	4326,00	0,04
Самоконтроль	46,33	10,82	48,83	11,83	4438,00	0,08

Поиск соц. поддержки	48,95	10,26	48,92	9,84	5110,50	0,88
Принятие ответственности	45,82	9,54	49,14	11,57	4093,00	0,01
Бегство-избегание	51,82	10,29	60,14	12,51	3068,50	0,00
Планирование решения	51,93	10,92	48,34	10,73	4252,00	0,03
Положительная переоценка	53,82	10,49	50,76	10,18	4322,00	0,04
Неадаптивные	3,57	1,07	4,87	1,29	2206,50	0,00
Искажающие образ	3,79	0,90	4,34	1,28	4083,00	0,01
Самопринижение	4,06	1,01	4,00	1,19	4694,00	0,25
Адаптивные	5,40	1,04	5,23	1,03	4817,00	0,39
Тревога	5,62	3,41	10,12	3,48	1815,50	0,00
Депрессия	4,52	2,89	7,24	3,17	2734,00	0,00

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $p < 0,05$

Аналогичные закономерности выявлены нами и при анализе данных, полученных на общей выборке, в которую вошли студенты как Мариупольского университета, так и Санкт-Петербурга. Как явствует из таблицы 2, риск ПТСР значимо взаимосвязан с использованием неадаптивных и искажающих образ защитных механизмов, а также копинг-стратегией «бегство-избегание» и «дистанцирования», высоким уровнем тревожности. Кроме того, отсутствие риска ПТСР значимо взаимосвязано с копинг-стратегиями «планирование решения» и «положительная переоценка». Отдельно отметим, что риск ПТСР взаимосвязан с копинг-стратегией «принятие ответственности» (интерпретация данного факта будет представлена ниже).

Таблица 3.

Сравнительный анализ исследуемых показателей в группе риска развития ПТСР ($n=46$) г. Мариуполь и контрольной группе ($n=53$) г. Санкт-Петербург

Наименование показателей	Санкт- Петербург		Мариуполь		U	p
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.		
Шкала Спилбергера–Ханина						
С Т	36,15	14,85	43,20	13,49	1089,50	0,01
ЛТ	39,45	13,94	47,65	11,12	963,50	0,00
Стратегии совладающего поведения						
Конфронтация	52,03	10,69	50,48	10,86	1418,00	0,55
Дистанцирование	49,80	13,98	55,72	14,21	1142,50	0,03
Самоконтроль	45,12	9,53	49,57	13,96	1165,00	0,04
Поиск соц. поддержки	50,42	10,58	47,50	11,16	1303,50	0,20
Принятие ответственности	46,47	9,04	47,26	13,05	1398,00	0,48
Бегство-избегание	52,55	9,80	58,26	13,68	1086,00	0,01
Планирование решения	51,27	9,78	47,46	11,97	1279,50	0,16
Положительная						

Положительная переоценка	52,56	10,15	51,35	10,77	1429,50	0,60
Структура психологических защит						
Неадаптивные	3,69	0,91	4,70	1,30	733,00	0,00
Искажающие образ	3,93	0,54	4,66	1,50	1041,50	0,00
Самопринижение	4,02	0,72	4,14	1,46	1516,50	0,99
Адаптивные	5,48	0,82	5,33	1,10	1412,00	0,53
Госпитальная шкала тревоги и депрессии						
Тревога	5,92	3,60	10,04	3,76	627,00	0,00
Депрессия	4,76	2,80	7,15	3,23	872,00	0,00

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $p < 0,05$

Представленные данные показывают, что мариупольские студенты, входящие в группу риска ПТСР, характеризуются значимо более высоким уровнем тревожности, использования неадаптивных и искажающих образ защитных механизмов, копинг-стратегии «бегство-избегание» и «дистанцирования», нежели входящие не входящие в группу риска развития ПТСР студенты из Санкт-Петербурга. В свою очередь, последние характеризуются значимо более высоким уровнем самоконтроля.

Таблица 4.

Корреляционные взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит в ЭГ, Мариуполь (n=46)

Показатели	Неадаптивные	Искажающие образ	Самопринижение	Адаптивные
Конфронтация	,1881 $p = ,211$,0203 $p = ,894$,1336 $p = ,376$,0734 $p = ,628$
Дистанцирование	,2372 $p = ,113$,0907 $p = ,549$,1036 $p = ,493$,1535 $p = ,309$
Самоконтроль	,2890 $p = ,051$,0750 $p = ,620$,1507 $p = ,317$,2939 $p = ,047$
Поиск соц. поддержки	,1078 $p = ,476$	-,0085 $p = ,955$,0947 $p = ,531$,0728 $p = ,631$
Принятие ответственности	,1562 $p = ,300$	-,3362 $p = ,022$	-,0038 $p = ,980$,0493 $p = ,745$
Бегство-избегание	,3378 $p = ,022$	-,0441 $p = ,771$,0935 $p = ,537$,0546 $p = ,719$
Планирование решения	-,1898 $p = ,206$	-,0891 $p = ,556$,0292 $p = ,847$,1961 $p = ,192$
Положительная переоценка	-,2201 $p = ,142$	-,1191 $p = ,430$,0775 $p = ,609$,2253 $p = ,132$

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена

$p < 0,05$

Как явствует из таблицы 4, у мариупольских испытуемых, входящих в группу риска ПТСР, копинг-стратегия «бегство-избегание» значимо взаимосвязана с использованием неадаптивных защитных механизмов, стратегия самоконтроля – с адаптивными защитными механизмами, а стратегия «принятия ответственности» с защитными механизмами «искажения образа».

Таблица 5.

Корреляционные взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит в КГ, Мариуполь, (n=53)

Показатели	Неадаптивные	Иск-ие образ	Самоприниж-ие	Адаптивные
Конфронтация	,2372 $p = ,087$,1723 $p = ,217$	-,2408 $p = ,082$,2529 $p = ,068$
Дистанцирование	,3099 $p = ,024$,1284 $p = ,359$	-,2575 $p = ,063$,3255 $p = ,017$
Самоконтроль	-,0176 $p = ,900$	-,0022 $p = ,988$	-,1382 $p = ,324$,3973 $p = ,003$
Поиск соц. поддержки	,0512 $p = ,716$	-,1842 $p = ,187$	-,0651 $p = ,643$,2831 $p = ,040$
Принятие ответственности	,2326 $p = ,094$,1212 $p = ,387$	-,0625 $p = ,657$,3816 $p = ,005$
Бегство-избегание	,3793 $p = ,005$	-,0066 $p = ,963$	-,2708 $p = ,050$,2802 $p = ,042$
Планирование решения	-,3124 $p = ,023$	-,1444 $p = ,302$,0749 $p = ,594$,2699 $p = ,051$
Положительная переоценка	-,2685 $p = ,052$	-,1654 $p = ,237$	-,0849 $p = ,545$,2510 $p = ,070$

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $p < 0,05$

В случае отсутствия риска ПТСР у мариупольских испытуемых копинг-стратегия «бегства-избегания» также связана, в том числе, с дезадаптивными защитами.

Таблица 6.

Корреляционные взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит в КГ, Санкт-Петербург, (n=66)

Показатели	Неадаптивные	Иск-ие образ	Самоприниж-ие	Адаптивные
Конфронтация	,2187 $p = ,078$,1591 $p = ,202$,1157 $p = ,355$,0108 $p = ,932$

Дистанцирование	,7410 p=,000	,0009 p=,627	,5074 p=,013	,0200 p=,819
Самоконтроль	,1210 p=,333	,0421 p=,737	,0480 p=,702	,0369 p=,769
Поиск соц. Поддержки	,1862 p=,134	,2180 p=,079	,2287 p=,065	,2560 p=,038
Принятие ответственности	,3149 p=,010	-,1222 p=,328	,0628 p=,616	,0778 p=,535
Бегство-избегание	,5218 p=,000	,0002 p=,999	,2005 p=,107	,1287 p=,303
Планирование решения	-,1285 p=,304	,0363 p=,773	,1835 p=,140	,1672 p=,180
Положительная переоценка	-,0629 p=,616	,0752 p=,548	,1918 p=,123	,3151 p=,010

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $p < 0,05$

В случае отсутствия риска ПСТР у Санкт-Петербургских испытуемых копинг-стратегия «бегства-избегания» также связана, в том числе, с дезадаптивными защитами.

Таблица 7.

Корреляционные взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит в общей группе с риском развития ПТСР (n=84)

Показатели	Неадаптивные	Иск-ие образ	Самопринижение	Адаптивные
Конфронтация	,1391 p=,199	,0277 p=,799	,1129 p=,298	,0394 p=,717
Дистанцирование	,1977 p=,066	,1265 p=,243	,1095 p=,313	,2858 p=,007
Самоконтроль	,2160 p=,044	,0398 p=,714	,1761 p=,103	,2362 p=,028
Поиск соц. поддержки	,0222 p=,838	,0068 p=,950	,0993 p=,360	,1027 p=,344
Принятие ответственности	,1744 p=,106	-,2511 p=,019	,0434 p=,690	,0994 p=,360
Бегство-избегание	,3646 p=,001	-,0245 p=,822	,0734 p=,499	,1023 p=,346
Планирование решения	-,2326 p=,030	-,0397 p=,715	,0292 p=,788	,1674 p=,121

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $p < 0,05$

В общей испытуемых группе с риском ПТСР адаптивные защитные механизмы характеризуются взаимосвязью только с копинг-стратегией «самоконтроля», которая взаимосвязана и с неадаптивными защитными механизмами. При этом с последними взаимосвязаны и защитные механизмы «бегства-избегания» и «планирования решения». Защитные механизмы «искажения образа» в этой группе взаимосвязаны с копинг-стратегией «принятия ответственности».

Таблица 8.

Корреляционные взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит в общей группе без риска развития ПТСР ($n=122$)

	Неадаптивные	Иск-ие образ	Самоприниж- ие	Адаптивные
Конфронтация	,1607 $p=,042$,1806 $p=,049$	-,0911 $p=,324$,1484 $p=,107$
Дистанцирование	,3317 $p=,000$,0618 $p=,505$,0113 $p=,903$,1518 $p=,099$
Самоконтроль	,0240	-,0105	-,0638	,2414
	$p=,795$	$p=,910$	$p=,490$	$p=,008$
Поиск соц. поддержки	,1352	,0016	,0499	,2713
	$p=,143$	$p=,986$	$p=,590$	$p=,003$
Принятие ответственности	,2756 $p=,002$,0498 $p=,591$	-,0180 $p=,846$,2555 $p=,005$
Бегство-избегание	,4471 $p=,000$,0094 $p=,919$	-,0903 $p=,329$,2189 $p=,017$
Планирование решения	-,2402 $p=,009$	-,0951 $p=,304$,1155 $p=,211$,2209 $p=,016$
Положительная переоценка	-,1859	-,0980	,0312	,2590
	$p=,043$	$p=,289$	$p=,736$	$p=,004$

Примечание: полужирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции Спирмена $p < 0,05$

В общей группе испытуемых без риска ПТСР использование адаптивных защитных механизмов взаимосвязано практически со всеми копинг-стратегиями, кроме «конфронтации» и «дистанцирования». Использование же дезадаптивных защитных механизмов также взаимосвязано практически со всеми копинг-стратегиями, кроме «самоконтроля» и «поиска социальной поддержки». Кроме того, использование искажающих образ защитных механизмов взаимосвязано с копинг-стратегией «конфронтации».

Таблица 9

Достоверно значимые различия копинг-стратегий и психологических защит в группах с риском развития ПТСР в Петербурге и Мариуполе (n=87)

	С риском ПТСР	Петербург	С риском ПТСР	Мариуполь	U	p-level
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.		
С Т	50,41	11,22	43,20	13,49	597,00	0,00
ЛТ	53,20	13,19	47,65	11,12	547,00	0,00
Конфронтация	54,24	10,78	50,48	10,86	795,00	0,21
Дистанцирование	54,34	15,18	55,72	14,21	900,00	0,71
Самоконтроль	48,00	8,96	49,57	13,96	862,00	0,49
Поиск соц. поддержки	50,51	7,96	47,50	11,16	829,50	0,33
Принятие ответственности	51,24	9,36	47,26	13,05	770,00	0,14
Бегство- избегание	62,24	10,83	58,26	13,68	784,00	0,18
Планирование решения	49,34	9,20	47,46	11,97	885,50	0,62
Положительная переоценка	50,10	9,56	51,35	10,77	887,00	0,63
Неадаптивные	5,06	1,28	4,70	1,30	827,50	0,33
Иск-ие образ	3,98	0,86	4,66	1,50	683,00	0,03
Самоприниж-ие	3,83	0,79	4,14	1,46	850,50	0,43
Адаптивные	5,12	0,95	5,33	1,10	849,00	0,42
Тревога	10,21	3,19	10,04	3,76	932,00	0,93
Депрессия	7,34	3,13	7,15	3,23	941,50	0,99
Риск ПТСР	7,56	1,23	6,98	1,09	688,00	0,03

Как видно из представленных в таблице 9 данных в группе мариупольских испытуемых с риском ПТСР значимо чаще, чем в группе испытуемых из Петербурга с риском ПТСР, используются искажающие образ защитные механизмы. При этом уровень личностной и ситуативной тревожности, как и сами показатели риска ПТСР, значимо выше в Санкт-Петербурге.

Таблица 10.

Достоверно значимые различия копинг-стратегий и психологических защит в группах без риска развития ПТСР в Петербурге и Мариуполе (n=119)

	Без риска ПТСР	Петербург	Без риска ПТСР	Мариуполь	U	p-level
	Mean	Std.Dev.	Mean	Std.Dev.		
С Т	36,15	14,85	35,28	10,00	1621,00	0,49
ЛТ	39,45	13,94	38,15	8,83	1535,50	0,25
Конфронтация	52,03	10,69	48,11	9,88	1392,50	0,05
Дистанцирование	49,80	13,98	53,64	11,28	1457,00	0,12
Самоконтроль	45,12	9,53	47,83	12,17	1476,50	0,15
Поиск соц.						

поддержки	50,42	10,58	47,11	9,63	1420,00	0,08
Принятие ответственности	46,47	9,04	45,00	10,14	1598,00	0,42
Бегство-избегание	52,55	9,80	50,92	10,91	1537,00	0,26
Планирование решения	51,27	9,78	52,75	12,25	1554,00	0,30
Положительная переоценка	52,56	10,15	55,40	10,79	1453,00	0,11
Неадаптивные	3,69	0,91	3,42	1,23	1417,00	0,08
Иск-ие образ	3,93	0,54	3,62	1,18	1282,00	0,01
Самоприниж-ие	4,02	0,72	4,12	1,29	1628,50	0,52
Адаптивные	5,48	0,82	5,29	1,25	1492,50	0,17
Тревога	5,92	3,60	5,25	3,16	1590,50	0,40
Депрессия	4,76	2,80	4,23	3,00	1553,00	0,29
Риск ПТСР	3,06	1,70	2,81	1,62	1585,50	0,38

Как видно из данных таблицы 10, при отсутствии риска ПТСР испытуемые из Мариуполя значительно реже используют искажающие образ защитные механизмы и копинг-стратегию конфронтации.

Таблица 11

Сравнительный анализ нарушений сна в риска развития ПТСР (n=84) и контрольной группе (n=122) г. Санкт-Петербург и г. Мариуполь

Характеристика сна	Доля внутри группы (%)	
	Контрольная группа (n=84)	Экспериментальная группа (n=122)
Кошмары	32%	77%
Падение вниз	15%	22%
Бессонница	6%	21%

Таким образом, **риск развития ПТСР очевидно сопряжен с такими показателями нарушений сна, как кошмары (в особенной степени), ощущение «падения вниз», бессонница.**

Кроме того, анализ ответов на авторскую анкету показал, **что 32, 3% испытуемых и из Санкт-Петербурга, и из Мариуполя осознают связь содержания сновидения с физиологическим состоянием своего организма.**

Обсуждение

Полученные нами при исследовании совокупной выборки испытуемых и Мариуполя и Санкт-Петербурга данные подтверждают предварительные выводы, сделанные в статье «Психологические особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям (на примере г. Мариуполь)» [\[11\]](#).

Напомним эти выводы: «Полученные в исследовании результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о взаимосвязи риска развития ПТСР с нарушением функционирования личности. Полученные данные могут быть объяснены с

психодинамической точки зрения. Так, у респондентов с выраженными признаками ПТСР на первый план выходит стратегия совладания, ведущая к повторяющемуся циклу невротического конфликта — стратегия «бегства-избегания». Также в этой группе отмечены неадаптивные и искажающие образ защиты. Напомним, что слабоадаптивные (неэффективные) психологические защиты — это неосознанно используемые способы минимизировать стрессогенные факторы, которые не приводят к эффективным взаимодействиям с окружающими людьми и средой, а также сводят к минимуму желания и стремления человека (например, расщепление, отрицание, идеализация/обесценивание, проективная идентификация, соматизация, регрессия, ипохондрия и т.д.) [11, с. 225]. Кроме того, «при использовании неадаптивных защит в поведении индивидуума проявляются неспособность осуществлять эффективную саморегуляцию и вести созидательную деятельность, а также ориентация на рецептивное поведение, что, очевидно, сочетается со стратегией фактического ухода от реальности, то есть с «бегством-избеганием» [11, с. 225].

Таким образом, можно утверждать, что **взаимосвязь между нарушением функционирования защитной системы личности и нахождением в группе риска ПТСР (и, соответственно, опытом нахождения в той или иной трудной жизненной ситуации) действительно существует**. Функционирование защитной системы психологически травмированной личности может перегружено вследствие вмешательства «архаичного суперэго», что приводит к синдрому гиперответственности (смотри данные из таблицы 2), как незрелой стороны стратегии «самоконтроля». Это проявляется, в том числе, в повышенном уровне тревожности.

В свою очередь, **защитная система личности при отсутствии риска ПТСР характеризуется существенно большей внутренней интегрированностью, реалистичностью самовосприятия, адаптивностью и значимо меньше, чем при риске ПТСР, уровне тревожности**.

Отсюда следует и обоснованность ранее сделанного нами вывода: «На основании полученных данных в рамках психокоррекции и (или) психологической психотерапии лиц, подвергшихся воздействию стрессогенных факторов <...>, рекомендуется вести работу с учетом высокой вероятности использования ими дезадаптивных защитных механизмов, а также стратегии «бегства-избегания» [11, с. 227].

Вместе с тем, при обработке данных опросника на скрининг ПТСР (испытуемые с показателем 6 и выше относились к группе риска) **нами не выявлено значимых отличий между уровнем риска ПТСР среди испытуемых из Мариуполя и Санкт-Петербурга и, более того, общие показатели риска ПТСР и уровня тревожности в группе испытуемых из Петербурга, как явствует из таблицы 9, значимо выше**. С одной стороны, это может быть обусловлено высокой степенью преодоления последствий воздействия психотравмирующей ситуации за счет развития личности проживающей в Мариуполе молодежи, которая в массе своей сопричастна российской цивилизации [9] и, соответственно, склонно придавать позитивный смысл произошедшим в 2022 в рамках СВО событиям [8], что формирует у них созидательные «жизненные якоря» [28]. С другой, следует учесть, что в г. Мариуполь испытуемые были в равной степени распределены среди факультетов данного вуза, тогда как Санкт-Петербурге все они относились к студентам Института психологии, и выбор ими будущей профессии может быть связан с личностной необходимостью проработки тех или иных психологических травм, возникший в той или иной трудной жизненной ситуации, что может быть сопряжено с повышенным риском развития ПТСР.

В то же время, нам удалось выявить, что находящиеся в группе риска испытуемые из Мариуполя значимо чаще, чем находящиеся в той же группе испытуемые из Санкт-Петербурга, используют искажающие образ защитные механизмы. При сравнении испытуемых, не входящих в группу риска, соотношение между Мариуполем и Санкт-Петербургом является обратным: данные защитные механизмы используются чаще в городе на Неве. В этой связи можно предположить, что при давлении на защитную систему личности той или иной травмы, особенно травмы шоковой, психика, так или иначе, уходит от реальности, и в Мариуполе, жители которого были подвержены именно шоковой травме, эта закономерность проявляется особенно явно именно в случае риска ПТСР. **В случае же преодоления личностью последствий травматизации, что сейчас в массовом порядке может происходить в Мариуполе, население которого придает позитивный смысл происходящим событиям, субъект начинает адекватно воспринимать самого себя и реальность, причем даже в большей степени, чем не прошедшие через шоковый травматический опыт индивидуумы.** Такой смысл проявляется даже в мелочах: личность начинает ценить «каждый солнечный лучик и каждый глоток кофе».

Данный вывод сопрягается и со следующими данными: среди студентов-психологов в Мариуполе риск ПТСР выявлен у 29.5% [\[8\]](#). Возможно, осмысленное переживание шоковой психотравмы, соединенное с усилением чувства сопричастности и, соответственно, приводящее личность к профессиональному пути психолога, именно в Мариуполе вызывает существенное уменьшение вероятности развития ПТСР, тогда как в Петербурге выбор профессии в значительной степени обусловлен травматическим опытом.

Выводы

Итак, выдвинутые нами гипотезы подтверждены. В частности, подтверждены и систематизированы полученные в рамках предварительного исследования данные о значимости взаимосвязи между риском развития ПТСР (как следствия попадания в ту или иную трудную жизненную ситуацию, особенно в случае шоковой травмы) и «деформации» защитной системы личности в сторону использования незрелых и дезадаптивных защитных механизмов и копинг-стратегий.

Данная закономерность требует при психологической психотерапии и (или) психокоррекции лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию и повергшихся психологической травматизации учитывать высокий уровень их тревожности и соответствующее ему давление тенденций к гиперответственности, болезненному самоконтролю и побуждений к «бегству» от осознания реальности и продуктивного решения тех или иных проблем. Также стратегия «бегства-избегания» в сочетании с риском ПТСР, высокой тревожностью и использованием дезадаптивных защитных механизмов может указывать на вероятность переживания личностью шоковой травмы и высокой степени нарушения целостности (интегрированности) личности.

Отметим, что ранее полученные нами данные [\[11\]](#) подтвердились и в части того, риск развития ПТСР очевидно сопряжен с такими показателями нарушений сна, как кошмары (в особенной степени), бессонница, ощущение «падения вниз».

Кроме того, анализ ответов на авторскую анкету показал, что 32, 3% испытуемых и из Санкт-Петербурга, и из Мариуполя осознают связь содержания сновидения с физиологическим состоянием своего организма. В выборке испытуемых из Мариуполя этот показатель составлял 23%. Таким образом, мы получили новое подтверждение

адекватности висцеральной теории сна Пигарева [29].

При этом придание позитивного смысла травмирующим событиям и личностным перспективам в Мариуполе с высокой степенью вероятности является одним из базовых (если не базовым) фактором преодоления последствий ПТСР, выхода из трудной жизненной ситуации, восстановления здоровой, адаптивной защиты системы личности и адекватного восприятия реальности [8, 9, 30]. Этим может объясняться отсутствие различий в общем уровне риска ПТСР в Мариуполе и Санкт-Петербурге.

Вместе с тем, «застревание» в травме для имеющих опыт нахождения в зоне боевых действий жителей Мариуполя является более тяжелым, чем для жителей Петербурга, что согласуется с результатами другого нашего исследования [10].

Отметим также, что работа с материалом сновидений является весьма перспективной и в плане устранения симптоматики, сопровождающей последствия чрезмерно сильного стресса, и в плане восстановления общей целостности личности, что сочетается с полученными нами ранее данными [10, 12, 14].

Заключение и рекомендации

Представленные выше выводы, на наш взгляд, напрямую указывают на высокий потенциал эффективности экзистенциального подхода в психокоррекции и психологической психотерапии при работе с лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию и находящими в зоне риска развития ПТСР. Важно сделать акцент и на то, что обретение реального личностного смысла первоначально травмирующих событий в контексте преодоления их влияния во многом, как показывает «мариупольский кейс», сопряжено с восстановлением внутренней «связи времен», начиная с семейной и завершая этно-культурной и гражданской идентичностями, и обретением личностью субъектности [8, 9, 10, 11, 13]. Восстановление же «связи времен» напрямую обусловлено успешностью работы в «системе координат» межпоколенческой передачи психологически значимой информации [31], что, в свою очередь, подразумевает использование методов и методик глубинной психологии, включая психологию сновидений [10, 12, 14, 15] как инструмента развития и (или) психокоррекции (психотерапии) личности, опять же, именно в экзистенциальном контексте [13].

На основании вышеизложенного, мы формулируем следующие рекомендации:

- 1) В психокоррекционной и психолого-психотерапевтической работе с лицами, характеризующимися высоким риском развития ПТСР, особенно показано применение экзистенциального подхода, подразумевающего, прежде всего, осмысленное развитие внутренней субъектности как жизненной ориентации;
- 2) В этом контексте уместна глубокая проработка неадаптивных (самопринижающих) защитных механизмов личности с выходом на здоровое, ответственное самовосприятие и, соответственно, эффективные стратегии совладания;
- 3) Данный подход уместно сочетать с работой над смысловыми аспектами и акцентами личностно значимых и (или) исторических событий (особенно на воссоединившихся в Россией территориях);
- 4) Эффективность этой работы во многих случаях может быть существенно усилена при обращении к материалу сновидений.

Перспективы дальнейших исследований направлены на прояснение соответствующих различий между студентами из Мариуполя и других населённых пунктов, воссоединившихся с Россией территорий, исследования выборки студентов из Санкт-Петербурга, не обучающихся по направлению «Психология», а также анализа эффективности применения тех или иных методик в отношении различных категорий получателей психологической помощи.

Библиография

1. Вассерман Л.И., Абабков В.А., Трифонова Е.А. Совладание со стрессом: теория и психодиагностика: учебно-методическое пособие. СПб: Речь, 2010. 192 с.
2. Конокпаева И.С. Стратегии совладания студентов первого курса // Вопросы науки и образования. 2018. № 10 (22). С. 226-228. EDN: XSHNCH
3. Коржова Е.Ю., Веселова Е.К., Дворецкая М.Я. Воспитательное значение личности и творчества Ф.И. Тютчева // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12, № 3 (44). С. 38-41. DOI: 10.57145/27128474_2023_12_03_09. EDN: FQGEVL
4. Коржова Е.Ю. Красота, спасающая мир: Личность и ее жизненный путь в творчестве Ф.М. Достоевского: монография / Коржова Е.Ю.; рецензенты: В.Е. Семенов, А.А. Гостев. Санкт-Петербург: Общество памяти игумении Таисии, 2021. 391 с.
5. Коржова Е.Ю. Роль самообразования в становлении личности (на примере жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского) // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 33, № 4. С. 382-389. DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-4-382-389. EDN: GKYRCQ
6. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека / Е.Ю. Коржова; Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2006. 383 с. EDN: QXQEDH
7. Богачев А.М. Путь к Другому. О некоторых закономерностях практической психологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Астерион, 2019. 221 с. EDN: YSEHCP
8. Богачев А.М., Ермакова Н.Г. Фактор распространённости посттравматических стрессовых расстройств среди студентов г. Мариуполя // Психология и Психотехника. 2024. № 2. С. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70023 EDN: ZBERQX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70023
9. Богачев А.М., Вялкова И.А., Рынгач Е.В. Восстановление исторической памяти и цивилизационная идентичность: программа "Связь времён" // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 4(69). С. 199-204. DOI: 10.53115/19975996_2023_04_199_204. EDN: RZWAGA
10. Богачев А.М., Бутенко Т.А., Ярославский А.Д. Отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность, риск ПТСР и качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург // Психология и Психотехника. 2025. № 2. С. 29-48. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74290 EDN: JTMCHX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74290
11. Богачев А.М., Высоцкая Ю.А., Винтонюк Т.Г. Психологические особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям (на примере г. Мариуполь) // Клиническая и специальная психология. 2024. Т. 13, № 3. С. 216-232. DOI: 10.17759/cpse.2024130311. EDN: KGHZDI
12. Богачев А.М. Психология сновидений: обоснование и развитие синтетического подхода // Психология и Психотехника. 2024. № 3. С. 49-72. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.3.71244 EDN: FOSVFE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71244
13. Богачев А.М., Вялкова И.А., Винтонюк Т.Г. Реабилитация лиц, переживших шоковую

- психологическую травму, методами глубинной экзистенциальной психологии // Психология и Психотехника. 2023. № 4. С. 26-47. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.4.43580 EDN: UAMTBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43580
14. Богачев А.М. Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности // Психология и Психотехника. 2024. № 1. С. 1-23. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.43920 EDN: WMFRTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43920
15. Богачев А.М. Фильмы ужасов и ночные кошмары: некоторые аспекты психологического анализа явлений // Психология и Психотехника. 2019. № 4. С. 39-49. DOI: 10.7256/2454-0722.2019.4.31301 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31301
16. Богачев А.М., Теплых Г.И., Кавчук П.Н. Формирование общероссийской гражданской идентичности на освобожденных в ходе СВО территориях: риски и перспективы // Психология и Психотехника. 2023. № 3. С. 44-52. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.3.40634 EDN: HPOLBN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40634
17. Ван дер Харт О., Нейенхёус Э.Р.С., Стил К. Призраки прошлого: Структурная диссоциация и терапия последствий хронической психической травмы. Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2013. 496 с.
18. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Межведомств. науч. совет по проблеме "Сознание". М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
19. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. Москва, 1998. 262 с. EDN: RVAYIJ
20. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10, № 1. С. 82-118. EDN: QYZBYT
21. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб: Питер, 2001. 272 с. EDN: VOJUUF
22. Посттравматическое стрессовое расстройство в парадигме доказательной медицины: патогенез, клиника, диагностика и терапия: методические рекомендации / авторы-сост.: А.В. Васильева, Т.А. Караваева, Н.Г. Незнанов, К.А. Идрисов, Д.В. Ковлен, Н.Г. Пономаренко, Д.С. Радионов, Д.А. Старунская, Ю.С. Шойгу. - СПб. НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2022. - 33 с.
23. Лейбин В. Постклассический психоанализ. Энциклопедия. М.: АСТ, 2008. 1022 с.
24. Brewin C.R., Rose S., Andrews B. et al. Brief screening instrument for post-traumatic stress disorder // The British Journal of Psychiatry. 2002. Vol. 181 (3). P. 158-162. DOI: 10.1017/s0007125000161896
25. Туник Е.Е. Психологические защиты. Тестовая методика. СПб.: Речь, 2010. 218 с.
26. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Практическое пособие / Ред. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2006. 672 с.
27. Андриященко А.В., Дробижев М.Ю., Добровольский А.В. Сравнительная оценка шкал CES-D, BDI и HADS в диагностике депрессий в общемедицинской практике // Журнал неврологии и психиатрии им. Корсакова. 2003. № 5. С. 11-18.
28. Ломонос А.А., Боброва Н.В., Богачев А.М. Жизненные "якоря" личности как фактор нравственного развития // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 2(67). С. 137-145. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_137-145. EDN: ZMDXIO
29. Пигарев И.Н. Висцеральная теория сна // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2013. Т. 63. № 1. С. 86. DOI: 10.7868/S0044467713010115. EDN: PRFIHR
30. Казнина Э.Ю., Коржова Е.Ю. Особенности представлений о совести и жизненные

ценности двух поколений (на примере России и Грузии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, № 1. С. 51-70. DOI: 10.21638/spbu16.2023.104.

EDN: DSKYAU

31. Тарабрина Н.В., Майн Н.В. Феномен межпоколенческой передачи психической травмы (по материалам зарубежной литературы) // Консультативная психология и психотерапия. 2013. № 3(78). С. 96-119. EDN: RPUAGV

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования: защитная система личности у лиц, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации во время военных действий по освобождению г. Мариуполь.

Методология исследования: В исследовании были использованы следующие методики: Опросник на скрининг ПТСР (Trauma Screening Questionnaire); методика А. Лазаруса «Стратегии совладающего поведения» (ССП) (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) в адаптации Л.И. Вассермана; опросник структуры психологических защит (Self-Report of Defense Styles) М. Бонда в адаптации Е.Е. Туник, шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; Госпитальная шкала тревоги и депрессии (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS). В рамках исследования были применены методы: тестирования, статистического анализа, качественного анализа, интерпретации полученных данных. Статистический анализ полученных эмпирических данных осуществлен посредством программ SPSS (статистический и аналитический блок) и включал в себя процедуры описательной статистики, расчет коэффициентов корреляции, сравнительный анализ контрастных групп с помощью критерия U-Манна-Уитни.

Актуальность: актуальность обусловлена необходимостью выявления закономерностей в области защитно-адаптивной структуры личности, попавшей в особый тип сложной жизненной ситуации – нахождение в зоне активных военных действий на примере населения воссоединившихся с Россией территорий.

Научная новизна: состоит в разработке рекомендаций по совершенствованию защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Стиль, структура, содержание: научный стиль изложения, терминология - в статье корректно использована научная терминология. Соблюдение правил оформления: правила оформления текстовой и иллюстративной части работы соблюдены в основном.

Библиография: Цитируемость научных источников – использованы актуальные источники с 2008 по 2024 гг., охватывающие проблематику рассматриваемого направления исследования. Не во всех источниках используется doi.

Апелляция к оппонентам: Апелляция к оппонентам заявлена на примере широкого и подробного анализа литературы по структуре защитных механизмов личности, в том числе и авторов, которые не были упомянуты в списке литературы.

Выводы, интерес читательской аудитории: Интересным представляется вывод о том, что

"В случае же преодоления личностью последствий травматизации, что сейчас в массовом порядке может происходить в Мариуполе, население которого придает позитивный смысл происходящим событиям, субъект начинает адекватно воспринимать самого себя и реальность, причем даже в большей степени, чем не прошедшие через шоковый травматический опыт индивидуумы". Статья представляет практический интерес однако, в качестве замечания следует отметить следующее: не представлены практические рекомендации для лиц с риском развития ПТСР, сопряженный нарушением сна, нарушением функционирования защитной системы личности.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является структура защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации на примерах жителей Мариуполя и Санкт-Петербурга.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках системного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод, а также, как отмечается в статье, были применены известные методики («опросник на скрининг ПТСР», «методика А. Лазаруса «Стратегии совладающего поведения»», «опросник структуры психологических защит М. Бонда», «шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера», «госпитальная шкала тревоги и депрессии») и методы интерпретации данных, в том числе методы описательной статистики и статистический анализ.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях постоянных социальных изменений, обусловленных социально-политической и экономической ситуациями, происходит воспроизведение высокого уровня нагрузок и детерминируют трудную жизненную ситуацию, которая зачастую приводят к стрессу, развитию тревожности, депрессии и различным расстройствам. Все эти состояния становятся очень распространенным среди различных групп населения, а наибольшему риску распространения этих состояний подвержена молодежь. Большой популярностью стали пользоваться исследования, связанные с защитным поведением личности, обусловленным различными факторами. В этих контекстах исследование структуры защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации на примерах жителей Мариуполя и Санкт-Петербурга представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение особенностей структуры защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации на примерах жителей Мариуполя и Санкт-Петербурга, а также проведением последующего анализа и описанием полученных данных. Выборку исследования составили 206 студентов, в том числе 99 обучающихся в Мариупольском государственном университете имени А.И. Куинджи и 107 обучающихся в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией полученных результатов исследования.

Структуру статьи можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования

представлены такие элементы, как введение, обзор литературы, методология, материалы и методы, результаты исследования, обсуждение, заключение и рекомендации, библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные и отмеченные в представленной статье тенденции, характеризующие корреляционные взаимосвязи копинг-стратегий и психологических защит у исследуемых групп респондентов, что наглядно представлено в соответствующих таблицах при описании результатов исследования.

Библиография содержит 31 источник, включающий в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания, а также электронный ресурс.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих различные аспекты защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, представленные а заключении, касающийся предметной области исследования. В частности, были выявлены и описаны особенности, характеризующие значимость взаимосвязи между риском развития ПТСР и определенными изменениями защитной системы личности «в сторону использования незрелых и дезадаптивных защитных механизмов и копинг-стратегий».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в рукописи встречаются некоторые элементы дублирования и повторения информации, например, «Исследования проводились на базе Мариупольского госуниверситета им А.И. Куинджи и студентов из Санкт-Петербурга. В настоящее время общая выборка составляет 206 человек – студентов в возрасте от 18 до 35 лет.» и, далее, «Выборку исследования составили гражданские лица — 99 студентов разных факультетов Мариупольского государственного университета в возрасте от 18 до 35 лет и 107 студентов Института психологии РГПУ им А.И. Герцена в возрасте от 18 до 35 лет. Всего выборка оставила 206 человек, а также «...была разработана программа исследований, в рамках которой использовались методы: анализа, тестирования, математического анализа, интерпретации.», и, далее, «...были применены методы: тестирования, статистического анализа, качественного анализа, интерпретации полученных данных.» и т.п. Рукопись стоило бы дополнить самостоятельными выводами по проведенному исследованию, а не ограничиваться только заключением. Кроме того, в тексте обозначена заключительная часть как «Заключение и рекомендации», но фактически рекомендации не представлены, а изложены лишь краткие выводы, сделаны обобщения и намечены перспективы дальнейших исследований. При оформлении рисунков, таблиц и библиографии необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями, особое внимание нужно уделить оформлению источника, который является электронным ресурсом. Кроме того, некоторые таблицы очень объемные, они занимают большую часть текста статьи и трудно воспринимаются при прочтении материала. Перевод на английский язык названий рисунков, таблиц и раздела «Результаты исследования» не носит обязательного характера, а лишь информационно перегружает текст статьи. Хотелось бы обратить внимание на формулировку названия статьи. Возможно, в качестве рекомендации, стоило бы отказаться в названии статьи от конкретизации, указанной в скобках «... (на

примерах гг. Мариуполь и Санкт-Петербург)», поскольку достаточно было бы упоминания городов при описании особенностей и характеристик выборки исследования. Кроме того, как указано на портале «Грамота.ру», «обозначение города («г.») может не проставляться перед названиями городов федерального значения: Москва и Санкт-Петербург...», поэтому возникает вопрос корректности указания сокращения «гг.» в названии статьи. В тексте рукописи встречаются технические ошибки и опечатки, например, отсутствие второй скобки «(Horowitz, Znoj, 1999.», лишний пробел после кавычек «« мариупольской»», написание слова «Самоприниж-ие», использование сокращения «Иск-ие образ» и т.п. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Структура защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации». Работа включает в себя введение, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования. Помимо этого, автором выделены цель, задачи, объект и предмет, выборка и основные гипотезы. В основном разделе представлено описание теоретического обзора. Следующий раздел касается характеристики методологии, материалов, методов и результатов эмпирического исследования. Автор представил распределение респондентов по опроснику на скрининг ПТСР, провел сравнительный анализ исследуемых показателей в группе риска развития ПТСР. Особое внимание уделено описанию корреляционных взаимосвязей копинг-стратегий и психологических защит в разных группах респондентов. Проведенная работа позволила представить достоверно значимые различия копинг-стратегий и психологических защит в группах, а также проверить выдвинутые гипотезы и обсудить полученные результаты. В заключении представлены краткие выводы и выделены рекомендации по результатам исследования.

Предмет исследования. Проведенное исследование нацелено на выявление особенностей защитной системы личности у лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, на примере студентов Мариуполя. Автором были выполнены следующие виды работ: 1). Анализ и систематизация существующих подходов к изучению защитной системы личности и трудных жизненных ситуаций. 2). Формирование теоретико-методологических оснований для разработки модели работы по совершенствованию защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. 3). Организация и проведение эмпирического исследования защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. 4). Обобщение и интерпретация полученных данных, их сравнительный анализ. 5). Разработка рекомендаций по совершенствованию защитной системы (саморегуляции) личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. В качестве предмета исследования выступает защитная система личности у лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации во время военных действий по освобождению г. Мариуполь.

Методологическая основа исследования. Автором рассмотрены основные подходы, которые рассматривают затронутую проблему, а также проведено эмпирическое исследование. Исследования проводились на базе Мариупольского госуниверситета им А.И. Куинджи и студентов из Санкт-Петербурга. Выборка составляет 206 человек –

студентов в возрасте от 18 до 35 лет. Из них 99 респондентов представляют различные факультеты Мариупольского государственного университета в возрасте от 18 до 35 лет, а 107 респондентов – Институт психологии РГПУ им А.И. Герцена. Гендерное распределение: 9% лиц мужского пола и 91% — женского. Все испытуемые добровольно приняли решение принять участие в исследовании, и все они ранее пережили опыт нахождения на территории интенсивных военных действий в г. Мариуполь.

В исследовании были использованы следующие методики: Опросник на скрининг ПТСР (Trauma Screening Questionnaire); методика А. Лазаруса «Стратегии совладающего поведения» (ССП) (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) в адаптации Л.И. Вассермана; опросник структуры психологических защит (Self-Report of Defense Styles) М. Бонда в адаптации Е.Е. Туник, шкала реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера в адаптации Ю.Л. Ханина; Госпитальная шкала тревоги и депрессии (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS).

В рамках исследования использованы методы: тестирования, статистического анализа, качественного анализа, интерпретации полученных данных. Статистический анализ полученных эмпирических данных осуществлен посредством программ SPSS (статистический и аналитический блок) и включал в себя процедуры описательной статистики, расчет коэффициентов корреляции, сравнительный анализ контрастных групп с помощью критерия U-Манна–Уитни.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что исследование посвящено выявлению закономерностей в области защитно-адаптивной структуры личности, попавшей в особый тип сложной жизненной ситуации – нахождение в зоне активных военных действий на примере населения воссоединившихся с Россией территорий.

Научная новизна исследования. Проведённое исследование позволило проверить и подтвердить следующие гипотезы: 1). Существуют значимые взаимосвязи между риском ПТСР, спецификой защитной системы личности и ее стратегиями совладания (копинг-стратегиями), а также уровнем тревожности. 2). Защитная система личности у лиц, имеющих опыт преодоления трудной жизненной ситуации, имеет свою специфику. 3). Существуют значимые различия в особенностях защитной системы личности между жителями Санкт-Петербурга и Мариуполя.

Полученные результаты напрямую указывают на высокий потенциал эффективности экзистенциального подхода в психокоррекции и психологической психотерапии при работе с лицами, попавшими в трудную жизненную ситуацию и находящимися в зоне риска развития ПТСР. Автором были сформулированы соответствующие рекомендации и выделены перспективы дальнейших исследований.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 31 отечественный и зарубежный источник, значительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии, учебные, методические и справочные пособия. Источники не во всех позициях оформлены однородно. Например, в источнике 22 перед указанием страниц есть знак «-», хотя при оформлении других источников этого не наблюдается.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Корректно сформулировать объект исследования, поскольку в психологическом исследовании в качестве объекта выступают психические процессы,

свойства и состояния, но не субъекты. В данном исследовании объектом выступает защитное поведение личности в трудной жизненной ситуации. 2). Конкретизировать название работы, поскольку оно должно согласовывать с выделенным предметом исследования. В данном случае название звучит слишком широко.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и. практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами личностного развития человека. Вопрос рассматривается через призму выделения структуры защитного поведения личности в трудной жизненной ситуации. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Мурсальева Г.М., Мишина М.М. Сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков // Психолог. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.3.74350 EDN: ZGLSAN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74350

Сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков

Мурсальева Гюльтакин Мазахир кызы

ORCID: 0009-0009-3657-1677

независимый исследователь

140002, Россия, Московская обл., г. Люберцы, ул. Кирова (116 квартал), д. 12 к. 3 кв 27

✉ hazar97@mail.ru

Мишина Марина Михайловна

ORCID: 0000-0001-9348-7804

доктор психологических наук

доцент; кафедра психологии и педагогики образования; Института психологии имени Л. С. Выготского
ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет».
доцент; профессор кафедры психологии и педагогики образования Института психологии имени Л. С.
Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

140002, Россия, Московская обл., г. Люберцы, ул. Кирова (116 квартал), д. 12 к. 3 кв 27

✉ mishinamm@yandex.ru

[Статья из рубрики "Этнос и этничность"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.3.74350

EDN:

ZGLSAN

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2025

Дата публикации:

09-06-2025

Аннотация: Вопрос этнической идентичности продолжает оставаться актуальным для

исследовательского сообщества. Современные исследования направлены на изучение этнической идентичности личности, а также на выявление культурно-психологических различий и изменений в идентичности в течение жизни человека. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования структуры этнической идентичности подростков из г. Москвы, г. Ставрополя (Россия) и г. Исмаиллы (Азербайджан). Предмет исследования является культурно-психологические различия структуры этнической идентичности личности современных подростков, включенных в разные социальные среды. Цель статьи: теоретически обосновать и эмпирически выявить культурно-психологические различия структуры этнической идентичности личности современных подростков, проживающих в разных регионах России и в Азербайджане. Объектом исследования является структура этнической идентичности личности. Методы исследования: теоретический анализ, наблюдение, формирующий эксперимент, психодиагностические методы и опросники, математический метод: двухфакторный дисперсионный анализ, t-критерии Стьюдента, критерий хи-квадрат Пирсона. Эмпирическая база исследования: 295 подростков (учащиеся 6–8-х классов): 121 подросток из г. Москвы, 45 подростков из г. Ставрополя и 129 подростков из г. Исмаиллы. Существенная научная новизна данного исследования заключается в определении культурных различий в структуре этнической идентичности личности, детерминированных культурной средой, и выявлены общие (присущие всем группам) и специфические (характерные для определенной группы) связи. Выводы: подтверждено, что культурная среда, окружающая подростка, имеет значимое влияние на показатели этнической идентичности личности: у подростков из этнически многообразной среды из Москвы и Ставрополя доминирует позитивный тип этнической идентичности, который содержательно входит в поведенческий компонент. У подростков из г. Исмаиллы выражен этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм и подтвержден высокий уровень тревожности, социальной дистанцированности, которые также относятся к показателям поведенческого компонента. Уровень подозрительности у подростков из г. Исмаиллы, который проявляется в поведенческом компоненте этнической идентичности личности, значимо выше, чем у подростков из московской и ставропольской культурных сред. Область применения результатов исследования: возможно для разработки образовательных и социальных программ, направленных на формирование конструктивного межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова:

этническая идентичность, культурно-психологические различия, подростки, когнитивный компонент, аффективный компонент, поведенческий компонент, межэтнические взаимоотношения, интеграция, социальная среда, исторический контекст

Введение. Масштабные изменения демографической карты стран мира предполагают трансформацию самосознания народов, которые входят в состав различных этнических обществ. Эти изменения оказывают влияние на восприятие и поведение людей, подвергающихся перемещению, а также на отношение представителей принимающей стороны. Для создания позитивных отношений и предоставления психологической помощи в адаптации к условиям этнически разнообразных мегаполисов важно учитывать культурные и психологические особенности проявления этнической идентичности у подростков. Понимание этих различий является важным элементом в успешной работе педагогических коллективов образовательных учреждений, которые помогают подросткам из разных этнических групп адаптироваться к новой социальной среде.

Цель исследования: теоретически обосновать и эмпирически выявить культурно-психологические различия структуры этнической идентичности личности современных подростков, проживающих в разных регионах России и в Азербайджане.

Задачи исследования: осуществить сравнительный анализ структуры этнической идентичности современных подростков, проживающих в московской, ставропольской и исмаиллинской культурных средах; выявить культурно-психологические различия в структуре этнической идентичности личности современных подростков.

В качестве **методов исследования** были использованы теоретический анализ, наблюдение, обобщение, а также психодиагностические инструменты. Методики исследования структуры этнической идентичности личности: КОТ — краткий ориентировочный тест (В. Н. Бузин, Э. Ф. Вандерлик); «Изучение этнической идентичности» (Дж. Финни); метод контент-анализа сочинений на тему «Как я узнаю русского / азербайджанца?»; «Опросник уровня эмпатии» (И. М. Юсупов), «Опросник уровня самооценки» (С. В. Ковалёв); опросник для измерения общих социальных установок у детей (Э. Френкель-Брунsvик); «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатова, С. В. Рыжова), тест- опросник уровня тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Л. Ханин), тест на агрессивность (А. Басс, А. Дарки).

Проблема исследования обусловлена необходимостью психологии интегрировать теоретические знания и эмпирические данные о культурно-психологических различиях, которые проявляются в структуре этнической идентичности личности. Эта проблема была недостаточно изучена с точки зрения сравнительного анализа культурных различий, особенно в контексте современных подростков.

Степень научной разработанности проблемы. Феномен этнической идентичности в психологии рассматривается как субъективное чувство принадлежности к определенной культурной среде и этнической группе, которое формируется через осознание и сочувствие (У. Джеймс) [\[1; 7; 10\]](#). В рамках психоанализа этот феномен объясняется как внутренний мир, который развивается в детском возрасте и включает в себя выбор целей и ценностей, определяющих смысл жизни (А. Ватерман, З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон и др.) [\[3; 16; 18\]](#). Когнитивная психология делит этническую идентичность на социальную и личностную, подчеркивая ее регулирующую функцию (Г. Тэджфел, Дж. Тернер и др.). В контексте символического интеракционизма подчеркивается роль социальных взаимодействий в процессе формирования этнической идентичности, зависящей от социальных условий. Этническая идентичность рассматривается как диалог, развивающийся в контексте конкретного социального опыта (Ч. Кули, Дж. Мид и др.) [\[19; 20; 21\]](#). В рамках теории социального конструктивизма этническая идентичность представляется социальным конструктом, который является результатом социализации личности (П. Бергер, Т. Лукман и др.) [\[12; 13; 14\]](#).

В современной российской психологии этническая идентичность исследуется через призму самосознания, которое формируется под воздействием социальной активности и культурных факторов (Л. С. Выготский, Э. В. Ильенков, И. С. Кон, Б. Ф. Поршнев и др.) [\[1; 3\]](#). В рамках феномена этнической идентичности выделяются такие аспекты, как множественность и изменчивость идентичностей (Е. П. Белинская), многоуровневость идентичности (М. Н. Губогло), самоидентификация с социальной группой и ее интересами (Л. М. Дробижева), а также изменчивость этнической идентичности под влиянием исторических факторов (М. В. Заковоротная, Т. Г. Стефаненко) [\[4; 5; 7\]](#). Кроме того, различают понятия этнической идентификации и этнической идентичности (В. А. Ядов)

[11].

Выборка исследования — 295 подростков (учащиеся 6–8-х классов): 121 подросток из ГБОУ г. Москвы «Школа № 170 имени А. П. Чехова» (Россия), 45 подростков из МБОУ лицей № 8 г. Ставрополя имени Н. Г. Голодникова (Россия) и 129 подростков из г. Исмаиллы средней общеобразовательной школы № 1 имени И. А. Гасанова (Азербайджан).

Этапы исследования. На первом этапе (2015–2016 гг.) были проведены изучение и теоретический анализ рассматриваемой проблемы. Были определены объект, предмет, цель, задачи и гипотезы исследования. На втором этапе (2016–2017 гг.) было выполнено пилотажное исследование для апробации выбранных методик, осуществлен анализ полученного эмпирического материала. Была разработана программа эмпирического исследования, определены используемые методики. На третьем этапе (2017–2024 гг.) был проведен обобщающий и сравнительный анализ полученных эмпирических данных, выполнен статистический и сравнительный анализ культурно-психологических различий в компонентах структуры этнической идентичности личности современных подростков. Исходя из результатов исследования, была разработана просветительская программа для подростков под названием «Траектория духовности».

При анализе культурно-психологических различий в структуре этнической идентичности личности респондентов разделили по группам и половому признаку. Полученные данные были проверены с помощью двухфакторного дисперсионного анализа (пол / группа), а также в рамках проведенного исследования были рассчитаны основные статистические показатели по различным компонентам этнической идентичности подростков из г. Москвы, г. Ставрополя и г. Исмаиллы. Результаты сравнительного анализа культурно-психологических различий по групповому фактору среди подростков из московской ($n=121$), ставропольской ($n=45$) и исмаиллинской ($n=129$) культурных сред методом Апостериорного сравнения LSD представлены в таблицах 1–3.

Наглядно различия в уровне интеллектуального развития мы можем представить при помощи таблицы 1

Таблица 1 - Культурно-психологические различия показателя когнитивного компонента в выборочной группе подростков

Когнитивный компонент	Группа 1	Группа 2	Разница (I-J)	p-значение
Интеллект	Не русские, Москва	Не русские, Ставрополь	3,62*	0,015
	Азербайджанцы, Исмаиллы	Не русские, Ставрополь	3,39*	0,019
	Не азербайджанцы, Исмаиллы	Не русские, Ставрополь	3,43*	

(значимые различия выделены *)

Согласно данным, представленным в таблице 1 респонденты из г. Москвы, не идентифицирующие себя с русской этнической группой, показали наибольший уровень интеллектуального развития (3,62*). Описательная статистика данной выборки респондентов при ($M \pm SD$), где M — медиана, а SD — степень корреляции, равняется

(3.62 ± 1.2). Одинаковый уровень интеллектуального развития показали подростки из г. Исмаиллы (3.39^*). Описательная статистика данной выборки респондентов при ($M \pm SD$) выражена (3.39 ± 1.30).

Результаты эмпирического исследования, представленные в таблице 1 подтверждают, что на этих подростков оказывает давление социальная среда, которая стимулирует развитие интеллекта и ограничивает время общения с ровесниками. В этих группах также наблюдается более высокий уровень общественного порицания за неуспешность в освоении образовательной программы, что служит внешним стимулом для формирования ответственного отношения к учебе и способствует высокому уровню интеллектуального развития у подростков данной выборки.

Самооценка как показатель аффективного компонента на высоком уровне проявился у респондентов из г. Исмаиллы (-17.64^*). Описательная статистика данной группы респондентов при ($M \pm SD$), где M — медиана, а SD — степень корреляции, выражена (-17.64 ± 3.20). Мы объясняем этот феномен чувством личного достоинства, которое формируется и поддерживается в традиционных культурных условиях. В таких обществах существует идея: «Ты — достойный человек, потому что ты правильно выполняешь свои обязанности и следишь за соблюдением норм и традиций, предписанных твоей социальной средой». Следование этим правилам, обычаям и традициям служит индикатором самопринятия в традиционном обществе независимо от возраста. Наглядно значимые различия в уровне самооценки и социальной дистанционности подростков из разных этнических групп г. Москвы, г. Ставрополя (Россия) и г. Исмаиллы (Азербайджан) представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Культурно-психологические различия показателей аффективного компонента в выборочной группе подростков

Аффективный компонент	Группа 1	Группа 2	Разница (I-J)	p-значение
Самооценка	Русские, Москва	Не русские, Москва	-8,55*	0,019
	Не русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-17,64*	0,000
		Не азербайджанцы, Исмаиллы	-14,50*	0,020
Социальная дистанция	Русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-1,01*	0,000
	Не русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-0,75*	0,000
	Азербайджанцы, Исмаиллы	Русские, Ставрополь	0,64*	0,007

(значимые различия выделены*)

Результаты, отраженные в таблице 2, подтверждают влияние традиционной культурной среды на формирование самооценки у подростков. Согласно результатам, представленным в таблице 2, наименьший уровень самооценки у подростков из г. Москвы, не идентифицирующих себя с русской этнической группой. Данный результат мы объясняем тем, что в этнически многообразной среде г. Москвы на самооценку подростка влияет его этническое происхождение

Результаты, представленные в таблице 2, подтверждают высокий уровень социальной дистанционности подростков из г. Исмаиллы ($n=129$). Этот феномен мы объясняем тем, что социальная дистанционность современного подростка из исмаиллинской культурной среды обеспечивает его безопасность в условиях традиционной культуры.

Результаты эмпирического исследования, полученные от подростков из г. Москвы ($n=121$), г. Ставрополя ($n=45$) (Россия) и г. Исмаиллы (Азербайджан) ($n=129$), доказывают наш вывод о влиянии разных культурных контекстов на формирование различных отношений к этнической идентичности.

Показатели поведенческого компонента, такие как этнонигилизм, этническая индифферентность, позитивная этническая идентичность, этнофанатизм, личностная тревожность и толерантные убеждения подростков, демонстрируют значительные различия, которые мы представили в таблице 3.

Таблица 3 - Культурно-психологические различия показателей поведенческого компонента в выборочной группе подростков

Поведенческий компонент	Группа 1	Группа 2	Разница (I-J)	p-значение
Этнонигилизм	Не русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-17,64*	0,000
Этническая индифферентность	Русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	1,68*	0,007
Позитивная этническая идентичность	Русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	2,45*	0,000
Этнофанатизм	Русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-3,37*	0,000
	Не русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-3,83*	0,000
Личностная тревожность	Русские, Москва	Азербайджанцы, Исмаиллы	-6,91*	0,000
Толерантность	Русские, Москва	Русские, Ставрополь	2,58*	0,000

(значимые различия выделены*)

Этнонигилизм проявился у большинства респондентов ($p<0,05$) из г. Исмаиллы (2,99*). Описательная статистика в этой группе респондентов представлена при ($M \pm SD$), где M — медиана, а SD — степень корреляции, и выражена как (-17.64 ± 3.00) . Личность в этнически однородной среде равнодушна к своему этническому происхождению. В таком контексте им неважно, к какой этнической группе принадлежит их одноклассник или друг. Эти подростки склонны отвергать этнические ценности, отдавая предпочтение другим социально-психологическим группам. Они стремятся заменить этническую идентичность другими видами самоопределения, акцентируя внимание на личных качествах индивидов, а не на их этнической принадлежности.

Позитивное отношение к своей этнической принадлежности значимо проявляется у респондентов из г. Москвы (2,45*) и г. Ставрополя ($-1,63^*$). Описательная статистика в этих группах респондентов при ($M \pm SD$), где M — медиана, а SD — степень корреляции, выражена как (2.45 ± 1.10) для московской выборки; (1.63 ± 1.05) — для ставропольской выборки. Этническое разнообразие больших городов детерминирует

позитивное отношение к своей этнической идентичности у подростков. Данная выборка лучше понимает чужую культуру и у нее более развиты навыки межкультурной коммуникации. Этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм как показатели поведенческого компонента значимо выражены у респондентов из г. Исмаиллы ($n=129$), что свидетельствует о доминирующем чувстве защиты своего этноса, культуры и традиций в их обществе. Этот феномен можно объяснить влиянием многовековых традиций, где всегда уделялось большое внимание родовой и этнической принадлежности, а также более широкому ощущению принадлежности к определённому народу. Одна из причин такого явления заключается в условиях постоянной этнической напряженности и конфликтов с соседями. Межэтнические конфликты стимулируют формирование гиперидентичной этнической идентичности. Данные представленные в таблице 3 доказывают высокий уровень этнофанатизма у респондентов из г. Исмаиллы. В свою очередь, у подростков из московской и ставропольской культурных сред выраженность этнофанатизма была гораздо ниже.

Эмпирическое исследование уровня тревожности современных подростков показало, что окружающая среда не влияет на ситуативную тревожность, но воздействует на личностную тревожность подростка. Ситуативную тревожность как психоэмоциональное состояние можно связать с возрастными особенностями подростка. Результаты исследования показали, что уровень личностной тревожности у подростков из исмаиллинской культурной среды ($n=129$) значительно выше, чем у подростков из московской ($n=121$) и ставропольской ($n=45$) культурных сред. Описательная статистика в этой группе респондентов представлена при ($M \pm SD$), где M — медиана, а SD — степень корреляции, и выражена как (-6.10 ± 2.00) . Мы объясняем этот феномен традиционным укладом жизни, при котором к подросткам предъявляются высокие требования. Культурная среда исмаиллинских подростков, в отличие от московской и ставропольской, воспитывает культ традиций, обычаев и обрядов, передающихся из поколения в поколение.

Результаты эмпирического исследования уровня тревожности, представленные в таблице 3, как показателя поведенческого компонента этнической идентичности личности подростков из московской, ставропольской и исмаиллинской культурных сред, позволяют сделать вывод о том, что культурная среда традиционного общества инертна, плохо поддается изменениям, происходящим в современном мире. Данный феномен способствует высокому уровню личностной тревожности у представителей этого общества. Глобализация, открытость и доступность информации, а также возможность подростков из традиционного общества через интернет узнать об образе жизни в более динамичных культурных средах вызывает диссонанс в их мировоззрении, что, в свою очередь, проявляется в высоком уровне личной тревожности у исмаиллинских подростков.

Результаты эмпирического исследования уровня толерантности, как показателя поведенческого компонента этнической идентичности на примере подростков из г. Москвы, г. Ставрополя и г. Исмаиллы продемонстрировало, что значимо выраженный уровень толерантности показали подростки из г. Исмаиллы, не идентифицирующие себя с азербайджанской этнической группой ($3,20^*$). Описательная статистика в этой группе респондентов представлена при ($M \pm SD$), где M — медиана, а SD — степень корреляции, и выражена как (3.11 ± 0.95) .

Данный феномен мы объясняем тем, что эти подростки не видят для себя угрозу, свободны в выборе референтной группы, не чувствуют по отношению к собственной персоне дискриминации на этнической почве.

В процессе исследования у нас большой интерес вызвал одинаковый уровень толерантности у подростков азербайджанской этнической группы из г. Исмаиллы и всей выборки подростков вне зависимости от этнической принадлежности из г. Москвы. Мы считаем, что этот феномен является позитивным ресурсом для выстраивания конструктивного межэтнического диалога в этнически разнообразной среде мегаполиса.

Результаты и их обсуждение. Современные исследования этнической идентичности (В. А. Шорохов, 2019), которые на эмпирическом исследовании религиозной идентичности подростков чеченской идентичности выявили компонент «Социально-духовная идентичность» как основа межличностных коммуникаций, подтверждают взаимозаменяемость религиозной и этнической идентичности у большинства народов Северного Кавказа, исповедующих ислам. В основной своей массе для представителей чеченской этнической группы религиозная и этническая идентичность взаимодополняют друг друга. Исследования З. Х. Лепшокова, Н. М. Лебедева (2022), проведенные на примере кабардинцев, балкар и русских этнических групп, показали, что сохранение традиций имеет значимое влияние в структуре этнической идентичности.

Большой интерес в рамках нашего исследования вызывают исследования В. Н. Галяпиной (2021), посвященные представителям русской этнической группы, проживающим в странах Центральной Азии: в Республике Киргизия и Республике Таджикистан. Эмпирический анализ культурного благополучия представителей русской этнической группы продемонстрировал, что в условиях проживания в статусе этнического меньшинства стратегия выбора различается в зависимости от существования экзистенциальной угрозы. При существовании угрозы жизни представители русской этнической группы интегрируются в среду титульного народа, при отсутствии такой угрозы, при проживании в безопасной среде, они предпочитают сепарацию и сохраняют свои культурные традиции.

Исследования зарубежных психологов на примере арабов, проживающих в Канаде, подтверждают факт, что для представителей арабской этнической группы этническая идентичность тождественна с религиозной идентичностью: «араб» и «мусульманин» выражают как этническую, так и религиозную идентичность [\[18; 21\]](#).

Выводы. Результаты эмпирического исследования структуры этнической идентичности личности подростков из г. Москвы, г. Ставрополя (Россия) и г. Исмаиллы (Азербайджан) показало существование культурно-психологических различий в структуре этнической идентичности подростков, проживающих в разных культурных средах. Подтверждено, что культурная среда, окружающая подростка, имеет значимое влияние на показатели этнической идентичности личности: у подростков из этнически многообразной среды из Москвы и Ставрополя доминирует позитивный тип этнической идентичности, который содержательно входит в поведенческий компонент. У подростков из г. Исмаиллы выражен этноэгоизм, этноизоляционизм и этнофанатизм и подтвержден высокий уровень тревожности, социальной дистанцированности, которые также относятся к показателям поведенческого компонента. Уровень подозрительности у подростков из г. Исмаиллы, который проявляется в поведенческом компоненте этнической идентичности личности, значимо выше, чем у подростков из московской и ставропольской культурных сред.

Таким образом, мы можем сказать, что традиционно-консервативная культура г. Исмаиллы (Азербайджан) формирует особую структуру этнической идентичности личности у подростков, проживающих в данной среде. Культурная среда Москвы и Ставрополя (Россия) формирует демократичный образ жизни и высокий уровень субъектности, который проявляется в низком уровне тревожности, адекватном уровне самооценки и

социальной дистанцированности у подростков, проживающих в Москве и Ставрополе (Россия).

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что открытые, полиэтнические среды способствуют формированию гибкой и инклюзивной этнической идентичности, тогда как традиционные общества усиливают защитные механизмы идентичности, связанные с сохранением культурных границ. Результаты исследования имеют практическую значимость для разработки образовательных программ, направленных на оптимизацию межэтнического взаимодействия и снижение социальной напряженности в условиях глобализации.

Библиография

1. Белинская Е. П., Стефаненко Т. Г. Этническая социализация подростка. – М.: МПСИ, 2000. – 208 с.
2. Волков Ю. Г., Бинеева Н. К. Сохранение этнокультурного многообразия и справедливость межэтнических отношений в оценках населения Юга России // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 112-132. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7 EDN: ECPKTQ
3. Выготский Л. С. Психология развития человека. – М.: Смысл, 2005. – 122 с.
4. Гаглоева А. Б. Факторы формирования гражданской и этнической идентичностей // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 66. – С. 348-351. EDN: DTSVRT
5. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С. Л. Лопатиной; под ред. М. А. Завадской, В. В. Костенко, А. А. Широкаковой; научн. ред. Э. Д. Понарин. – М.: Мысль, 2018. – 347 с.
6. Коноплева Н. А., Поветкина А. А. Территориальная и этническая идентичность как формы самоидентификации и репрезентации региональной культуры (на примере Приморского края) // Человек. Культура. Образование. – 2024. – № 3. – С. 82-103. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-82> EDN: GEMWFQ
7. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 320 с.
8. Лепшкова З. Х., Лебедева Н. М. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности представителей разных народов России: роль базовых ценностей // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах: монография / отв. ред. В. К. Левашов, Н. Г. Хайруллина. – Тюмень: ТюмИУ, 2022. – С. 90-105. DOI: 10.46320/9785-9961-2950-8-2022-6-1-17 EDN: DTZQSO
9. Лепшкова З. Х., Татарко А. Н. Удовлетворенность жизнью, гражданская идентичность и аккультурационные ожидания принимающего населения Москвы // Общественные науки и современность. – 2019. – № 4. – С. 147-157. DOI: 10.31857/S086904990005822-6 EDN: DASYIA
10. Мид М. Культура и мир детства. – М.: Наука, 1998. – 171 с.
11. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Сравнительный анализ значимых этнодифференцирующих признаков для подростков из разных культурных сред // Вестник РГГУ. – 2018. – № 1 (11). – С. 140-152.
12. Мишина М. М., Мурсалыева Г. М. Учет структуры этнической идентичности личности подростков в деятельности педагога (на примере подростков из г. Москвы, г. Ставрополя (Россия) и г. Исмаиллы (Азербайджан)) // Современное педагогическое образование. – 2025. – № 1. – С. 186-192. EDN: OKZJZZ
13. Шорохова В. А. Религиозная идентичность мусульманских подростков и молодежи: социально-психологический анализ // Minbar. Islamic Studies. – 2019. – Т. 12. – № 2. –

C. 585-589. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598 EDN: XBFQOI

14. Эльдиев Р. А. Межнациональные отношения как важнейшая область консолидации общества (на примере Республики Ингушетия) // Молодой ученый. – 2019. – № 33 (271). – С. 61-63. URL: <https://moluch.ru/archive/271/62058/> (дата обращения: 30.11.2023).

EDN: GVZTEA

15. Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве / под общ. ред. Р. Б. Шайхисламова. – Уфа, 2021. – 188 с.

16. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Летний сад, 2010. – 416 с.

17. Языковая политика в полиэтнических республиках Северного Кавказа: проблемы сохранения этнокультурного многообразия народов России. – Махачкала: Алеф, 2022. – 206 с.

18. Aslam W., Wehner L., Koga K., van der Westhuizen J., Thies C. G., de Sá Guimarães F. Misplaced states and the politics of regional identity: towards a theoretical framework // Cambridge Review of International Affairs. – 2020.

19. Brown R. Group processes. Dynamics within and between groups / Blackwell Publicizes. – 2000. – P. 371-384.

20. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W. G. Austin. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – P. 7-24.

21. Hanel P. H. P., Beier M., Wolfradt U. The Role of Human Value Congruencies for the Acculturation of Refugees. – 2022, May 16.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, метод обобщения, метод наблюдения, а также, как отмечается в статье, «психодиагностические инструменты. Методики исследования структуры этнической идентичности личности: КОТ — краткий ориентировочный тест (В. Н. Бузин, Э. Ф. Вандерлик); «Изучение этнической идентичности» (Дж. Финни); метод контент-анализа сочинений на тему «Как я узнаю русского / азербайджанца?»; «Опросник уровня эмпатии» (И. М. Юсупов), «Опросник уровня самооценки» (С. В. Ковалёв); опросник для измерения общих социальных установок у детей (Э. Френкель-Брунсвик); «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатов, С. В. Рыжова), тест-опросник уровня тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Л. Ханин), тест на агрессивность (А. Басс, А. Дарки)», методы описательной статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современное общество является мультикультурным, а вопросы культурной и этнической идентичности занимают одно из центральных мест в исследовательском поле различных наук. Такая социальная группа, как подростки имеет ряд своих особенностей, в том числе специфику психологических и культурных характеристик, присущих этой возрастной группе. В этом контексте сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике сравнительного анализа культурно-психологических различий личности современных

подростков на примере представителей этой возрастной группы из России и Азербайджана. Выборку исследования составили 295 учащихся 6, 7, 8 классов из школ России и Азербайджана.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структуру статьи можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, методы исследования, степень научной разработанности проблемы, этапы исследования, результаты и их обсуждение, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, которые очень наглядно представлены на рисунках 1-7 и подробно проанализированные и описанные в тексте статьи.

Библиография содержит 21 источник, включающий в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих вопросы культурно-психологических различий личности, в том числе современных подростков. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. Отмечается, что полученные результаты проведенного исследования продемонстрировали наличие «культурно-психологических различий в структуре этнической идентичности подростков, проживающих в разных культурных средах», в частности, проживающих в России и Азербайджане.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией школ и организаций по работе с подростками, воспитателями, классными руководителями, психологами, культурологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в тексте данной статьи трижды упоминается таблица 1, однако в статье эта таблица не представлена. При оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Следует отметить, что формулировки названий рисунков очень длинные и громоздкие, что затрудняет их восприятие при прочтении. Кроме выводов по проведенному исследованию целесообразно было бы сформулировать и обобщающее заключение, которое должно создать впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, а скорее, относятся к особенностям оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков»

Предмет исследования – напрямую не заявлен в тексте статьи, но отражён в названии – это сравнительный анализ культурно-психологических различий личности современных подростков.

Методология исследования построена на междисциплинарном анализе, который раскрывает вопросы этнической идентичности на стыке психологии и социологии в контексте сравнительного анализа культурных различий.

Прикладная часть в исследовании построена на изучении культурно-психологических различий подростков. Автором применен комплекс психодиагностических методов:

1. КОТ — краткий ориентировочный тест (В. Н. Бузин, Э. Ф. Вандерлик);
2. «Изучение этнической идентичности» (Дж. Финни);
3. Метод контент-анализа сочинений на тему «Как я узнаю русского / азербайджанца?»;
4. «Опросник уровня эмпатии» (И. М. Юсупов),
5. «Опросник уровня самооценки» (С. В. Ковалёв);
6. Опросник для измерения общих социальных установок у детей (Э. Френкель-Брунsvик);
7. «Типы этнической идентичности» (Г. У. Солдатов, С. В. Рыжова),
8. Тест- опросник уровня тревожности (Ч. Д. Спилбергер, Л. Ханин),
9. Тест на агрессивность (А. Басс, А. Дарки).

Некоторые методики вызывают вопросы. Например, КОТ связан с изучением общего уровня интеллектуального развития и способности к обучению, а в версии В.Н.Бузина он адаптирован под респондентов-россиян. Важно в статье пояснить, почему именно такой комплекс методов подобран и как методики соответствуют изучаемому конструкту в части культурно-психологических различий?

В исследовании приняли участие 295 подростков (учащиеся 6–8-х классов) из России (Москва и Ставрополь) и Азербайджана. Исследование проведено по 3 этапам с 2015 года до 2024 года. Организационная структура исследования подробно описана автором. В качестве рекомендации – важно описать критерии отбора испытуемых. Например, имело ли значение – является ли участник исследования коренным москвичом или он мог недавно переехать из малого города.

Актуальность представленной статьи очевидна. Она связана с целью исследования – теоретически обосновать и эмпирически выявить культурно-психологические различия структуры этнической идентичности личности современных подростков, проживающих в разных регионах России и в Азербайджане.

В последние годы нарастают ситуации, когда люди стали чаще менять место проживания. При перемещениях между странами они попадают в другие этнические общества. Поэтому как никогда актуальными являются исследования, которые позволяют понять культурно-психологические различия людей для создания позитивных отношений и предоставления психологической помощи в адаптации к условиям этнически разнообразных мегаполисов. Особенно это касается подростков, у которых формирование личности находится на этапе становления.

Научная новизна связана с двумя моментами:

- 1) расширением понимания разности культурно-психологических различий и их раскрытием на примере подросткового возраста;

2) с разработкой просветительской программы для подростков под названием «Траектория духовности».

Стиль, структура, содержание

Вводная часть обосновывает выбор темы и представляет описание степени научной разработанности проблемы. Автор системно описывает подходы к определению культурной среды, этнической группы, этнической идентичности. Важно, что обобщение подходов основано на подходах отечественных и зарубежных авторов - З.Фрейд, Э.Фромм, И.Кон, В.Ядов и др.

В основной части статьи автор раскрывает организацию и методы исследования. Особо отмечу грамотное описание последовательности и содержания этапов многолетнего исследования. Автор представляет полученные данные в трех информативных таблицах, которые показывают статистически достоверные различия по сравниваемым показателям. Хотелось бы видеть краткое описание программы «Траектория духовности».

В заключении автор делает выводы, которые подтверждены материалами статьи. Например, вывод о влиянии разных культурных контекстов на формирование различных отношений к этнической идентичности.

Библиография

Насчитывает 21 литературный источник – это статьи из журналов, сборников конференций, аналитические обзоры. Среди которых представлены фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых, прикладные работы, в том числе на английском языке. Важно, что автор использует литературные источники разных лет, вплоть до самых новых (2024 год).

Апелляция к оппонентам – статья достаточно соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к публикации. Также рекомендуется автору внести изменения в соответствии с комментариями в рецензии.

Особенно важно отметить серьезную методологию, которая положена в основания исследования. Отдельно отмечаю прикладную ценность исследования.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории. Результаты исследования могут быть применены для разработки отдельных программ по сопровождению адаптации переезжающих в рамках разных стран подростков. Они представляют интерес для психологов, педагогов, профориентологов.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Аксютинa З.А. Иерархия методологических признаков метафорических ассоциативных карт // Психолог. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.3.72571 EDN: OQUIMT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72571

Иерархия методологических признаков метафорических ассоциативных карт

Аксютинa Зульфия Абдулловна

ORCID: 0000-0003-2548-4673

кандидат педагогических наук

доцент, кафедра социальной педагогики и социальной работы, Омский государственный педагогический университет

644076, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Партизанская, 4а, оф. 110

✉ aksutina_zulfia@mail.ru

[Статья из рубрики "Горизонты психологии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.3.72571

EDN:

OQUIMT

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2024

Аннотация: Объект исследования: методология арт-терапевтических практик. Предмет исследования: методологические основы метафорических ассоциативных карт. Цель статьи – выявить иерархию методологических признаков метафорических ассоциативных карт. Метафорические ассоциативные карты прочно вошли в практику психотерапевтической работы психологов. Однако, их методологические признаки в научно-психологических исследованиях описаны и разработаны явно недостаточно. Видовое оформление метафорических ассоциативных карт имеет существенное многообразие и постоянно расширяется. Благодаря этому они нашли широкое распространение на практике, позволив обогатить трениговую и консультативную работу с детьми и молодежью. Основные функции карт психотерапевтическая и психодиагностическая, способствуют поиску индивидуального выхода из кризисных ситуаций. Материалами анализа выступили публикации последних лет, посвященные различным аспектам анализа и практики метафорических ассоциативных карт. Статья

базируется на категориально-системной методологии. В качестве методов исследования используются теоретический анализ и синтез. Материалами анализа выступили публикации последних лет, посвященные различным аспектам анализа теории и практики МАК. Новизна исследования состоит в том, что в исследовании осуществляется выявление иерархических детерминант методологических оснований метафорических ассоциативных карт как средства психотерапии. Метафорические ассоциативные карты по методологическим признакам в психотерапии относятся к классу арт-терапии, подклассу креативной терапии, разделу экспрессивной психотерапии. При рассмотрении методологических признаков метафорических ассоциативных карт следует опираться на технологии свойственные арт-терапии. Такая опора способствует созданию новых техник, приемов и колод метафорических ассоциативных карт для решения витальных проблем клиентов. Важной представляется опора на творчество и на целеполагание при работе с метафорическими ассоциативными картами. В качестве частной методологии метафорических ассоциативных карт выступает арт-терапия, креативная терапия, а экспрессивная психотерапия выступает в качестве общей методологии. Полученные результаты позволят практикующим психологам повысить научный уровень использования метафорических ассоциативных карт в психотерапевтической практике.

Ключевые слова:

метафорические ассоциативные карты, методологические основы, экспрессивная психотерапия, креативная терапия, арт-терапия, МАК-терапия, иерархия, методологические признаки, арт-технологии, модель

Введение

Метафорические ассоциативные карты (далее – МАК) прочно вошли в практику терапевтической работы психологов. МАК представляют из себя прямоугольные листы картона, похожие на открытки. По видам они могут иметь различное оформление. Может быть оформление *с одной стороны*:

- нарисованные изображения (например, колода «Сосуды», 2021),
- фотографии (например, спектрокарты У. Халкола и А.И. Копытина, 2020),
- слова (например, универсальная рамочная колода «Ох-слова» А. Рожнецовой).

В данной разновидности карт, как и у игровых карт, другая сторона колоды оформляется рубашкой.

Двустороннее оформление карт с одной стороны имеет рисованные изображения, а с другой цитаты (например, колода «Это просто любовь», Р. Зенюк).

Колода так же может быть двусоставной и включать *два набора* карт. Например, состоящих из изображений и трафаретов (колода «Огонь мерцающий в сосуде...» Т. Ушаковой, 2016), изображений и слов (ОХ-карты) и др.

В психологической практике России МАК начали использоваться сравнительно недавно. Так, первой научной публикацией посвященной МАК в России является статья Р.В. Кадырова и Т.В. Скоробогач «Использование метафорических ассоциативных карт «12 архитипов плюс» в психологическом сопровождении специалистов экстремальных профессий», вышедшая в 2013 году [\[15\]](#). Этому предшествовало опубликование работы

В. Киршке «Клубника за окном», переведенной на русский язык с немецкого [18]. С этого момента и начинается распространение МАК по России.

Наибольший интерес вызывают работы Г. Кац и Е. Мухаматулиной «Метафорические карты: руководство для психолога» [17], Е. Морозовской «Мир проективных карт. Обзор колод, упражнения, тренинги» [23]. В этих работах отражен большой практический опыт работы авторов с МАК, приведены методики и техники использования МАК в терапевтической практике.

Первые попытки теоретического и методологического обоснования использования МАК в психотерапии обнаруживаются в работах Н. Дмитриевой и Н. Буравцовой «Психотерапия неврозов с помощью ассоциативных карт» [10], М. Ингерлейб «Метафорические ассоциативные карты» [14].

Вместе с тем методологические признаки МАК-терапии в психотерапии описаны явно недостаточно. Работ, посвященных непосредственно методологическим основам МАК-терапии нами не обнаружено.

МАК относят к арт-терапии. Попытки раскрыть методологические основы арт-терапии как родовой для всех направлений терапии творчеством предпринимает М.-А. Nguyen. Автор называет арт-терапию независимой наукой, полагая, что в теоретическом плане она базируется на теории психоанализа. По мнению автора, этапы и уровни развития арт-терапии лежат в континууме экспрессивной психологии [30].

В. Шебановой была раскрыта психотерапевтическая и психодиагностическая функции, реализуемые при работе с МАК, что способствует поиску «своего уникального пути выхода из кризисной жизненной ситуации» [32, с. 307]. А. Горобченко, М. Евменчик называя МАК уникальными выделили их преимущества. К ним отнесено то, что карты позволяют наладить коммуникацию, демонстрировать уважительное сотрудничество в группе, развивать творческий потенциал личности, снижать страх и способствуют продуктивному слушанию [9, с. 36].

Практика использования МАК в терапевтических целях постепенно расширяется, что видно по тематике публикаций последних лет. Я.М. Акинкина с их помощью решает проблемы принятия ребенка [2]; омские психологи профилактируют эмоциональное выгорание родителей, воспитывающих детей с ОВЗ [3]; Е.В. Антонова видит в них средство, способствующее адаптации детей с ОВЗ к условиям дошкольного образовательного учреждения [4]; Ю.О. Соловьёва использует карты в психотерапии личности [27]; И.А. Чайковская, Э.П. Аргунеев с помощью МАК развивают личностные ресурсы [29]; Л.В. Занина, М.Б. Ингерлейб применяют МАК для поддержки жизнестойкости педагогов [13]; Г.А. Гасанова работает с агрессией подростков [8].

Широта решения различных витальных потребностей клиентов и примеры использования МАК указывает на их универсальность в психотерапии и высокую эффективность данного терапевтического средства. Отметим, что А. Горобченко и М. Евменчик считают, что МАК могут использоваться в тренингах, интерактивных беседах, индивидуальных консультациях [9, с. 36]. С.Е. Борисова указывает на их применение в тренинговой и консультативной работе [6].

Предмет исследования: методологические основы метафорических ассоциативных карт.

Проблема исследования состоит в том, что МАК широко используются в практической терапевтической практике психологов, однако их Иерархия методологических признаков не нашла должного обоснования в научных исследованиях. *Новизна исследования* состоит в том, что в исследовании осуществляется выявление иерархических детерминант методологических оснований МАК как средства психотерапии. *Гипотеза исследования* состоит в предположении, если при поиске методологических признаков МАК необходимо опираться на психотерапевтические основания, что будет способствовать определению иерархии детерминант методологических признаков МАК.

Цель статьи: выявить иерархию методологических признаков МАК.

В качестве методов исследования осуществляется опора на теоретические, а именно на теоретический анализ и синтез. Материалами анализа выступили публикации последних лет, посвященные различным аспектам анализа теории и практики МАК.

Методологические признаки метафорических ассоциативных карт

По методологическим признакам МАК относится к классу – *арт-терапии*. Арт-терапию, наиболее часто используют в качестве терапевтических воздействий арт-технологий. Арт-терапия является относительно новым направлением в психотерапии. Хронологически первые упоминания понятия «арт-технологии» относятся к концу 30-ых гг. прошлого века. Впервые термин «арт-терапия» стал использовать английский врач А. Хилл. В 1938-е г., находясь на лечении с туберкулезом легких, он заметил, что занятия творчеством отвлекают его от тяжелых переживаний и помогают справляться с болезнью [28, с. 65]. Арт-терапия выступает в качестве своеобразного посредника в общении пациента и терапевта на символическом уровне посредством применения различных арт-технологий.

Неслучайно В. Беккер-Глош и Э. Бюлова соотносят арт-технологии с художественным творчеством, которое связано «с действием трёх факторов: экспрессии, коммуникации и символизации» [5, с. 43]. Указанные авторы делают акцент лишь на художественном аспекте, хотя в настоящее время в арт-технологиях используется все более расширяющийся диапазон разнообразных видов творчества.

Т.В. Жукова, обосновывая применение арт-технологий применительно к профессиональной деятельности психолога указала, что под арт-технологиями следует понимать «совокупность форм, методов и средств различных видов искусства, направленных на развитие творческого потенциала личности» [12, с. 11]. Можно утверждать, что спустя довольно короткий промежуток времени увеличивается круг видов искусства, используемых в разработке арт-технологий. Кроме того, Т.В. Жукова внесла в понимание сущности рассматриваемого понятия новое содержательное наполнение, выражающееся в направленности на развитие потенциала личности.

И.М. Кунгурова связала понимание арт-технологий с двумя составляющими: искусством, как таковым, и целеполаганием. По её мнению, арт-технологии – это «совокупность средств искусства и методов художественно-творческой деятельности для достижения намеченной педагогической цели» [21, с. 47]. Эта мысль указывает на «перетекание» применения арт-технологий из психологической практики в педагогическую, что привело к развитию нового направления в педагогике.

М. Liebmann описывает взаимосвязь понимания арт-технологий с психологией человека. Арт-технологии – это «использование средств искусств для передачи чувств и иных

содержаний психики человека с целью изменения структуры его мироощущения» [30, с. 42].

Арт-технологии накопили достаточный арсенал арт-терапевтических методов. Я.Е. Прошкина и О.А. Белобрыкина полагают, что к арт-терапевтическим методам относятся сказкотерапия, игротерапия, песочная терапия, абсурдизация и формокоррекционная ритмопластика [24]. Отметим, что содержательно полной классификации видов искусств, относящихся к арт-терапии, нами не найдено.

С классификационной позиции МАК можно рассматривать как разновидность арт-терапии [19; 20], и как мифологизированной реальности [16]. По мнению специалистов, метафорические ассоциативные карты по своей методической сути, несомненно, относятся к проективным методикам [1], где осуществляется работа с фантазиями, образами, позволяющими заглянуть во внутренний мир человека, выявить его ценности и ожидания.

Арт-терапия является частью подкласса *креативной терапии* (терапии творчеством). Считается, что термин «терапия творчеством» сформулировал первым в 1867 г. В. Гайзингер. Под данным термином он понимал поддержку, укрепление и прояснение духовной индивидуальности личности, посредством занятий творчеством. Постепенно с терапии больных это направление стало передвигаться на терапию здоровым людям с трудностями в «психическом отвлечении». В XX в. терапия творчеством становится терапией самораскрытия в творчестве. Этому направлению большое внимание уделял Е.М. Бурно – предложивший в 1989 г. метод терапии творческим самовыражением [17]. М.Е. Бурно описал эксперимент, проходивший в 1926 г., под руководством доктора М.Ю. Лахтина, в котором пациенты с невротами привлекались к выжиганию по дереву, художественной вышивке, лепке, росписи по фарфору и дереву. М.Ю. Лахтин считал, что в процессе занятий творчеством человек ощущает себя частью целого, черпает в творении силы, происходит его самораскрытие путем обращения к чувствам.

В основе креативной терапии лежат ряд психологических теорий: психоанализ З. Фрейда, психодрама Я.Л. Морено, теория терапевтической помощи графическим самовыражением М. Наумбург, аналитическая психология К. Юнга. Именно К. Юнг в 1923 г. занимаясь интроспекцией за сновидениями, образами, начал зарисовывать увиденное. На основе собственного опыта стал предлагать и пациентам делать зарисовки, рассматривая рисунок как средство отражения бессознательного. Под влиянием разрабатываемых идей К. Юнга с 1925 г. специалисты начинают использовать в психотерапии изобразительные средства в Европе (Е. Спир, Н. Франк, Д. Хеуер, и др.) и США (Э. Крамер, Н. Левиз, М. Наумбург, П. Шилдер, М. Штерн и др.). Широкое применение занятий по рисованию и живописи в целях психотерапии активно начинается с 40-х гг. XX в., что обусловлено разработкой М. Наумбург динамически ориентированной арт-терапии.

М. Наумбург полагала, что динамически ориентированная арт-терапия, должна опираться на идеи З. Фрейда о распознавании бессознательных глубинных мыслей и чувств человека, извлеченных из грез, конфликтов, образов, сновидений, страхов, фантазий. А исследование Г. Принцхорн (20-ые гг. XX в.) лишь подтвердило, что творческие работы пациентов отражают их наиболее интенсивные конфликты, поэтому внутреннее содержание конфликтов можно визуализировать с целью дальнейшего повествования о переживаемых чувствах.

Креативная терапия в большей степени может быть отнесена к разделу *экспрессивной психотерапии*, что, по нашему мнению, относится и к МАК. Как справедливо считает разработчик экспрессивной психотерапии Н. Роджерс, ее можно рассматривать как человекоцентрированную. Это дает клиенту целостность психотерапевтического процесса, за счет обнаружения, осознания, балансирования и интеграции его противоположностей вокруг объединяющего центра – сущности клиента. Она полагает, что опосредовано в экспрессивной психотерапии происходит совершенствование личности, побуждаемой к творчеству посредством преобразующего самовыражения, с целью достижения психического здоровья [25].

Отметим, что экспрессивная психотерапия характеризуется включением распространенных методов, таких как: «арт-терапия, музыкотерапия, терапия танцем и драма терапия. Эффективность которых показана в ряде рандомизированных исследований, что является доказательной базой их использования в практической деятельности» [26, с. 103]. Как справедливо отметила Р.Ю. Емельянова: «Все арт-терапевтические методы базируются на утверждении, что всякий раз, когда человек, не задумываясь о художественной ценности своих произведений, рисует, лепит, сочиняет сказку, танцует, изготавливает куклу, в созданных образах отражается его внутренний мир» [11, с. 59-60].

Модель иерархии методологических признаков МАК

Проведенный анализ позволяет выстроить наглядную модель иерархии методологических признаков МАК (рис. 1). Внутри иерархии задана логика от частного к общему.

Рис. 1. Модель иерархии методологических признаков МАК в психотерапии

Уровень МАК можно описать как начальный. Метафорические ассоциативные карты это прежде всего изображения, которые могут дополняться различным фоновыми картами (слова, фразы, трафареты). В настоящее время это карточки, распечатанные типографским способом и самодельные карты (напр., СоулКоллаж, фотографии и т.п.). Специфика карт базируется на изображениях, связанных с определенной тематикой. В основание колоды изначально закладывается какая-либо метафора. Например, это могут быть житейские события как метафора проживания, зонтики как метафора защиты, сосуд как некое внутреннее наполнение человека, и др. И, в момент самого процесса психотерапии происходит продвижение на следующий уровень модели – класс арт-терапии. Работа с МАК балансирует на связях образов, ассоциаций и метафор, чем

задается вектор профессиональной деятельности психолога как движение в глубинную рефлексию. Зачастую такое движение и воспринимается клиентами как волшебство осознания себя, своей сущности, своих переживаний. В этом видится составляющая МАК как арт-терапии.

Именно в такой момент востребована креативность самого психолога как терапевта, богатство его внутреннего мира, способность понять и осознать витальные потребности клиента. Направляя клиента по пути проживания личностно значимых событий, наполненных самыми разными эмоциями и чувствами, которые не всегда осознаются клиентом, важно не выпустить их анализ из поля внимания. Иными словами, важно прожить их до конца. Таким образом, происходит продвижение на следующую ступень модели – в подкласс креативной терапии. Этот уровень направлен на активизацию внутреннего потенциала клиента в самопознании и самораскрытии. Здесь, необходимо «включение» созидющего начала клиента как опоры для разрешения внутреннего конфликта, его локализации и дальнейшей нейтрализации.

Говоря про МАК, можно отметить, что в процессе взаимодействия с карточками клиент дорисовывает образы, сохранившиеся в его памяти и транслируемые переносом на содержание изображения. Очевидно, что именно в таком взаимодействии и проявляется сущностная сторона МАК как экспрессивной психотерапии (четвертый уровень модели). В ходе работы с МАК прослеживается последовательная цепочка – восприятие наглядного образа, наложение его на индивидуализированные ассоциации клиента, построение свободного ассоциативного ряда воспоминаний (событий, действий), метафоризация наглядного образа в вербальных формах. В такой последовательности и происходит глубинная исследовательская рефлексия проживания экзистенциального опыта клиента. На связь экзистенций и креативной терапии обратил внимание В.А. Мальцев, выделив особенности этой связи, заключающиеся в том, что:

1) креативность помогает разрешать такие данности, как изоляция и бессмысленность; 2) смерть актуализирует мужество творить; 3) свобода с одной стороны влияет на развитие креативности, но с другой стороны, сама креативность помогает приобрести человеку свободу [\[22, с. 110\]](#).

Плавное балансирование на уровне экспрессивной психотерапии зачастую приводит к ресурсному подходу в содержательной работе с МАК. Ресурсное содержание проявляется в приемах, связанных с использованием терапевтом ресурсной карты. Ресурсной может стать и карта из колоды, с которой происходит психотерапевтический контакт, и специально разработанные ресурсные колоды. В такой ситуации клиенту задается вопрос: «В чем вы видите ресурсы для разрешения затруднения?». Тем самым происходит дальнейшее движение, завершающее весь процесс психотерапии.

Таким образом, модель иерархии методологических признаков МАК в психотерапии, отражает всю процессуальную составляющую в терапии с применением МАК. Показано влияние иерархии методологических признаков МАК на процесс их использования, целостность процесса применения МАК в психотерапии. Вне поля исследования остались принципы использования МАК в психотерапии с опорой на рассмотренные методологические признаки.

Заключение

В статье реализована попытка выделения методологических признаков МАК, как нового направления арт-терапии. При рассмотрении методологических признаков МАК следует опираться на технологии свойственные арт-терапии. Такая опора способствует созданию

новых техник, приемов и колод метафорических ассоциативных карт для решения витальных проблем клиентов. Арт-терапия должна рассматриваться как *частная методология* в отношении МАК. В качестве *специальной методологии* МАК-терапии выступает креативная терапия. Особенности опоры на креативную терапию в дальнейшем будет приводить не столько к работе с готовыми метафорическими ассоциативными картами, сколько к созданию персонализированных карт. Полагаем, что этому будет способствовать развитие Интернет-ресурсов по созданию таких колод. Вместе с тем, персонализация работы с МАК уже нашла воплощение в технике СоулКоллажа. В качестве *общей методологии* необходимо рассматривать методы и методики экспрессивной психотерапии, где аспекты работы (методы, приемы, техники) с МАК приобретают специфические проявления, отражающиеся в МАК-терапии. Важным аспектом является опора в работе с МАК на творчество и целеполагание.

Полученные результаты позволят психологам повысить научный уровень использования МАК-терапии в практической деятельности.

Дальнейшие перспективы исследования достаточно широки. Предстоит более подробно описать принципы применения МАК-терапии, раскрыть ее теоретические основы. Остаются недостаточно раскрытыми механизмы воздействия МАК-терапии на клиента. Предстоит большая исследовательская работа доказательности влияния МАК на те или иные личностные изменения свойств и качеств человека.

Библиография

1. Абдурасулова Т.Д. и др. Психологическая диагностика: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / под ред. М.К. Акимовой, К.М. Гуревича. СПб. [и др.]: Питер, 2006. 650 с.
2. Акинкина Я.М. Опыт применения метафорических карт в перинатальной психологии // Вопросы психического здоровья детей и подростков, 2020. №20(4). С. 78–86.
3. Аксютин З.А., Ченская А.В., Шабышева Ю.Е. Метафорические ассоциативные карты "сосуды" в профилактике эмоционального выгорания родителей // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2022. №1 (59). С. 111–133. DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.06
4. Антонова Е.В. Ассоциативные карты как средство адаптации детей с ОВЗ // Специальное образование и социокультурная интеграция. 2021. № 4. С. 271–275.
5. Беккер-Глош В., Бюлов Э. Арт-терапия в Аликсеанеровской психиатрической больнице Мюнстера // Исцеляющее искусство: журнал арт-терапии, 1999. № 1. С. 42–58.
6. Борисова С.Е. Психологическая техника "Самопознание" и ее применение в тренинговой и консультативной работе // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4(59). С. 69–72.
7. Бурно М.Е. Терапия творческим самовыражением: (отечественный клинический психотерапевтический метод): учебно-практическое пособие по психотерапии и психологическому консультированию. М.: Альма Матер; Академический Проект, 2012. 304 с.
8. Гасанова Г.А. Метафорические ассоциативные карты как инновационный инструмент в работе психолога с подростками // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2021. № 1 (55). С. 67–74. DOI: 10.46845/2071-5331-2021-1-55-67-74
9. Горобченко А., Евменчик М. Уникальные колоды метафорических ассоциативных карт // АДУКАТАР. 2001. № 2(18). С. 33–36.
10. Дмитриева Н.В., Буравцова Н.В. Психотерапия неврозов с помощью ассоциативных карт // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 208–211.

11. Емельянова Р.Ю. Использование креативной терапии в психологическом сопровождении личного состава // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 6. С. 59–65.
12. Жукова Т.В. Использование арт-технологий в подготовке студентов-психологов к профессиональной деятельности. М.: ВЛАДОС, 2005. 250 с.
13. Занина Л.В., Ингерлейб, М.Б. Технология поддержки жизнестойкости педагогов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 3 (32). С. 5–9.
14. Ингерлейб М.Б. Метафорические ассоциативные карты: полный курс для практики. СПб.: Питер, 2021. 137 с.
15. Кадыров Р.В., Скоробач Т.В. Использование метафорических ассоциативных карт "12 архетипов плюс" в психологическом сопровождении специалистов экстремальных профессий // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 260–266.
16. Казанцева Е.В. Метафорические ассоциативные карты как "магическая" психотерапевтическая практика // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № 1. С. 163–170.
17. Кац Г., Мухаматулина Е. Метафорические карты: руководство для психолога. М.: Генезис, 2013. 200 с.
18. Киршке В. Клубника за окном. Ассоциативные карты для коммуникации и творчества. ON Verlag, 2010. 240 с.
19. Кузьмин Д.А. Методические аспекты применения психотехники метафорических ассоциативных карт как средства преодоления трудностей в построении межличностных отношений // Мировые цивилизации. 2022. № 7(2). С. 31–37.
20. Кузьмин Д. А. Сказкотерапия как метод культурно-психологического воздействия на личность: история и эволюция // Вестник МГУКИ. 2015. № 5(67). С. 159–164.
21. Кунгурова И.М. Арт-технологии в преподавании дисциплины "Технологии и методики обучения иностранным языкам" в вузе // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2013. № 5 (11). С. 46–51.
22. Мальцев В.А. Креативная психотерапия сквозь призму экзистенциальных данностей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2(22). С. 109–111.
23. Морозовская Е. Мир проективных карт: обзор колод, упражнения, тренинги. М.: Генезис, 2020. 167 с.
24. Прошкина Я.Е., Белобрыкина О.А. Как стать креативным: "простенькие" рецепты в стиле педагогики и психологии постмодерна (на материале экспертной оценки методического пособия Т.М. Грабенко, Т.Д. Зинкевич-Евстигнеевой "Практикум по креативной терапии") // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. С. 169–198.
25. Роджерс Н. Творческая связь. Исцеляющая сила экспрессивных искусств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 428 с.
26. Ряполова Т.Л. Доказательный подход в использовании экспрессивных методов психотерапии в ранней реабилитации больных шизофренией // Журнал психиатрии и медицинской психологии. 2012. № 2 (29). С. 103–108.
27. Соловьёва Ю.О. Техника психосолиптическая метафорика в психотерапии личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2022. № 7. С. 88–91. DOI: 10.37882/2500-3682.2022.07.20
28. Ткаченко Г.А. Психологическая помощь онкологическим больным с использованием арт-терапии // Вестник психотерапии. 2010. № 33(38). С. 65–69.
29. Чайковская И.А., Аргунеев Э.П. Возможности метафорических ассоциативных карт в работе с личностным ресурсом клиента (на примере комплекта "Мой жизненный сценарий") // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 2 (214). С. 91–96.

30. Liebmann M. Art therapy for Groups: a handbook of themes, games and exercises. Cambridge, Boston & London: SHAMBALA, 2003. 226 p.
31. Nguyen M.-A. Art Therapy – A Review of Methodology // Dubna Psychological Journal. 2015. № 4. Pp. 29–43.
32. Shebanova V. (2020). Метафоричні асоціативні карти в роботі психолога // Проблеми сучасної психології. 2020. № 50. Pp. 289–307. DOI: <https://doi.org/10.32626/2227-6246.2020-50.289-30>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Иерархия методологических признаков метафорических ассоциативных карт». Работа содержит постановку проблемы, проведение краткого теоретического обзора и описание содержание методологического подхода.

Предмет исследования. В центре внимания автора находится выявление иерархии методологических признаков метафорических ассоциативных карт. В статье отмечается, что МАК широко используются в практической терапевтической практике психологов. Однако их иерархия методологических признаков не нашла должного обоснования в научных исследованиях.

Методология исследования. В исследовании были использованы следующие методы: опора на теоретические, а именно на теоретический анализ и синтез. Материалами анализа выступили публикации последних лет, посвященные различным аспектам анализа теории и практики МАК. Автор опирался на работы следующих авторов: Н. Буравцова, Н. Дмитриева, Р.В. Кадыров, Г. Кац, Е. Мухаматулина, Е. Морозовская, Т.В. Скоробогач, В. Шебанова и др.

Актуальность исследования. Актуальность исследования опосредована тем, что важно актуализировать разные техники терапевтической работы психологов. Одним из современных подходов является использование метафорических ассоциативных карт. Вместе с тем методологические признаки МАК-терапии в психотерапии описаны явно недостаточно. Работ, посвященных непосредственно методологическим основам МАК-терапии, автором не обнаружено.

Научная новизна исследования заключается в следующем: в исследовании осуществляется выявление иерархических детерминант методологических оснований МАК как средства психотерапии. Автором было обосновано предположение о том, что при поиске методологических признаков МАК необходимо опираться на психотерапевтические основания, что будет способствовать определению иерархии детерминант методологических признаков МАК.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования. В исследовании были рассмотрены следующие позиции: дан краткий теоретический анализ, представлены методологические признаки метафорических ассоциативных карт, описана модель методологических признаков МАК и сделаны краткие выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 32 отечественных и зарубежных источника, издания за последние три года практически отсутствуют. В список включены,

в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебно-методические издания. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- провести более полный теоретический анализ современных источников;
- привести к единообразию оформление ФИО ученых (например, в работе представлены разные варианты - Н. Дмитриева, Р.В. Кадыров).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами терапевтической работы психологов. Затронутая проблема была рассмотрена через призму использования метафорических ассоциативных карт. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психолог

Правильная ссылка на статью:

Журавлева Д.И., Кравцова Н.А. Смыслоразностные ориентации как фактор, влияющий на формирование жизнестойкости студентов // Психолог. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.3.72068 EDN: OQVPFY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72068

Смыслоразностные ориентации как фактор, влияющий на формирование жизнестойкости студентов

Журавлева Дарья Ильинична

студент, кафедра клинической психологии; Тихоокеанский государственный медицинский университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Океанский пр-т, 165

✉ mari.kin99@mail.ru

Кравцова Наталья Александровна

доктор психологических наук

зав. кафедрой; кафедра клинической психологии; Тихоокеанский государственный медицинский университет

690002, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Океанский пр-т, 165

✉ ranatali@yandex.ru

[Статья из рубрики "Внутренний мир человека"](#)

DOI:

10.25136/2409-8701.2025.3.72068

EDN:

OQVPFY

Дата направления статьи в редакцию:

24-10-2024

Аннотация: Предмет исследования: особенности жизнестойкости студентов с разными смыслоразностными ориентациями. Объект исследования: жизнестойкость у студентов. При написании статьи, авторами была подробно рассмотрена важная и актуальная проблема современного мира – особенности формирования жизнестойкости. Жизнестойкость является одним из важнейших личностных конструктов, влияющих на успешную адаптацию и самореализацию индивида. При рассмотрении факторов, влияющих на формирования жизнестойкости в студенческий период жизни, авторами

были выявлены специфичные особенности, характерные для личностей с высоким и низким уровнем жизнестойкости. В настоящей статье раскрывается противоречивость понимания понятия «смысложизненные ориентации» среди зарубежных и отечественных авторов. Таким образом, по итогу проведенного анализа были предприняты попытки по конкретизации ключевых понятий: «жизнестойкость», «смысложизненные ориентации», а также поиску их взаимосвязи. Основными методами исследования были выбраны: анализ, обобщение и систематизация теоретико-эмпирических, философско-педагогических и методологических исследований зарубежных и отечественных авторов по проблеме формирования жизнестойкости личности и ее взаимосвязи с другими психологическими конструктами. При рассмотрении факторов, влияющих на формирования жизнестойкости в студенческий период жизни, авторами были выявлены специфичные особенности, характерные для личностей с высоким и низким уровнем жизнестойкости. В настоящей статье раскрывается противоречивость понимания понятия «смысложизненные ориентации» среди зарубежных и отечественных авторов. По итогу проведенного анализа были предприняты попытки по конкретизации ключевых понятий: «жизнестойкость», «смысложизненные ориентации». Помимо этого, авторами, были выявлены основные аспекты формирования и развития жизнестойкости. К таковым относят: особенности социокультурного контекста, характер эмоциональных взаимоотношений с окружающими, наличие стрессовых факторов в жизни человека, их количество, продолжительность и последствия для личности. Проблема становления и развития жизнестойкости среди студентов тесно связана с формированием смысложизненных ориентаций молодежи. В условиях быстро изменяющегося мира, убеждения и цели молодых людей могут быть неустойчивыми и неструктурированными. На современном этапе, необходимо создавать новые формы и методы воздействия, которые способствовали бы развитию смысложизненных ориентаций, что оказывало бы положительный эффект на формирование жизнестойкости.

Ключевые слова:

Жизнестойкость, Смысложизненные ориентации, Студенты, Личностные конструкты, Зарубежная литература, Отечественная литература, Литературный обзор, Факторы формирования жизнестойкости, Личностные особенности, Развитие личности

Введение

Современный мир представляет собой динамичную и быстро изменяющуюся систему, которая требует от индивида постоянных усилий для достижения успеха. В повседневной жизни человек сталкивается с множеством трудностей и перемен, сопровождаемых стрессом и тревогой. Для успешной самореализации и достижения поставленных целей необходимо обладать жизнестойкостью — способностью преодолевать жизненные трудности [\[15\]](#). Согласно некоторым исследованиям, юношеский возраст — наиболее благоприятный период для формирования этой жизнестойкости, поскольку в этот период происходят значимые изменения в жизни, связанные с обучением и взрослением [\[10\]](#). Студенческие годы характеризуются кардинальными изменениями в образе жизни, включая переезды, увеличение учебной нагрузки, новые жизненные задачи и проблемы, а также нестабильность уклада. Чтобы достичь успеха, молодым людям необходимо развивать новые стратегии поведения и учиться справляться с возникающими трудностями. С одной стороны, такие условия могут негативно влиять на эмоциональное состояние из-за неуверенности и страха, но с другой стороны, они создают условия для

формирования жизнестойкости и новых жизненных установок.

На формирование жизнестойкости также влияют разнообразные факторы, среди которых особую роль играют смысложизненные ориентации. Студенческий период — это время переосмысления собственной жизни, когда у молодёжи меняются установки, жизненные цели и ценности, что в целом составляет их смысложизненные ориентации. Исследования показывают, что качество этих смыслов и ориентиров определяет способность личности преодолевать трудности и решать проблемы.

Научная актуальность данного исследования заключается в изучении особенностей жизнестойкости студентов в контексте различных смысложизненных ориентаций. Над данной проблемой работали такие исследователи, как Т.В. Корнилова, Д.О. Кулешова, Ж.Г. Гаранина, Н.В. Андропова, И. Солкава, Дж. Сукора и т.д.. Несмотря на проведенные исследования, в научном сообществе не существует единого мнения относительно того, как понимать жизнестойкость и какие факторы на нее влияют. Некоторые авторы рассматривают жизнестойкость как комплекс когнитивных и эмоциональных реакций на стрессовые ситуации, в то время как другие критикуют этот подход за игнорирование социокультурного контекста, подчеркивая, что жизнестойкость формируется в рамках общества, что требует выделения социокультурного компонента как отдельного аспекта [\[21,9,30\]](#).

Также существует множество мнений о том, как понимать смысложизненные ориентации — как экзистенциальный конструкт или как концепцию жизненных ценностей. [\[6\]](#). Таким образом, проблема жизнестойкости остается актуальной для исследования. Научные и прикладные исследования продолжаются, охватывая факторы, влияющие на формирование жизнестойкости, ее особенности и взаимосвязи с другими личностными характеристиками.

С каждым годом, проблема преодоления жизненных трудностей, все чаще звучит в практической деятельности современного психолога. Обратиться за помощью, с подобным запросом, могут не только студенты, но и люди всех возрастных и социальных категорий. Поэтому для оказания профессиональной психологической помощи специалисты должны обладать глубокими и актуальными знаниями в данной области.

Обзор литературы

Анализ зарубежных и отечественных источников показал, что феномены «жизнестойкости» и «смысложизненных ориентаций» трактуются неоднозначно. Понимание различных аспектов, формирования и структурных компонентов отличается в зависимости от культурных и временных особенностей.

Среди отечественных исследователей, изучавших понятие «жизнестойкости» можно выделить Д.А. Леонтьева, Л.А. Александрова, Д.М. Сотниченко, А.И. Лактионовой и др. В то время как среди зарубежных авторов данной проблемой занимались С. Мадди, С. Кобейса С. З. Фрейда, К. Роджерса, Ках, Д. Хошаба-Мадди, Д. Кутель, Д. Вейби, Х. Ли и др.,

Большинство авторов, как зарубежных, так и отечественных, сходятся во мнении, что жизнестойкость - это совокупность внутренних и внешних факторов, способствующих преодолению личности жизненных трудностей [\[17,27,34\]](#). Однако взгляды на ее аспекты, особенности становления и выполняемых функциях различаются.

С. Мадди, который первым ввел сам термин, определял данное понятие как «компонент

мотивации, который позволяет личности выбрать эффективную коппинг-стратегию» [\[20\]](#). К основным факторам формирования жизнестойкости он относил наследственность, стрессовые обстоятельства, наличие социальной поддержки, установки, жизнестойкие принципы и жизнестойкий образ жизни [\[20\]](#).

П.Бартон, Д. Кэлли и М. Мэтьюс схоже определяли жизнестойкость, но делали больший акцент на том, что жизнестойкость – это личностный конструкт (а точнее их совокупность), включающая в себя убеждения о достоинстве и интересности жизни, уверенности в возможности ее контролировать и исследовать [\[14\]](#). Также авторы отмечали, что жизнестойким людям присущи такие характеристики как устремленность в будущее, положительная оценка результатов своей деятельности и готовность извлекать уроки из своего опыта

Другой взгляд на данный феномен, заключался в рассмотрении жизнестойкости неотрывно от социокультурного и коммуникативного компонентов. Согласно П. Манду, С.М Коваски и Дж. А. Шермеру, жизнестойкость существует неразрывно с социальными потрясениями и личностными кризисами [\[32\]](#).

В отечественную психологию термин жизнестойкость ввел Д.А. Леонтьев, под ним он понимал особую систему убеждений о себе, мире и взаимоотношений с этим миром [\[27\]](#). Автор рассматривал это понятие через призму концепции личностного потенциала, согласно которой, успешность в разрешении трудной ситуации зависит от способности индивида к личностной перемене. Понимание жизнестойкости как особой интегральной характеристики личности или системы установок и убеждений, быстро приняли и распространили другие отечественные исследователи, образовав целое направление. К представителям вектора в толковании понятия можно отнести Л.А. Александрова, С.В. Книжникова и, собственно, Д.А. Леонтьева [\[3,12,17\]](#).

Другое понимание жизнестойкости сводилось к объяснению жизнестойкости как фактора развития личности, который возникает как способ защиты от жизненных трудностей. М.А. Одинцова в своих работах писала о том, что виктимность есть прямое последствие низкой жизнестойкости [\[23\]](#).

Иначе подходит к пониманию данного феномена Л.А. Александрова, она придерживается позиции, что жизнестойкость, стоит рассматривать как личностный ресурс, который способствует личностному развитию [\[3\]](#). Автор утверждала, что высокий уровень жизнестойкости положительно влияет на успешную адаптацию человека, и снижает влияние тревожности.

Таким образом, выделить три направления в понимании жизнестойкости, которые характерны как для отечественных, так и для зарубежных исследователей [\[11\]](#):

1. Рассмотрение жизнестойкости как специфической личностной характеристики, которая возникает в ответ на возникающие трудности и определяет способность личности добиваться поставленных целей
2. Понимание жизнестойкости как личностного ресурса, который необходим личности для самореализации и саморазвития.
3. Принятие жизнестойкости как изначальную личностную структуру, являющуюся отдельным конструктом и представляющим собой систему навыков и убеждений

Анализируя вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что данные направления не противоречат, а дополняют друг друга. Таким образом под жизнестойкостью можно понимать особую личностную структуру или ресурс, изначально присущий человеку, но развивающийся в течении жизни под влиянием стрессовых ситуаций, и представляющий собой систему навыков и убеждений, необходимых для самореализации и развития личности.

Теоретические проблемы смысложизненных ориентаций также активно изучались и зарубежными (Э. Дюркгейм, В. Франкл, А. Адлер, Дж. Бюдженталь и др.) и отечественными психологами (А.Н. Леонтьев, П. Зинченко, В.Э. Чудновский, А.Г. Асмолов). Смысложизненные ориентации также не имеют единого понимания, и объясняются по-разному в различных психологических парадигмах.

Представители гуманистического подхода (К. Роджер, А. Маслоу, Дж. Бюдженталь) определяли смысложизненные ориентации как личностную характеристику, которая априори заложена в человеке и развивается на протяжении его жизни.

В деятельностном подходе (А.Н. Леонтьев К.А. Альбухова-Славская, С.Л. Рубинштейн) СЖО представляли, как относительно устойчивую систему смысловых конструктов, которые могут функционировать совместно. Все характеристики также присутствуют у человека изначально, как в гуманистическом подходе, однако их выраженность у всех людей разнится.

Среди представителей психоанализа (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг) и вовсе не было единого мнения, касательно природы, компонентов и механизмов формирования смысложизненных ориентаций. З. Фрейд считал основным жизненным ориентиром человека - получение удовольствия и избегание несчастий [26]. В виду того, что достигнуть подобного исхода не представляться возможным, автор приравнивал достижение и поиски смысла жизни к фиксации. В то время как А. Адлер, напротив, считал, что смысложизненные ориентации – фундамент для любой личности, так как без их осознания индивид не способен эффективно функционировать в обществе и преодолевать жизненные трудности [2].

На данный момент нет единого мнения, касательно, выделения единых ориентаций в смысловой организации личности. Однако, и отечественные, и зарубежные исследователи, в основном, сходились на том, что смысложизненные ориентации – это специфичные личностные характеристики, взаимно влияющие друг на друга, и определяющие дальнейший жизненный путь индивида.

Исследования взаимосвязи между жизнестойкостью и смысложизненными ориентациями, можно встретить в работах Т.В. Корнилову, Д.О. Кулешова, Ж. Г. Гаранину и Н.В. Андронову. Взаимосвязь между двумя этими конструктами объясняется их важной ролью в детерминации поведения человека. Смысложизненные ориентации выступают механизмом, определяющим жизненный путь личности, а жизнестойкость отражает способность этой личности пройти задуманный маршрут и достигнуть поставленной цели. Особенности формирования жизнестойкости в зависимости от полоролевой принадлежности и смысложизненных ориентаций изучали П. Мунд и М. Мишра; взаимосвязь между жизнестойкостью и другими личностными конструктами, в том числе и смысложизненными ориентациями, занимались Р.К. Прадхан, Е.А. Чиханцова и Л.К. Сердюк, Л. Го, Д. Яньф; проблема различия сформированности жизнестойкости и смысложизненных ориентаций в разных поколениях поднималась в работе А.Д. Беловой. Однако для более глубокого понимания механизма взаимодействия этих конструктов,

необходимо продолжить их изучение в момент их непосредственного активного развития, которое приходится на студенческий период жизни человека.

Анализ имеющихся работ в исследуемой области позволил выделить следующие противоречия: между характерными и нехарактерными смысложизненными ориентациями для студентов с разными показателями жизнестойкости. Зарубежные и отечественные исследователи выделяют разные смысловые и ценностные ориентиры, влияющие на становление жизнестойкости. Сложностью является тот факт, что понятие смысложизненных ориентаций в зарубежной литературе отождествляется с «ценностями», поэтому иностранные специалисты обращают внимание на иные факторы. Стоит отметить, что для зарубежных авторов также свойственно отводить особую роль социальному контексту в формировании жизнестойкости личности.

Материалы и методы

Исследование строилось на понимании и современных научных представлениях о феномене жизнестойкости, его детерминантах и особенностях формирования, на счет которых до сих пор ведутся дискуссии. Основными методами исследования были выбраны - метод анализа, систематизации и обобщения имеющихся теоретико-эмпирических, философско-педагогических и методологических исследований зарубежных и отечественных авторов по проблеме формирования жизнестойкости личности в студенческий период жизни во взаимосвязи со смысложизненными ориентациями.

Цель настоящего исследования: осветить особенности взаимосвязи смысложизненных ориентаций и жизнестойкости у студентов

Объект исследования: жизнестойкость у студентов

Предмет исследования: особенности жизнестойкости студентов с разными смысложизненными ориентациями

Гипотеза исследования: существуют различия в особенностях жизнестойкости студентов с разными смысложизненными ориентациями.

Задачи исследования:

1. Выявить факторы и детерминанты, влияющие на формирование жизнестойкости в студенческом возрасте.
2. Провести теоретический анализ имеющихся исследований влияния смысложизненных ориентаций на формирование жизнестойкости.

Теоретическая значимость исследования: теоретический анализ психолого-педагогической мысли, посвященный проблеме особенностям жизнестойкости студентов с разными смысложизненными ориентациями, позволит более подробно изучить феномен жизнестойкости, особенности его формирования в юношеский период жизни и взаимосвязь с другими личностными конструктами. Помимо этого, собранные данные, расширят понимание феномена «смысложизненных ориентаций» и позволят оценить своеобразие их проявления в студенческий период. Также, полученные в ходе этого исследования результаты, могут стать основой для дальнейших научных работ.

Практическая значимость исследования: понимание особенностей формирования жизнестойкости и ее взаимосвязь с смысложизненными ориентациями, позволит определить мишени воздействия с целью повышения уровня жизнестойкости молодых

людей.

Результаты исследования

Период студенчества является одним из самых значимых этапов в жизни человека. В это время происходит переход от подросткового возраста к взрослой жизни, что сопровождается рядом изменений: переезд, изменение социальной среды, возникновение новых задач и проблем, а также нестабильность в жизни. С. Мадди отмечал, что на формирование жизнестойкости оказывают влияния такие факторы как стрессовые обстоятельства, установки, принципы, образ жизни (жизнестойкий) и присутствие социальной поддержки [20]. В студенческие годы происходит актуализация вышеперечисленных факторов. К.Д. Ушинский подчеркивал, что студенческие годы являются решающим моментом, поскольку именно от успешности их прохождения зависит будущее человека [7]. Б.Г. Ананьев отмечал, что возраст от 17 до 25 лет представляет собой важную основу для формирования личности [1]. Л.И. Божович также указывала, что в юношеский период происходит активное развитие мотивации, сознания и самосознания у молодых людей [28]. Общая тенденция этого периода способствует улучшению физического и психического здоровья молодежи, а также помогает в преодолении возрастных кризисов и в процессе жизненной и профессиональной самореализации.

Таким образом, под воздействием меняющихся условий происходит трансформация самой личности, в частности, изменяются её смысложизненные ориентации и характеристики ценностной, мотивационной и смысловой сфер. В юношеском возрасте происходит пересмотр прежних взглядов на мир и на самого себя, формируется новое самосознание и представление о своих качествах и окружающих людях. Происходит расширение факторов, влияющих на формирование смысла жизни. В. Франкл в своих исследованиях, посвящённых поиску смысла жизни, подчеркивал, что у людей с четким пониманием смысла, направленного на будущее, выше шансы на выживание [19]. Иными словами, высокая жизнестойкость характерна для тех, кто имеет определённые жизненные ориентиры. Таким образом, способность к устойчивости и преодолению жизненных трудностей, которая в основном формируется в студенческие годы, становится важным качеством для дальнейшей самореализации личности.

В настоящее время активно проводятся исследования, целью которых является изучение взаимосвязи между жизнестойкостью и смысложизненными ориентациями. Следует отметить, что выводы некоторых работ совпадают с результатами других, однако между исследованиями разных авторов существуют и заметные противоречия.

В ходе теоретического анализа, выявлена тенденция, согласно которой для студентов с развитыми показателями жизнестойкости также характерны более высокие показатели смысложизненных ориентаций [25,21,13]. В настоящий момент, большинство исследователей, сходятся во мнении, что для студентов с высоким уровнем жизнестойкости, свойственен интернальный локус контроля [9,25]. Согласно Мощенко и Дроздовой, для таких молодых людей свойственно брать ответственность за события своей жизни, они уверены в том, что именно их осознанные решения и выбор определяют дальнейшую судьбу. Данную тенденцию можно объяснить тем, что если студент ощущает силу контролировать свою жизнь и обладает целостным представлением о себе как о сильной личности, способной решать проблемы, его шансы преодолеть жизненные трудности существенно увеличиваются. В то же время, для студентов с

низкими показателями жизнестойкости, в большей степени характерно иметь экстернальный локус контроля [21]. Таким молодым людям проще искать причины тех или иных событий в окружающих, нежели в себе, они склонны следовать общественным тенденциям и не предпринимать активных действий по изменению своего положения. Стоит отметить, что Гурьянова и Скорлупина утверждают то, что вне зависимости от уровня жизнестойкости, все студенты склонны ориентироваться на общественные стереотипы в своем восприятии жизни вместо опоры на личный опыт [9]. Подчеркивается, что подобная тенденция вполне справедлива и естественна, так как исследование проводилось на студентах 1 курсов, возраст которых колеблется от 17 до 18 лет. Поэтому в силу небольшого жизненного опыта, для них свойственно принимать решения под влиянием ранее запечатленных паттернов поведения.

Д.А. Тувышева и Г.И. Атамонова также исследовали взаимосвязь между жизнестойкостью и ценностно-смысловыми ориентирами личности [25]. Они выяснили, что чем выше у студентов ощущение контроля над своей жизнью и уверенность в том, что всё зависит от их влияния, тем сильнее у них стремление к достижению материальных благ. Также авторам удалось установить, что чем выше вовлеченность индивида в актуальные события реальной жизни, тем больше он ценит свое активное участие в общественно-политической деятельности. Из результатов исследования следует, что с увеличением показателей вовлеченности и контроля у человека приоритетными становятся материальные и социальные ориентации.

Полученные данные Е.А. Чиханцовой и Л.К. Сердюк также подтверждают вышеописанные результаты. Они установили, что предикторами жизнестойкости являются способность полагаться на себя, самопринятие и уверенность в себе [24]. Авторы также отметили, что четко определенные цели в жизни оказывают значительное влияние на формирование жизнестойкости, а также выявили взаимосвязь между компонентами жизнестойкости и самоопределением, самоорганизацией и психологическим благополучием.

Помимо этого, отмечается тесная взаимосвязь между показателями жизнестойкости, целеустремленностью и удовлетворенностью от пройденного жизненного опыта [21]. Иными словами, студенты, которые осознают то, к чему они стремятся и переживают свою жизнь как продуктивную, проявляют большую устойчивость к возникающим трудностям. Гурьянова и Скорлупина пришли к выводам, что для студентов-психологов с высоким и средним уровнем жизнестойкости характерны высокие показатели результативности жизни и локуса контроля. Студенты с высокой жизнестойкостью, как правило, удовлетворены своими достижениями и рассматривают свою жизнь как продуктивную и наполненную смыслом. Однако также была выявлена интересная тенденция, согласно которой для студентов с низкими показателями жизнестойкости и с низким уровнем целеустремленности и результативности, характерна склонность к принятию риска. Это можно объяснить тем, что в случаях, когда индивид ни к чему не стремится и оценивает собственные результаты как незначительные, то ему проще пойти на риск, ради достижения хоть каких-нибудь результатов.

К.О. Кожемяко и А.А. Шаров исследовали взаимосвязь между жизнестойкостью и смысловыми ориентациями у студентов последних курсов медицинского колледжа [13]. Авторы обнаружили, что у большинства респондентов показатели жизнестойкости по шкалам «Вовлеченность» и «Контроль» находятся на высоком уровне, по шкале «Принятие риска» — на среднем, а по всем шкалам смысловых ориентаций также на среднем уровне. Это говорит о наличии мотивации и вовлеченности студентов в

учебный процесс для получения необходимых профессиональных навыков, однако они продолжают испытывать неуверенность в своих силах и опасаются принимать риски. Кожемяко и Шаров отмечают, что несмотря на готовность справляться с жизненными трудностями и проявлять стрессоустойчивость, осмысленность жизни молодых людей все еще находится в стадии формирования. Авторы объясняют это тем, что на момент проведения исследования студенты обладали ограниченным жизненным опытом и все еще искали свой смысл жизни. Тем не менее, высокие показатели жизнестойкости свидетельствуют о готовности студентов бороться за успех и реализовывать свои цели.

О наличии взаимосвязи между жизнестойкостью и смысловыми ориентациями в своем исследовании говорила Гиоева и соавтр. [8]. Они установили, что у студентов с высоким уровнем жизнестойкости, у которых все три компонента (вовлеченность, принятие риска и контроль) выражены и сбалансированы, наблюдаются значительные отличия от студентов со средним уровнем жизнестойкости с различными проявлениями этих элементов. Для первой группы более свойственно осознавать смысл своей жизни, быть целеустремленными и удовлетворенными результатами своей настоящей и прошлой жизни. Кроме того, они склонны принимать самостоятельные и взвешенные решения, веря в то, что их успех или неуспех зависит от собственных действий.

Исследуя различия и особенности смысловых ориентаций и жизнестойкости у поколений Z и X, А.Д. Белова и соавторы, пришли к выводам об обнаруженных различиях между двумя группами [4]. Авторы отметили, что у представителей поколения Z, т.е. как раз это как раз-таки люди, обучающиеся в данный момент в вузах и вступающие во взрослую жизнь, наблюдается низкий уровень жизнестойкости, что находит отражение в их смысловых ориентациях, а именно в недостаточной вовлеченности в процесс и отсутствии четких целей и стремлений к их достижению. В то время как для представителей поколения X, это люди, которые уже состоялись в жизни и обладают определенным жизненным опытом, характерен высокий уровень жизнестойкости, стойкость к изменяющимся условиям жизни, решительность и целеустремленность, направленная на собственные интересы. Причиной этих различий авторы считают изменения в социокультурной среде, а именно изменения в жизненных приоритетах, смещенных в сторону достижения материального благосостояния и личного комфорта. Исследователи также подчеркивают, что на результат могли повлиять неопытность и молодость респондентов, так как выборка состояла из студентов, только вступивших во взрослую жизнь. Таким образом, в отличие от Д.А. Тувышевой и Г.И. Атамоновой, которые рассматривали стремление к материальным ценностям как фактор, способствующий высокой жизнестойкости, А.Д. Белова и её коллеги пришли к прямо противоположным выводам.

В зарубежном психологическом сообществе также активно проводятся исследования, посвященные выявлению факторов, влияющих на формирование жизнестойкости. Однако стоит отметить, что в иностранных исследованиях отсутствует классическое понимание смысловых ориентаций, выдвинутых Д.А. Леонтьевым [17]. Понимание смысловых ориентаций за рубежом формируется под влиянием разнообразных культурных, философских и психологических традиций. Понимание данного феномена может различаться в зависимости от стран и регионов, что отражает уникальные исторические контексты и социальные условия.

Гуманистическая психология, представленная такими фигурами, как Абрахам Маслоу и Карл Роджерс, концентрировались на самореализации и личностном росте [5,22]. В этом контексте смысловые ориентации рассматриваются как стартовые точки для

достижения более высоких уровней развития личности, что также связано с понятием жизнестойкости.

Зарубежные исследования связывают понятие жизнестойкости преимущественно с такими ценностями как: материальное благополучие, ощущение собственного или общественного счастья и т.д., Р.К. Прадхан и его коллеги выяснили, что психологическая жизнестойкость связана с ощущением собственного счастья, которое, в свою очередь, напрямую коррелирует с достижением материального благополучия. Авторы пришли к выводу, что материальные ценности являются важным компонентом для формирования высокой жизнестойкости [\[33\]](#).

Исследования Х. Косари и А. Салахян были сосредоточены на выявлении взаимосвязи между показателями ожидаемой продолжительности жизни, жизненными ориентациями и жизнестойкостью у людей из разных возрастных групп [\[31\]](#). В итоге авторы пришли к выводам, что для молодых людей, обучающихся на отделениях бакалавриата и магистратуры, в среднем характерен более высокий уровень жизнестойкости, по сравнению с более зрелыми людьми, давно выпустившихся. Также для молодых людей была свойственна уверенность в подконтрольности собственной жизни, компетентность и гибкость. Интересным выводом стал факт того, что для респондентов, оценивавших себя как более молодых, по сравнению с их реальным биологическим возрастом, были характерны те же качества.

Полученные результаты на китайской выборке студентов, также во многом совпадают с результатами отечественных исследований. Китайские исследователи пришли к выводу, что студенты, которые положительно оценивают собственные результаты, имеют долгосрочные цели и стремятся трудиться на благо общества и семьи имеют высокие показатели жизнестойкости [\[29,34\]](#). Напротив, студенты с низким уровнем жизнестойкости, склонны к негативной оценке своих результатов. Также было отмечено, что негативные эмоции, такие как разочарование и скука, ухудшают способность преодолевать трудности, в то время как академические эмоции оказывают положительный эффект. Также было установлено, что показатели жизнестойкости в большей степени коррелируют с такими смысловыми ориентациями как способность достижения целей, и положительная оценка себя. Авторы пришли к выводам, что для студентов с высокой жизнестойкостью характерно иметь долгосрочные цели, а также свойственно описывать себя как сильных и волевых личностей [\[34\]](#).

На основе представленных исследований можно сделать вывод о том, что изучение влияния смысловых ориентаций на формирование жизнестойкости остается актуальной темой. Следует отметить, что зарубежные работы отождествляют фокусируются на выявлении взаимосвязи между личностными характеристиками, в то время как отечественные специалисты чаще связывают данный феномен с жизненными ориентирами. В литературе можно найти как подтверждения ранее сделанных выводов, так и их опровержения. Для разрешения этих противоречий необходимо продолжать изучение данной темы.

Обсуждение результатов исследования

Согласно анализу имеющихся на данный момент исследований, авторы, помимо смысловых ориентаций, выделяют такие факторы и детерминанты влияющие на формирование жизнестойкости у студентов, как: наличие трудных жизненных ситуаций, особенности взаимодействия с окружающими, а также восприятие себя и эмоциональное

отношение к деятельности [\[4,24,31,33\]](#) . О важности наличия стрессовых событий для успешного развития стойкости к жизненным трудностям говорил еще С. Мадди [\[20\]](#). Юношеский период сопряжен с новыми трудностями и жизненными проблемами и именно стратегии преодоления и совладания с ними, оказывают огромное влияние на то, какие паттерны поведения закрепятся у личности для решения кризисов в будущем. Отсутствие каких-либо затруднений или же намеренное избегание их, может приводить к тому, что необходимые навыки не сформируются, что в свою очередь повлечет за собой неспособность личности выдерживать трудности на пути к достижению поставленных целей, и, соответственно, к проблемам с самореализацией. Наличие социальной поддержки также является важной детерминантой в развитии жизнестойкости. Умение устанавливать контакты с окружающими является как стратегией преодоления жизненных трудностей, так и личностным ресурсом, оказывающим благоприятный эффект на психоэмоциональное состояние личности. В студенческий период, когда индивид вынужден принимать ответственные решения и нести за них ответственность, особенности выстраивания отношений с другими людьми также влияют на формирование его жизненных стратегий. В ситуации, когда индивид достигает успеха, он может с большей уверенностью преодолевать кризисы, чем личность, опасаясь взаимодействовать с социумом. Стоит отметить, что данный аспект взаимосвязан с особенностями восприятия себя и с состоянием эмоциональной сферы личности. Самооценка играет не меньшее значение чем, способность человека выстраивать отношения с окружающими, так как именно от нее зависят качественные устремления личности. Положительная оценка собственных навыков и способностей позволяет индивиду быть более решительным и уверенным в положительном исходе ситуации, что обеспечивает его большую устойчивость перед жизненными трудностями. Таким образом, человек получает все больше опыта преодоления сложностей, а, соответственно, и навыков, что позволяет ему быть более стойким в будущем. Схоже же можно объяснить и влияние эмоциональной сферы на формирование жизнестойкости. Деятельность, вызывающая у индивида положительные эмоции, оказывает дополнительный мотивирующий эффект на преодоление проблемных ситуаций. В то время как негативные чувства дают обратный эффект. Таким образом, особая важность кроется в выборе удовлетворяющей и интересующей деятельности в студенческий период жизни.

Анализ современных психологических исследований свидетельствует о том, что смысло-жизненные ориентации и жизнестойкость действительно взаимосвязаны. Особенно это наблюдается в юношеском возрасте, который является сензитивным периодом для формирования новых ценностных ориентиров и способности справляться с трудностями, количество которых возрастает в студенческие годы. Рассматривая отечественные исследования можно отметить следующие тенденции. Большинство исследователей сходятся во мнении, что высокие показатели жизнестойкости чаще всего коррелируют с такими высокими или средними значениями смысло-жизненных ориентаций как: интернальный локус контроля, наличие целей в жизни и результативность. В то время как молодые люди с низкой жизнестойкостью часто не имеют ясных жизненных целей, испытывают неопределенность и сложности с контролем событий своей жизни. Другими словами, наличие четких и определенных планов в будущем, готовность брать на себя ответственность за происходящие события, а также склонность оценивать любой опыт как продуктивный и необходимый для личностного роста, положительно влияют на способность студентов преодолевать жизненные трудности. Полученные результаты можно объяснить тем, что в студенческий период, которому часто сопутствует чувство неопределенности и неуверенности, личность, которая имеет четкие цели и образ желаемого будущего, более замотивирована преодолевать препятствия на пути к

получению задуманного, по сравнению с личностью, у которой этого образа нет. Также студенты, склонные полагаться на себя, контролировать происходящие события в большей степени устойчивы перед возможными трудностями, так как для них свойственна уверенность в том, что именно от их осознанного выбора и решений зависит их будущее. Поэтому они в большей степени стремятся действовать, добиваться и соответственно преодолевать жизненные сложности. Соответственно с этим, подобные люди склонны оценивать любой результат, как источник личностного роста, что позволяет не фиксироваться на неудачах и не испытывать длительную фрустрацию перед невозможностью получить желаемое. Студенты, с низкой жизнестойкостью, в большей степени, склонны полагаться на других, негативно оценивать достигнутые результаты и не имеют четких целей и планов. Стойкость перед жизненными трудностями у таких людей снижена, в виду того, что они привыкли ждать помощи из вне, и в сложной ситуации не обладают необходимыми ресурсами и навыками для преодоления сложившихся ситуаций. Отсутствие планов и четких стремлений, также негативно сказывается на формировании стойкости, так как человек не замотивирован действовать и в важные моменты будет склонен отступить. Также для студентов данной группы характерно обесценивать достигнутые результаты и заикливаться на прошлых неудачах. В следствии этого, у личности может развиться чувство неуверенности в собственных силах, что также негативно сказывается на способности преодолевать трудности. Стоит отметить, что способность пойти на риск, в большей степени выражена именно у студентов с низкой жизнестойкостью. Это можно объяснить тем, что такие личности более подвержены чувству неопределенности, которая оказывает на них психоэмоциональное давление. Стремясь избавиться от этого ощущения, они могут пойти на риск, даже если он будет неоправданный. Кроме того, у людей с высокой жизнестойкостью, преимущественно, имеются четкие планы и цели на будущее, поэтому они более рационально и взвешенно подходят к планированию своих действий.

Неоднозначное мнение у отечественных исследователей сложилось на счет материального благополучия как одной из ценностей, влияющей на формирование жизнестойкости. А.Д. Белова и соавторы, пришли к выводам, что стремление к финансовой обеспеченности оказывает негативное влияние на формирование жизнестойкости, так как это рождает потребительское отношение к жизни, тем самым снижая вовлеченность в нее [\[4\]](#). Д. А. Тувышева и Г.И. Атамонова, наоборот, рассматривали данный фактор в положительном ключе, так как отождествляли стремление к материальному благополучию со стремлением к комфорту и реализацией [\[25\]](#). М. В. Логинов отмечал, что для современных студентов в целом характерна социальная «беспомощность», которая выражается в потребительском поведении, т.е. молодые люди стремятся удовлетворить собственные потребности за счет минимальных усилий, что неизбежно рождает внутриличностный конфликт [\[18\]](#). Причиной данной тенденции, может являться отсутствие четкой системы ценностей и понижение физического и психофизиологического качества здоровья [\[16\]](#). Таким образом можно предположить, что наличие ценностной ориентации на достижение финансового благополучия, оказывает положительный эффект на формирование жизнестойкости, только в том случае, когда помимо данного ориентира, у индивида развиты и другие ценности, которые мотивируют их достигать большего.

Зарубежные исследователи также сходятся во мнении, что студенты, с высоким уровнем жизнестойкости, склонны к четкому целеполаганию, ведению осмысленной жизни, удовлетворению от пройденного пути и стремлению к контролю над своей жизнью. В то время как молодые люди с низкой жизнестойкостью часто не имеют ясных жизненных

целей, испытывают неопределенность и сложности с контролем событий своей жизни. Однако также стоит отметить и влияние социокультурного контекста. Так, согласно данным одних исследователей высокие результаты жизнестойкости, помимо вышеописанных характеристик, также связана со стремлением достичь общественного блага [29,34]. В то время как другие исследователи, связывали жизнестойкость с достижением личностного комфорта, самореализацией и материальным благополучием [31,33]. Полученные различия можно объяснить различием в социокультурных особенностях. Первые результаты, были получены на выборке китайских студентов, в культуре которых преобладают коллективистские ценности и большое значение придается достижению благополучия большинства. В то время как вторые результаты были получены на выборке западноевропейских студентов, в среде где предпочтения отдаются достижению личностного счастья и самореализации. Данные выводы отражают необходимость дальнейших исследований, а также включение в область изучения социальных и культурных особенностей молодежи.

Заключение

1. Период студенчества является сензитивным для формирования жизнестойкости и смысложизненных ориентаций. Именно данный возрастной отрезок жизни, характеризуется быстро изменяющимися условиями, из-за чего перед индивидом встает резкая необходимость в адаптации, с целью самореализации. В результате, происходит трансформация личности, в следствии которой у нее вырабатываются как новые установки и ценности, так и формируется способность быть устойчивым к жизненным трудностям
2. На формирование жизнестойкости в студенческие годы оказывают влияния такие факторы как наличие стрессовых ситуаций, наличие социальной поддержки, особенности восприятия себя, особенности эмоциональной сферы, а также смысложизненные ориентации.
3. Отечественные и зарубежные исследователи, преимущественно, связывают высокие показатели жизнестойкости с такими смысложизненными ориентациями личности как: целеполагание, ведение осмысленного образа жизни, интернальный локус контроля и удовлетворенностью от пройденного пути. Также они сходятся во мнении, что для студентов с низкими показателями жизнестойкости, характерны такие особенности смысложизненных ориентаций как: отсутствие четких планов и стремлений, экстернальный локус контроля, склонность к негативизму и готовность идти на риск.
4. Помимо вышеперечисленного, и зарубежные, и отечественные исследователи отмечают влияния на формирование жизнестойкости следующих ориентаций: достижение материального благополучия, личного и общественного блага. Однако, единого мнения на счет их негативного или положительного воздействия, на данный момент нет, что указывает на необходимость дальнейшего изучения в данной области. Также стоит отметить, недостаточную изученность влияния смысложизненных ориентаций на формирование жизнестойкости через призму социокультурного контекста.

Библиография

1. Абдиева Г. И. Возрастные особенности юношеского периода // Архивариус. 2021. № 3. С. 31-33.
2. Адлер А. Очерки индивидуальной психологии. М.: Когито-Центр, 2009. 291 с.
3. Александрова Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия ЮФУ. Технические

науки. 2005. № 7. С. 51-54.

4. Белова А. Д., Герасименко К. О., Ермолаев В. В. К вопросу преемственности поколений Z и X: особенности смысложизненных ориентаций и жизнестойкости // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. № 1. С. 133-138.

5. Букурова А. В. Концепция ценностей А. Маслоу и возможности ее применении // Концепция ценностей А. Маслоу и возможности ее применении. 2021. № 1. С. 97-106.

6. Вайзер Г. А., Чудновский В. Э. В. Э. Чудновский о личностном фундаменте смысла жизни // Психологические проблемы смысла жизни и акме. 2021. № 1. С. 197-202.

7. Вяземский Е. Е. Вклад великого российского педагога К. Д. Ушинского в отечественную педагогику и образование // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 2. С. 18-25.

8. Гроева Е. П., Абаева И. В., Газзаева Н. М., Москаленко О. В., Хабаева Л. М. Качества жизнестойкости личности в представлениях юго-осетинской и российской учащейся молодежи // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN621.pdf> (дата обращения: 28.10.2024).

9. Гурьянова Т. А., Скорлупина Е. А. Смысложизненные ориентации как предиктор жизнестойкости у студентов // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (48). С. 52-57. DOI: <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-52-57>

10. Дроздова Н. В., Асманкина Е. Е. Особенности жизнестойкости в юношеском возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78(1) С. 312-316.

11. Закерничная Н. В. Теоретическое осмысление понятия жизнестойкости в отечественных и зарубежных исследованиях // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 5. С. 61-66. DOI: 10.21209/2542-0089-2016-11-5-61-66

12. Книжникова С. В. Структурно-функциональное описание жизнестойкости в аспекте суицидальной превенции // Мат-лы IV Всероссийской НПК «Феноменология и профилактика девиантного поведения». Краснодар, 28-29 октября 2010. С. 67-70.

13. Кожемяко К. О., Шаров А. А. Взаимосвязь жизнестойкости и смысложизненных ориентаций студентов медицинского колледжа // Системная интеграция в здравоохранении. 2022. № 3(56). С. 61-73. URL: <https://sys-int.ru/ru/journals/2022/3-56/vzaimosvyaz-zhiznestoykosti-i-smyslozhiznennyh-orientaciy-studentov-medicinskogo> (дата обращения: 27.10.2024).

14. Корнилова Т. В. Современные зарубежные исследования феномена жизнестойкости (hardiness) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. № 4. С. 223-229. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-223-229>

15. Куликова Т. И. Взаимосвязь жизнестойкости и экзистенциальной исполненности у студентов разного возраста психолого-педагогического направления подготовки // Концепт. 2024. № 6. URL: <http://e-koncept.ru/2024/242010.htm> (дата обращения: 27.10.2024).

16. Куликова Т. И. Особенности смысложизненных ориентаций у студентов-девушек разного возраста // Концепт. 2023. № 7. URL: <http://e-koncept.ru/2023/232010.htm> (дата обращения: 27.10.2024).

17. Леонтьев Д. А. Новые горизонты проблемы смысла в психологии // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы международной конференции / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2005. С. 36-49.

18. Логинова М. В. Жизнестойкость личности студента как фактор ее успешной адаптации к условиям обучения в ВУЗе // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 6 (49). С. 70-73.

19. Лысиков И. А. Логотерапия Виктора Франкла: между психотерапией и теологией // Молодой исследователь Дона. 2022. № 2(35). С. 83-87..
20. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
21. Мощенко Л. С., Дроздова Н. В. Смыслжизненные ориентации студентов с разным уровнем жизнестойкости (на примере студентов-психологов) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 50. С. 133-140. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76667.htm>. (дата обращения: 27.10.2024).
22. Никитина Е. В. Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. 2017. № 4 (19). С. 100-103. URL: <https://academicjournal.ru/images/PDF/2017/Academy-4-19.pdf/Academy-4-19.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).
23. Одинцова М. А. Психология жизнестойкости. 2 изд. М.: Флинта, 2015. 201 с.
24. Сердюк Л. З., Чиханцова О.А. Життестійкість як фактор самодетермінації особистості / О. А. Чиханцова, Л. З. Сердюк // Соціокультурні та психологічні виміри становлення особистості: зб. наук. праць за матер. II Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Херсон, 26–27 верес. 2019 р.) / ред. кол.: О. Є. Блинова, Н. І. Тавровецька (відп. за вип.). – Херсон: ФОП Вишемирський В. С., 2019. С. 291. URL: <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/123456789/9304> (дата обращения: 27.10.2024).
25. Тувышева Д. А., Атаманова Г. И. Эмпирическое исследование взаимосвязи качеств жизнестойкости и ценностно-смысловых ориентиров личности // Ярославский педагогический вестник. 2020. №1(112). С. 156-164. DOI: 10.20323/1813-145X-2020-1-112-155-163
26. Фрейд З. Тотем и табу. Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, 2023. 352 с.
27. Чертыков И. Н. Жизнестойкость как психологопедагогическое понятие // МНКО. 2015. №6 (55). С. 220-222.
28. Шавдарова Е. А., Гимаева Р. М. Исследование идентичности в юношеском возрасте // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5 (2). С. 233-237. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13288> (дата обращения: 20.10.2024).
29. Guo L., Yan D., Yan J., et al. Correlation of Academic Emotion and Hardiness Personality of Undergraduate Nursing Students // BMC Nursing. 2024. № 23. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-3380671/v1>.
30. Kobasa P. M. Concept of Hardiness (A Study with Reference to the 3Cs) // International Research Journal of Engineering, IT & Scientific Research. 2016. № 1(2). P. 34-40.
31. Kosari H., Salahian A. Comparing Life Expectancy, Locus of Control, and Resilience in Individuals with Different Subjective Age Groups // Research Square. 2024. № 1. P. 41-48. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-4011074/v1>.
32. Kowalski C. M., Sohermer, J. A. Hardiness, Perseverative Cognition, Anxiety, and Health-Related Outcomes: A Case for and Against Psychological Hardiness // Psychological Reports. 2019. № 6 (122). P. 2096-2118. URL: <https://doi.org/10.1177/0033294118800444>
33. Pradhan R. K., Anand P., Ahmad A., Jandu K., Sabu S. Unveiling the royal road to happiness: the predictive role of psychological hardiness, mediated by vitality and materialistic values // International Journal of Adolescence and Youth. 2024. № 1 (29). URL: <https://doi.org/10.1080/02673843.2024.2387067>.
34. Wang Y., Wu L., Wang M., et al. The Network Structure of Resilience among Chinese Female Nursing Students // Research Square. 2021. № 1(29). URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-402841/v1>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является смысловые ориентации как фактор, влияющий на формирование жизнестойкости студентов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также метод «систематизации и обобщения имеющихся теоретико-эмпирических, философско-педагогических и методологических исследований».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современное общество, в котором происходят различные социальные изменения, влекущие за собой большое количество разнообразных нагрузок и рисков, что оказывает значительное влияние на трансформацию смысловых ориентаций и процесс формирования жизнестойкости, особенно заметно это происходит на примере учащейся молодежи, к которой относится такая социальная группа, как студенчество. Поэтому изучение смысловых ориентаций как фактора, влияющего на формирование жизнестойкости студентов, представляет научный интерес среди различных ученых.

Научная новизна исследования заключается в глубоком изучении по авторской методике и последующем подробном описании «особенностей взаимосвязи смысловых ориентаций и жизнестойкости у студентов».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме, а также применением терминологии, характеризующей предмет исследования.

Структура рукописи, к сожалению, не полностью выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. Структура данного исследования включает в себя введение, обзор литературы, материалы и методы, результаты исследования, обсуждение и заключения, библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченная тенденция, что «под воздействием меняющихся условий происходит трансформация самой личности, в частности, изменяются её смысловые ориентации и характеристики ценностной, мотивационной и смысловой сфер. В юношеском возрасте происходит пересмотр прежних взглядов на мир и на самого себя, формируется новое самосознание и представление о своих качествах и окружающих людей. Происходит расширение факторов, влияющих на формирование смысла жизни». Библиография содержит 34 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующих различные подходы к пониманию смысловых ориентаций и формированию жизнестойкости. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся некоторые выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «анализ современных психологических исследований свидетельствует о том, что смысловые ориентации и жизнестойкость действительно взаимосвязаны. Особенно это наблюдается в юношеском возрасте, который является сензитивным периодом для формирования новых ценностных ориентиров и способности справляться с трудностями, количество которых возрастает в студенческие годы. Рассматривая отечественные исследования и принимая во внимания классическое понимание смысловых ориентаций по Д. А. Леонтьеву, можно утверждать следующие. Высокие показатели жизнестойкости чаще всего

коррелируют с высокими или средними значениями по таким шкалам смысловых ориентаций, как: «цели в жизни», «локус контроля — Я» и «результативность жизни». Зарубежные исследователи также сходятся во мнении, что студенты, с высоким уровнем жизнестойкости, склонны к четкому целеполаганию, ведению осмысленной жизни, удовлетворению от пройденного пути и стремлению к контролю над своей жизнью. В то время как молодые люди с низкой жизнестойкостью часто не имеют ясных жизненных целей, испытывают неопределенность и сложности с контролем событий своей жизни. Однако также стоит отметить и влияние социокультурного контекста».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, работниками министерств, ведомств и организаций к ведению которых относятся вопросы образования, специалистами по работе со студентами, кураторами, социологами, психологами, социальными педагогами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в структуре статьи некоторые важные элементы либо раскрыты не полностью, либо отсутствуют. В частности, большее внимание целесообразно было бы уделить обсуждению результатов исследования, описать его более емко и подробно, обозначить этот структурный элемент как самостоятельный, а не совмещать его с заключением. Соответственно, обобщающее заключение необходимо сформулировать отдельно как структурный элемент, завершающий проведенное исследование. По результатам исследования целесообразно было бы сформулировать также более четкие выводы, они частично встречаются в тексте, но они не совсем конкретны и размыты. При оформлении библиографии необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, особенно, на те источники, которые являются электронными ресурсами. В тексте статьи встречаются незначительные технические ошибки и опечатки. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и доработать текст статьи в части ее структуры и отдельных структурных элементов. Рукопись рекомендуется вернуть на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Смысловые ориентации как фактор, влияющий на формирование жизнестойкости студентов». Работа содержит краткую постановку проблемы, проведение теоретического обзора и аналитического исследования.

Предмет исследования в работе сформулирован. В центре исследовательского внимания находится феномен жизнестойкости у студентов. Автором было проведено изучение особенностей взаимосвязи смысловых ориентаций и жизнестойкости у студентов с опорой на анализ проведенных отечественных и зарубежных исследований.

Методология исследования. В работе проведен краткий теоретический анализ, а также аналитическое исследование.

Основными методами исследования были выбраны: метод анализа, систематизации и обобщения имеющихся теоретико-эмпирических, философско-педагогических и методологических исследований зарубежных и отечественных авторов по проблеме формирования жизнестойкости личности в студенческий период жизни во взаимосвязи

со смысложизненными ориентациями.

Исследовательской гипотезой выступило следующее утверждение: существуют различия в особенностях жизнестойкости студентов с разными смысложизненными ориентациями.

Автором проведен анализ ряда работ, которые рассматривают:

- особенности студенческого возраста как этапа актуализации стрессогенных факторов, которые оказывают влияние на формирование жизнестойкости студентов (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, К.Д. Ушинский и др.);
- особенности взаимосвязи между жизнестойкостью и смысложизненными ориентациями (А.Д. Белова, Д.А. Тувышева и Г.И. Атамонова, Е.А. Чиханцовой и Л.К. Сердюк, К.О. Кожемяко и А.А. Шаров и др.).

Полученные результаты позволили автору прийти к такому выводу, изучение влияния смысложизненных ориентаций на формирование жизнестойкости остается актуальной темой. Зарубежные работы отождествляют фокусируются на выявлении взаимосвязи между личностными характеристиками, в то время как отечественные специалисты чаще связывают данный феномен с жизненными ориентирами. В литературе можно найти как подтверждения ранее сделанных выводов, так и их опровержения. Для разрешения этих противоречий необходимо продолжать изучение данной темы.

Актуальность исследования. Актуальность исследования опосредована возникшим противоречием. Теоретический анализ позволил выделить противоречия между характерными и нехарактерными смысложизненными ориентациями для студентов с разными показателями жизнестойкости. Так, зарубежными и отечественными исследователями выделяются разные смысловые и ценностные ориентиры, влияющие на становление жизнестойкости. С другой стороны, важно рассмотрение факторов, влияющих на формирование жизнестойкости, ее особенностей и взаимосвязей с другими личностными характеристиками.

Научная новизна исследования. Проведенное теоретическое и аналитическое исследование различий в особенностях жизнестойкости студентов с разными смысложизненными ориентациями позволило сделать ряд выводов:

- период студенчества является сензитивным для формирования жизнестойкости и смысложизненных ориентаций;
- на формирование жизнестойкости в студенческие годы оказывают влияния такие факторы как наличие стрессовых ситуаций, наличие социальной поддержки, особенности восприятия себя, особенности эмоциональной сферы, а также смысложизненные ориентации;
- имеется взаимосвязь между высокими показателями жизнестойкости и такими смысложизненными ориентациями личности как: целеполагание, ведение осмысленного образа жизни, интернальный локус контроля и удовлетворенностью от пройденного пути;
- для студентов с низкими показателями жизнестойкости характерны такие особенности смысложизненных ориентаций как: отсутствие четкий планов и стремлений, экстернальный локус контроля, склонность к негативизму и готовность идти на риск;
- имеется влияние на формирование жизнестойкости следующих ориентаций: достижение материального благополучия, личного и общественного блага;
- наблюдается недостаточная изученность влияние смысложизненных ориентаций на формирование жизнестойкости через призму социокультурного контекста.

В то же время, самостоятельного эмпирического исследования автором проведено не было. Поэтому значимость проведенной работы заключается в систематизации и подробном анализе исследований, которые рассматривают особенности формирования жизнестойкости и ее взаимосвязь с смысложизненными ориентациями.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого

уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе представлена. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Во вводной части определена «проблемная зона» исследования. Особое внимание уделено выделению научной актуальности проведенной работе и определению разных точек зрения на решение поставленных проблем. Следующий раздел посвящен краткому обзору литературы. Автором представлен анализ зарубежных и отечественных источников. Проведенная работа позволила выделить три направления в понимании жизнестойкости, а также определить ряд противоречий. В основном разделе представлены материалы и методы исследования, а также его результаты и анализ. В завершающем разделе подведены основные итоги.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 34 отечественных и зарубежных источников, незначительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи, тезисы. Помимо этого, представлены также учебные пособия, монографии. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно. Но нужно привести к единообразию представление интернет-ссылок (номера 8, 9, 11, 13 и т.д.).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- выделить перспективы дальнейшего исследования, в том числе, эмпирического;
- привести к единообразию и в соответствии с предъявляемыми требованиями оформление ФИО специалистов (в работе представлены, например, следующие варианты: Б.Г. Ананьев, Мощенко, Абрахам Маслоу, Х. Косари, С. Кобейса С. и др.).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами личностного развития студентов. В том числе, важным является вопрос о формировании их смысложизненных ориентаций и жизнестойкости. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Англоязычные метаданные

Features of Psychological Well-being and Basic needs satisfaction depending on the degree of Loneliness experience

Levchuk Il'ya Aleksandrovich

independent researcher

123290, Russia, Moscow region, Moscow, Shelepikhinskaya embankment, 34k2, kv 1141

✉ levchukeli@gmail.com

Abstract. Psychological well-being and the satisfaction of basic psychological needs are key indicators of mental health and personal resilience. The relevance of this study stems from the need to identify factors influencing these indicators amid the growing phenomenon of social loneliness. Loneliness is associated with deficits in relatedness, lowered self-esteem, reduced motivation, and diminished psychological integration, making it a critical issue for psychological prevention. The study aims to identify differences in levels of psychological well-being and basic psychological needs satisfaction among individuals with varying degrees of loneliness, as well as to establish correlations between these variables. The sample consisted of 216 participants aged 19 to 60, of whom 91.7% were women and 8.3% were men. The following psychological assessment tools were used: Ryff's Psychological Well-Being Scale (RPWB), the Basic Psychological Needs Satisfaction Scale (BPNSS), Beck's Hopelessness Scale (BHS), and the Loneliness Experience Questionnaire (Manakova). Statistical analysis included the Shapiro–Wilk test, the Mann–Whitney U-test, and Cronbach's alpha for reliability estimation. Statistically significant differences were found in psychological well-being and basic needs satisfaction between groups with moderate and high levels of loneliness. Individuals with higher loneliness scores demonstrated notably lower indicators across all well-being and needs satisfaction scales. Positive correlations were also found between the satisfaction of basic needs and all components of psychological well-being. The study is the first to reveal statistically confirmed differences in psychological well-being and basic needs satisfaction depending on the degree of loneliness. The novelty lies in establishing the role of basic needs as mediators in the negative psychological impact of loneliness. The findings confirm that the intensity of loneliness has a broadly negative effect on psychological functioning, reducing internal resilience, motivation, and social adaptability. Satisfaction of basic needs—especially autonomy and relatedness—serves as a protective factor supporting well-being. The results can inform the development of psychological support programs aimed at strengthening internal resources and preventing emotional disturbances associated with loneliness.

Keywords: social adaptation, personal resilience, mental health, competence, autonomy, relatedness, basic psychological needs satisfaction, loneliness, psychological well-being, experience of loneliness

References (transliterated)

1. Nguyen T. T., Lee E. E., Daly R. E., Wu T., Tang Y., Tu X., Van Patten R., Jeste D. V., Palmer B. W. Predictors of loneliness by age decade: Study of psychological and environmental factors in 2,843 community-dwelling Americans aged 20-69 years // Journal of Clinical Psychiatry. – 2020. – Vol. 81, no. 6. – Article e20m13378. DOI:

- 10.4088/jcp.20m13378 EDN: KKZZJM. [Na angl.]
2. World Health Organization. WHO launches commission to foster social connection. – 2023. – URL: <https://www.who.int/news/item/15-11-2023-who-launches-commission-to-foster-social-connection> (data obrashcheniya: 01.05.2025). [Na angl.]
 3. Dubrovina I. V. Fenomen "psikhologicheskoe blagopoluchie" v kontekste sotsial'noi situatsii razvitiya // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. – 2020. – T. 17, № 3. – S. 9-21. EDN: YHWSRS.
 4. Soldatova G. V., Shingaev S. M. Sovremennye issledovaniya psikhologicheskogo blagopoluchiya sub"ektiv obrazovaniya // Psikhologiya cheloveka v obrazovanii. – 2024. – T. 6, № 3. – S. 288-299. DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-3-288-299 EDN: HVXDGY.
 5. Deci E. L., Olafsen A. H., Ryan R. M. Self-determination theory in work organizations: The state of a science // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. – 2017. – Vol. 4. – P. 19-43. [Na angl.]
 6. Raian R. M., Desi E. L. Teoriya samodeterminatsii i podderzhka vnutrennei motivatsii, sotsial'noe razvitie i blagopoluchie / per. s angl. R. A. Voronovoi // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2003. – № 3(1). – S. 91-111.
 7. Heinrich L. M., Gullone E. The clinical significance of loneliness: A literature review // Clinical Psychology Review. – 2006. – Vol. 26, no. 6. – P. 695-718. [Na angl.]
 8. Rokach A. The psychology of loneliness: Insights into meaning, identity and belonging // Current Psychology. – 2018. – Vol. 37. – P. 807-812. [Na angl.]
 9. van Tilburg T. G., Steinmetz S., Stolte E., van der Roest H., de Vries D. H. Loneliness and mental health during the COVID-19 pandemic: A study among Dutch older adults // The Journals of Gerontology: Series B. – 2021. – Vol. 76, no. 7. – P. e249-e255. DOI: 10.1093/geronb/gbaa111 EDN: VCXJWS. [Na angl.]
 10. Nowland R., Necka E. A., Cacioppo J. T. Loneliness and social internet use: Pathways to reconnection in a digital world? // Perspectives on Psychological Science. – 2018. – Vol. 13, no. 1. – P. 70-87. [Na angl.]
 11. Manakova E. A. Oprosnik perezhivaniya odinochestva // Sibirskii psikhologicheskii zhurnal. – 2018. – № 69. – S. 149-171. DOI: 10.17223/17267080/69/9 EDN: VAEUAV.
 12. Hui E. K. P. Self-determination as a psychological and positive youth development construct // The Scientific World Journal. – 2012. – Article ID 759358. [Na angl.]
 13. Chirkov V. Differentiating autonomy from individualism as independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // Teoriya determinatsii. – 2003. [Na angl.]

The structure of an individual's defensive behavior in a difficult life situation (based on examples from Mariupol and Saint Petersburg)

Bogachev Aleksei Mikhailovich

Researcher at the Center for the Prevention of Extremism in Education and Youth Environment, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University; Senior Lecturer of the Department of Practical Psychology, Mariupol State Humanitarian University named after A.I. Kuindzhi

197198, Russia, Saint Petersburg, Bolshaya Pushkarskaya str., 6, sq. 20

✉ amb1976@mail.ru

Abstract. Currently, the problem of an individual overcoming the consequences of

experiencing a complex (difficult) life situation, including the risk of developing post-traumatic stress disorder (PTSD), is extremely relevant, especially in connection with the ongoing Special Military Operation (SMO) and other socio-psychological factors. The subject of the study is the psychological patterns associated with being in a difficult (complex, stressful) life situation. The object of the study is students of the A.I. Kuindzhi Mariupol State University and Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg). The aim of this work is to clarify the relationship between the degree of risk for developing PTSD in a difficult life situation associated with being in a war zone, coping strategies, defense mechanisms, and other manifestations of personality, including sleep and dream characteristics, as well as to identify relevant differences between residents of Mariupol and St. Petersburg. Within the framework of the study, methods of testing, surveying, mathematical statistics, and interpretation were used. Among the methodologies used are: PTSD screening questionnaire; A. Lazarus's "Coping Strategies" methodology; M. Bond's Psychological Defense Structure Questionnaire; the Spielberg State-Trait Anxiety Inventory; and the Hospital Anxiety and Depression Scale. The results obtained confirm the conclusions drawn in the framework of the pilot study, according to which a high risk of developing PTSD is interconnected with the "flight-avoidance" strategy and non-adaptive defense mechanisms, while, conversely, the development of personal agency is related to mature coping strategies and defense mechanisms. The study also shows that residents of Mariupol who have experienced life in a war zone, in general, and particularly those who have chosen a professional trajectory in psychology, have developed an adaptive coping model for dealing with the stressors of a difficult (complex) life situation (compared to residents of St. Petersburg). Practical significance: The results of the study can be used both in the practice of psychological correction of personality and educational work, as well as in the field of applied social psychology.

Keywords: Risk, Development, PTSD, Difficult life situation, Trauma, Coping strategy, Defense mechanism, Personality, Dreams, Integrity

References (transliterated)

1. Vasserman L.I., Ababkov V.A., Trifonova E.A. Sovladanie so stressom: teoriya i psikhodiagnostika: uchebno-metodicheskoe posobie. SPb: Rech', 2010. 192 s.
2. Konokpaeva I.S. Strategii sovladaniya studentov pervogo kursa // Voprosy nauki i obrazovaniya. 2018. № 10 (22). S. 226-228. EDN: XSHHCH
3. Korzhova E.Yu., Veselova E.K., Dvoretzskaya M.Ya. Vospitatel'noe znachenie lichnosti i tvorchestva F.I. Tyutcheva // Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya. 2023. T. 12, № 3 (44). S. 38-41. DOI: 10.57145/27128474_2023_12_03_09. EDN: FQGEVL
4. Korzhova E.Yu. Krasota, spasayushchaya mir: Lichnost' i ee zhiznennyi put' v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: monografiya / Korzhova E.Yu.; retsenzenty: V.E. Semenov, A.A. Gostev. Sankt-Peterburg: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2021. 391 s.
5. Korzhova E.Yu. Rol' samoobrazovaniya v stanovlenii lichnosti (na primere zhiznennogo puti i tvorchestva F.M. Dostoevskogo) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2023. T. 33, № 4. S. 382-389. DOI: 10.35634/2412-9550-2023-33-4-382-389. EDN: GKYRCQ
6. Korzhova E.Yu. Psikhologiya zhiznennykh orientatsii cheloveka / E.Yu. Korzhova; Rossiiskii gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena. Sankt-Peterburg: Izd-vo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akad., 2006. 383 s. EDN: QXQEDH
7. Bogachev A.M. Put' k Drugomu. O nekotorykh zakonomernostyakh prakticheskoi

- psikhologii. 2-e izd., ispr. i dop. SPb: Asterion, 2019. 221 s. EDN: YSEHCP
8. Bogachev A.M., Ermakova N.G. Faktor rasprostranennosti posttravmaticheskikh stressovykh rasstroistv sredi studentov g. Mariupolya // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2024. № 2. S. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.2.70023 EDN: ZBERQX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70023
 9. Bogachev A.M., Vyalkova I.A., Ryngach E.V. Vosstanovlenie istoricheskoi pamyati i tsivilizatsionnaya identichnost': programma "Svyaz' vremen" // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2023. № 4(69). S. 199-204. DOI: 10.53115/19975996_2023_04_199_204. EDN: RZWAGA
 10. Bogachev A.M., Butenko T.A., Yaroslavskii A.D. Otnoshenie k znachimoi zhiznennoi situatsii, sub"ektnost' i ob"ektnost', risk PTSR i kachestvo sna u predstavitelei gg. Mariupol' i Sankt-Peterburg // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2025. № 2. S. 29-48. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74290 EDN: JTMCHX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74290
 11. Bogachev A.M., Vysotskaya Yu.A., Vintonyuk T.G. Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva u mirnogo naseleniya regiona, podvergshegosya lokal'nyim voennym deistviyam (na primere g. Mariupol') // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2024. T. 13, № 3. S. 216-232. DOI: 10.17759/cpse.2024130311. EDN: KGHZDI
 12. Bogachev A.M. Psikhologiya snovidenii: obosnovanie i razvitie sinteticheskogo podkhoda // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2024. № 3. S. 49-72. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.3.71244 EDN: FOSVFE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71244
 13. Bogachev A.M., Vyalkova I.A., Vintonyuk T.G. Reabilitatsiya lits, perezhivshikh shokovuyu psikhologicheskuyu travmu, metodami glubinnoi ekzistentsial'noi psikhologii // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2023. № 4. S. 26-47. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.4.43580 EDN: UAMTBL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43580
 14. Bogachev A.M. Sinteticheskaya kontseptsiya raboty so snovideniyami: aprobatsiya v oblasti psikhologicheskoi psikhoterapii i razvitiya lichnosti // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2024. № 1. S. 1-23. DOI: 10.7256/2454-0722.2024.1.43920 EDN: WMFRTA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43920
 15. Bogachev A.M. Fil'my uzhasov i nochnye koshmary: nekotorye aspekty psikhologicheskogo analiza yavlenii // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2019. № 4. S. 39-49. DOI: 10.7256/2454-0722.2019.4.31301 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31301
 16. Bogachev A.M., Teplykh G.I., Kavchuk P.N. Formirovanie obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti na osvobodzhennykh v khode SVO territoriyakh: riski i perspektivy // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2023. № 3. S. 44-52. DOI: 10.7256/2454-0722.2023.3.40634 EDN: HPOLBN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40634
 17. Van der Khart O., Neienkheyus E.R.S., Stil K. Prizraki proshlogo: Strukturnaya dissotsiatsiya i terapiya posledstviy khronicheskoi psikhicheskoi travmy. Per. s angl. M.: Kogito-Tsentr, 2013. 496 s.
 18. Vasilyuk F.E. Psikhologiya perezhivaniya: Analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii / Mosk. gos. un-t im. M.V. Lomonosova, Mezhdvedomstv. nauch. sovet po probleme "Soznanie". M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 200 s.
 19. Burlachuk L.F., Korzhova E.Yu. Psikhologiya zhiznennykh situatsii. Moskva, 1998. 262

s. EDN: RVAYIJ

20. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Koping-strategii v strukture deyatel'nosti i samoregulyatsii: psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniya metodiki COPE // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2013. T. 10, № 1. S. 82-118. EDN: QYZBYT
21. Tarabrina N.V. Praktikum po psikhologii posttravmaticheskogo stressa. SPb: Piter, 2001. 272 s. EDN: VOJUUF
22. Posttravmaticheskoe stressovoe rasstroistvo v paradigme dokazatel'noi meditsiny: patogenez, klinika, diagnostika i terapiya: metodicheskie rekomendatsii / avtory-sost.: A.V. Vasil'eva, T.A. Karavaeva, N.G. Neznakov, K.A. Idrisov, D.V. Kovlen, N.G. Ponomarenko, D.S. Radionov, D.A. Starunskaya, Yu.S. Shoigu. - SPb. NMITs PN im. V.M. Bekhtereva, 2022. - 33 s.
23. Leibin V. Postklassicheskii psikhoanaliz. Entsiklopediya. M.: AST, 2008. 1022 s.
24. Brewin C.R., Rose S., Andrews B. et al. Brief screening instrument for post-traumatic stress disorder // The British Journal of Psychiatry. 2002. Vol. 181 (3). P. 158-162. DOI: 10.1017/s0007125000161896
25. Tunik E.E. Psikhologicheskie zashchity. Testovaya metodika. SPb.: Rech', 2010. 218 s.
26. Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy. Prakticheskoe posobie / Red. D.Ya. Raigorodskii. Samara: Bakhrakh-M, 2006. 672 s.
27. Andryushchenko A.V., Drobizhev M.Yu., Dobrovolskii A.V. Sravnitel'naya otsenka shkal CES-D, BDI i HADS v diagnostike depressii v obshchemeditsinskoj praktike // Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. Korsakova. 2003. № 5. S. 11-18.
28. Lomonos A.A., Bobrova N.V., Bogachev A.M. Zhiznennye "yakorya" lichnosti kak faktor nraavstvennogo razvitiya // Obshchestvo. Sreda. Razvitie. 2023. № 2(67). S. 137-145. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_137-145. EDN: ZMDXIO
29. Pigarev I.N. Vistseral'naya teoriya sna // Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova. 2013. T. 63. № 1. S. 86. DOI: 10.7868/S0044467713010115. EDN: PRFIHR
30. Kaznina E.Yu., Korzhova E.Yu. Osobennosti predstavlenii o sovesti i zhiznennye tsennosti dvukh pokolenii (na primere Rossii i Gruzii) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2023. T. 13, № 1. S. 51-70. DOI: 10.21638/spbu16.2023.104. EDN: DSKYAU
31. Tarabrina N.V., Main N.V. Fenomen mezhpokolencheskoi peredachi psikhicheskoi travmy (po materialam zarubezhnoi literatury) // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2013. № 3(78). S. 96-119. EDN: RPUAGV

Comparative analysis of cultural and psychological differences in the personalities of modern adolescents.

Mursalyeva Gul'takin

independent researcher

140002, Russia, Moscow region, Lyubertsy, Kirova St. (116 block), 12 K. 3 kv 27

✉ xazar97@mail.ru

Mishina Marina Mihailovna

Doctor of Psychology

Associate Professor; Department of Psychology and Pedagogy of Education; Vygotsky Institute of Psychology,
Russian State University for the Humanities.
Associate Professor; Professor, Department of Psychology and Pedagogy of Education, Vygotsky Institute of
Psychology, Russian State University for the Humanities

140002, Russia, Mbscow region, Lyubertsy, Kirova St. (116 block), 12 K. 3 kv.27

✉ mishinamm@yandex.ru

Abstract. The question of ethnic identity remains relevant for the research community. Contemporary studies focus on examining the ethnic identity of individuals, as well as identifying cultural and psychological differences and changes in identity throughout a person's life. This article presents the results of an empirical study on the structure of ethnic identity among adolescents from Moscow, Stavropol (Russia), and Ismailly (Azerbaijan). The subject of the study is the cultural and psychological differences in the structure of ethnic identity among modern adolescents included in different social environments. The aim of the article is to theoretically substantiate and empirically reveal the cultural and psychological differences in the structure of ethnic identity among contemporary adolescents living in different regions of Russia and in Azerbaijan. The object of the study is the structure of personal ethnic identity. Research methods: theoretical analysis, observation, formative experiment, psychodiagnostic methods and questionnaires, mathematical methods: two-way analysis of variance, Student's t-tests, Pearson's chi-square test.

The empirical base of the research includes 295 adolescents (students in grades 6-8): 121 adolescents from Moscow, 45 adolescents from Stavropol, and 129 adolescents from Ismailly. The significant scientific novelty of this study lies in determining the cultural differences in the structure of personal ethnic identity as influenced by the cultural environment, identifying both common (characteristic of all groups) and specific (characteristic of a particular group) relationships.

Conclusions: It has been confirmed that the cultural environment surrounding an adolescent significantly influences the indicators of personal ethnic identity: among adolescents from the ethnically diverse environments of Moscow and Stavropol, a positive type of ethnic identity predominates, which is substantively reflected in the behavioral component. Among adolescents from Ismailly, there is a pronounced ethno-egoism, ethno-isolationism, and ethno-fanaticism, alongside a confirmed high level of anxiety and social distancing, which also relate to the indicators of the behavioral component. The level of suspicion among adolescents from Ismailly, as manifested in the behavioral component of personal ethnic identity, is significantly higher than that of adolescents from the cultural environments of Moscow and Stavropol.

The area of application of the research results: possible for the development of educational and social programs aimed at fostering constructive interethnic interaction.

Keywords: interethnic relations, behavioral component, affective component, cognitive component, adolescents, cultural and psychological differences, ethnic identity, integration, social environment, historical context

References (transliterated)

1. Belinskaya E. P., Stefanenko T. G. Etnicheskaya sotsializatsiya podrostka. – M.: MPSI, 2000. – 208 s.

2. Volkov Yu. G., Bineeva N. K. Sokhranenie etnokul'turnogo mnogoobraziya i spravedlivost' mezhnatsionalnykh otnoshenii v otsenkakh naseleniya Yuga Rossii // Vestnik Instituta sotsiologii. – 2023. – T. 14. – № 3. – S. 112-132. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7 EDN: ECPKTQ
3. Vygotskii L. S. Psikhologiya razvitiya cheloveka. – M.: Smysl, 2005. – 122 s.
4. Gagloeva A. B. Faktory formirovaniya grazhdanskoi i etnicheskoi identichnosti // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2020. – № 66. – S. 348-351. EDN: DTSVRT
5. Ingikhar R. Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir / per. s angl. S. L. Lopatinoi; pod red. M. A. Zavadskoi, V. V. Kostenko, A. A. Shirokanovoi; nauchn. red. E. D. Ponarin. – M.: Mysl', 2018. – 347 s.
6. Konopleva N. A., Povetkina A. A. Territorial'naya i etnicheskaya identichnost' kak formy samoidentifikatsii i reprezentatsii regional'noi kul'tury (na primere Primorskogo kraja) // Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. – 2024. – № 3. – S. 82-103. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-3-82> EDN: GEMWFQ
7. Kuli Ch. Kh. Chelovecheskaya priroda i sotsial'nyi poryadok. – M.: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000. – 320 s.
8. Lepshokova Z. Kh., Lebedeva N. M. Inklyuzivnye i eksklyuzivnye identichnosti predstavitelei raznykh narodov Rossii: rol' bazovykh tsennostei // Mezhekul'turnyi i mezhreligiozny dialog v rossiiskikh regionakh: monografiya / otv. red. V. K. Levashov, N. G. Khairullina. – Tyumen': TyumIU, 2022. – S. 90-105. DOI: 10.46320/9785-9961-2950-8-2022-6-1-17 EDN: DTZQSO
9. Lepshokova Z. Kh., Tatarko A. N. Udovletvorennost' zhizn'yu, grazhdanskaya identichnost' i akkul'turatsionnye ozhidaniya prinimayushchego naseleniya Moskvy // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2019. – № 4. – S. 147-157. DOI: 10.31857/S086904990005822-6 EDN: DASZIA
10. Mid M. Kul'tura i mir detstva. – M.: Nauka, 1998. – 171 s.
11. Mishina M. M., Mursalyeva G. M. Sravnitel'nyi analiz znachimykh etnodifferentsiruyushchikh priznakov dlya podrostkov iz raznykh kul'turnykh sred // Vestnik RGGU. – 2018. – № 1 (11). – S. 140-152.
12. Mishina M. M., Mursalyeva G. M. Uchet struktury etnicheskoi identichnosti lichnosti podrostkov v deyatel'nosti pedagoga (na primere podrostkov iz g. Moskvy, g. Stavropolya (Rossiya) i g. Ismailly (Azerbaidzhan)) // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2025. – № 1. – S. 186-192. EDN: OKZJZZ
13. Shorokhova V. A. Religioznaya identichnost' musul'manskikh podrostkov i molodezhi: sotsial'no-psikhologicheskii analiz // Minbar. Islamic Studies. – 2019. – T. 12. – № 2. – S. 585-589. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-585-598 EDN: XBFQQI
14. El'diev R. A. Mezhnatsional'nye otnosheniya kak vazhneishaya oblast' konsolidatsii obshchestva (na primere Respubliki Ingushetiya) // Molodoi uchenyi. – 2019. – № 33 (271). – S. 61-63. URL: <https://moluch.ru/archive/271/62058/> (data obrashcheniya: 30.11.2023). EDN: GVZTEA
15. Etnokul'turnoe mnogoobraziye i grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' molodezhi v postsovet'skom prostranstve / pod obshch. red. R. B. Shaikhislamova. – Ufa, 2021. – 188 s.
16. Erikson E. Detstvo i obshchestvo. – SPb.: Letnii sad, 2010. – 416 s.
17. Yazykovaya politika v polietnichnykh respublikakh Severnogo Kavkaza: problemy sokhraneniya etnokul'turnogo mnogoobraziya narodov Rossii. – Makhachkala: Alef, 2022. – 206 s.

18. Aslam W., Wehner L., Koga K., van der Westhuizen J., Thies C. G., de Sá Guimarães F. Misplaced states and the politics of regional identity: towards a theoretical framework // Cambridge Review of International Affairs. – 2020.
19. Brown R. Group processes. Dynamics within and between groups / Blackwell Publicizes. – 2000. – P. 371-384.
20. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W. G. Austin. – Chicago: Nelson-Hall, 1986. – P. 7-24.
21. Hanel P. H. P., Beier M., Wolfradt U. The Role of Human Value Congruencies for the Acculturation of Refugees. – 2022, May 16.

Hierarchy of methodological features of metaphorical associative cards

Aksyutina Zul'fiya Abdullova

PhD in Pedagogy

Associate Professor, Department of Social Pedagogy and Social Work, Omsk State Pedagogical University

644076, Russia, Omskaya oblast', g. Omsk, ul. Tovstukho, 3, of. 85

✉ aksutina_zulfia@mail.ru

Abstract. Object of the study: methodology of art-therapeutic practices. Subject of the study: methodological foundations of metaphorical associative cards. The purpose of the article is to identify the hierarchy of methodological features of metaphorical associative cards. Metaphorical associative cards have become firmly established in the practice of psychotherapeutic work of psychologists. However, their methodological features in scientific and psychological research are clearly not sufficiently described and developed. The types of metaphorical associative cards have a significant variety and are constantly expanding. Due to this, they have found wide application in practice, allowing to enrich training and consulting work with children and youth. The main functions of the cards are psychotherapeutic and psychodiagnostic, they contribute to the search for an individual way out of crisis situations. The materials of the analysis are publications of recent years devoted to various aspects of the analysis and practice of metaphorical associative cards. The article is based on the categorical-systemic methodology. As research methods were used theoretical analysis and synthesis. The materials of the analysis were publications of recent years devoted to various aspects of the analysis of the theory and practice of MAC. The novelty of the research lie in identification of hierarchical determinants of the methodological foundations of metaphorical associative cards as a means of psychotherapy. When considering the methodological features of metaphorical associative cards, one should rely on technologies inherent in art therapy. Such support contributes to the creation of new techniques, methods and decks of metaphorical associative cards for solving vital problems of clients. Reliance on creativity and goal-setting when working with metaphorical associative cards seems important.

Keywords: methodological features, hierarchy, MAC-therapy, art therapy, creative therapy, expressive psychotherapy, methodological foundations, metaphorical associative cards, art technologies, model

References (transliterated)

1. Abdurasulova T.D. i dr. Psikhologicheskaya diagnostika: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu i spetsial'nostyam psikhologii / pod red. M.K. Akimovoi, K.M. Gurevicha. SPb. [i dr.]: Piter, 2006. 650 s.
2. Akinkina Ya.M. Opyt primeneniya metaforicheskikh kart v perinatal'noi psikhologii // Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detei i podrostkov, 2020. №20(4). S. 78–86.
3. Aksyutina Z.A., Chenskaya A.V., Shabysheva Yu.E. Metaforicheskie assotsiativnye karty "sosudy" v profilaktike emotsional'nogo vygoraniya roditelei // Vestnik MGPU. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. 2022. №1 (59). S. 111–133. DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.06
4. Antonova E.V. Assotsiativnye karty kak sredstvo adaptatsii detei s OVZ // Spetsial'noe obrazovanie i sotsiokul'turnaya integratsiya. 2021. № 4. S. 271–275.
5. Bekker-Glosh V., Byulov E. Art-terapiya v Alikseanerovskoi psikhiatricheskoi bol'nitse Myunstera // Istseyayushchee iskusstvo: zhurnal art-terapii, 1999. № 1. S. 42–58.
6. Borisova S.E. Psikhologicheskaya tekhnika "Samopoznanie" i ee primeneniye v treningovoi i konsul'tativnoi rabote // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2014. № 4(59). S. 69–72.
7. Burno M.E. Terapiya tvorcheskimi samovyrazheniyami: (otechestvennyi klinicheskii psikhoterapevticheskii metod): uchebno-prakticheskoe posobie po psikhoterapii i psikhologicheskomu konsul'tirovaniyu. M.: Al'ma Mater; Akademicheskii Proekt, 2012. 304 s.
8. Gasanova G.A. Metaforicheskie assotsiativnye karty kak innovatsionnyi instrument v rabote psikhologa s podrostkami // Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki. 2021. № 1 (55). S. 67–74. DOI: 10.46845/2071-5331-2021-1-55-67-74
9. Gorobchenko A., Evmenchik M. Unikal'nye kolody metaforicheskikh assotsiativnykh kart // ADUKATAR. 2001. № 2(18). S. 33–36.
10. Dmitrieva N.V., Buravtsova N.V. Psikhoterapiya nevrozov s pomoshch'yu assotsiativnykh kart // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2015. № 4 (53). S. 208–211.
11. Emel'yanova R.Yu. Ispol'zovanie kreativnoi terapii v psikhologicheskom soprovozhdenii lichnogo sostava // Vedomosti ugolovno-issledovatel'noi sistemy. 2018. № 6. S. 59–65.
12. Zhukova T.V. Ispol'zovanie art-tekhnologii v podgotovke studentov-psikhologov k professional'noi deyatel'nosti. M.: VLADOS, 2005. 250 s.
13. Zanina L.V., Ingerleib, M.B. Tekhnologiya podderzhki zhiznesteiskosti pedagogov // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. 2017. № 3 (32). S. 5–9.
14. Ingerleib M.B. Metaforicheskie assotsiativnye karty: polnyi kurs dlya praktiki. SPb.: Piter, 2021. 137 s.
15. Kadyrov R.V., Skorobach T.V. Ispol'zovanie metaforicheskikh assotsiativnykh kart "12 arkhetyпов plus" v psikhologicheskom soprovozhdenii spetsialistov ekstremal'nykh professii // Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeyatel'nosti. 2013. № 3. S. 260–266.
16. Kazantseva E.V. Metaforicheskie assotsiativnye karty kak "magicheskaya" psikhoterapevticheskaya praktika // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal Kontsept. 2017. № 1. S. 163–170.
17. Kats G., Mukhamatulina E. Metaforicheskie karty: rukovodstvo dlya psikhologa. M.: Genezis, 2013. 200 s.
18. Kirshke V. Klubnika za oknom. Assotsiativnye karty dlya kommunikatsii i tvorchestva.

- OH Verlag, 2010. 240 s.
19. Kuz'min D.A. Metodicheskie aspekty primeneniya psikhotehniki metaforicheskikh assotsiativnykh kart kak sredstva preodoleniya trudnostei v postroenii mezhlichnostnykh otnoshenii // Mirovye tsivilizatsii. 2022. № 7(2). S. 31–37.
 20. Kuz'min D.A. Skazkoterapiya kak metod kul'turno-psikhologicheskogo vozdeistviya na lichnost': istoriya i evolyutsiya // Vestnik MGUKI. 2015. № 5(67). S. 159–164.
 21. Kungurova I.M. Art-tehnologii v prepodavanii distsipliny "Tekhnologii i metodiki obucheniya inostrannym yazykam" v vuze // Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova. 2013. № 5 (11). S. 46–51.
 22. Mal'tsev V.A. Kreativnaya psikhoterapiya skvoz' prizmu ekzistentsial'nykh dannostei // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 2(22). S. 109–111.
 23. Morozovskaya E. Mir proektivnykh kart: obzor kolod, uprazhneniya, treningi. M.: Genezis, 2020. 167 s.
 24. Proshkina Ya.E., Belobrykina O.A. Kak stat' kreativnym: "prosten'kie" retsepty v stile pedagogiki i psikhologii postmoderna (na materiale ekspertnoi otsenki metodicheskogo posobiya T.M. Grabenko, T.D. Zinkevich-Evstigneevoi "Praktikum po kreativnoi terapii") // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 3. S. 169–198.
 25. Rodzhers N. Tvorcheskaya svyaz'. Istselyayushchaya sila ekspressivnykh iskusstv. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2015. 428 s.
 26. Ryapolova T.L. Dokazatel'nyi podkhod v ispol'zovanii ekspressivnykh metodov psikhoterapii v rannei reabilitatsii bol'nykh shizofreniei // Zhurnal psikiatrii i meditsinskoi psikhologii. 2012. № 2 (29). S. 103–108.
 27. Solov'eva Yu.O. Tekhnika psikhosolipticheskaya metaforika v psikhoterapii lichnosti // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2022. № 7. S. 88–91. DOI: 10.37882/2500-3682.2022.07.20
 28. Tkachenko G.A. Psikhologicheskaya pomoshch' onkologicheskim bol'nym s ispol'zovaniem art-terapii // Vestnik psikhoterapii. 2010. № 33(38). S. 65–69.
 29. Chaikovskaya I.A., Arguneev E.P. Vozmozhnosti metaforicheskikh assotsiativnykh kart v rabote s lichnostnym resursom klienta (na primere komplekta "Moi zhiznennyy stsennari") // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 2 (214). S. 91–96.
 30. Liebmann M. Art therapy for Groups: a handbook of themes, games and exercises. Cambridge, Boston & London: SHAMBALA, 2003. 226 p.
 31. Nguyen M.-A. Art Therapy – A Review of Methodology // Dubna Psychological Journal. 2015. № 4. Pp. 29–43.
 32. Shebanova V. (2020). Metaforichni asotsiativni karti v roboti psikhologa // Problemi suchasnoï psikhologii. 2020. № 50. Pp. 289–307. DOI: <https://doi.org/10.32626/2227-6246.2020-50.289-30>

Meaningful orientations in life as a factor influencing the formation of students' hardness: a review of foreign and domestic literature

Zhuravleva Darya Ilinichna

Student; Department of Clinical Psychology; Pacific State Medical University

165 Okeansky Ave., Vladivostok, Primorsky Krai, 690002, Russia

✉ mari.kin99@mail.ru

Kravtsova Natalya Aleksandrovna

Doctor of Psychology

Head of the Department; Department of Clinical Psychology, Pacific State Medical University

165 Okeansky Ave., Vladivostok, Primorsky Krai, 690002, Russia

✉ ranatali@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to an important and urgent problem of the modern world - the peculiarities of the formation of resilience. Resilience is one of the most important personal constructs that influence successful adaptation and self-realization of an individual. In a situation of inevitable changes, there is also the development and change of other personal constructs that are necessary for successful self-realization of a person. These include life-meaning orientations that have a huge impact on the worldview of an individual. The main research methods were chosen: analysis, generalization and systematization of theoretical-empirical, philosophical-pedagogical and methodological studies of foreign and domestic authors on the problem of the formation of resilience of an individual and its relationship with other psychological constructs. When considering the factors influencing the formation of resilience during the student period of life, the authors identified specific features characteristic of individuals with high and low levels of resilience. This article reveals the inconsistency of understanding the concept of "life-meaning orientations" among foreign and domestic authors. Based on the results of the analysis, attempts were made to concretize the key concepts: "resilient", "life-meaning orientations". The problem of the formation and development of resilience among students is closely related to the formation of life-meaning orientations of young people. In a rapidly changing world, the beliefs and goals of young people can be unstable and misunderstood. At the present stage, it is necessary to create new forms and methods of influence that would contribute to the development of meaningful life orientations, which would have a positive effect on the formation of resilience.

Keywords: Personal characteristics, Personal development, Factors of building resilience, Literary review, Russian literature, Foreign literature, Personal constructs, Students, Life-meaning orientations, Resilience

References (transliterated)

1. Abdieva G. I. Vozrastnye osobennosti yunosheskogo perioda // Arkhivarius. 2021. № 3. S. 31-33.
2. Adler A. Ocherki individual'noi psikhologii. M.: Kogito-Tsentr, 2009. 291 s.
3. Aleksandrova L. A. O sostavlyayushchikh zhiznesteiskosti lichnosti kak osnove ee psikhologicheskoi bezopasnosti v sovremennom mire // Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki. 2005. № 7. S. 51-54.
4. Belova A. D., Gerasimenko K. O., Ermolaev V. V. K voprosu preemstvennosti pokolenii Z i X: osobennosti smyslozhiznennykh orientatsii i zhiznesteiskosti // Mezhpokolencheskie otnosheniya: sovremennyyi diskurs i strategicheskie vybory v

- psikhologo-pedagogicheskoi nauke i praktike. 2020. № 1. S. 133-138.
5. Bukurova A. V. Kontseptsiya tsennostei A. Maslou i vozmozhnosti ee primeneniya // Kontseptsiya tsennostei A. Maslou i vozmozhnosti ee primeneniya. 2021. № 1. S. 97-106.
 6. Vaizer G. A., Chudnovskii V. E. V. E. Chudnovskii o lichnostnom fundamente smysla zhizni // Psikhologicheskie problemy smysla zhizni i akme. 2021. № 1. S. 197-202.
 7. Vyazemskii E. E. Vklad velikogo rossiiskogo pedagoga K. D. Ushinskogo v otechestvennyuyu pedagogiku i obrazovanie // Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2023. № 2. S. 18-25.
 8. Gioeva E. P., Abaeva I. V., Gazzaeva N. M., Moskalenko O. V., Khabaeva L. M. Kachestva zhiznesteikosti lichnosti v predstavleniyakh yugo-osetinskoi i rossiiskoi uchashcheisya molodezhi // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2021. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PDMN621.pdf> (data obrashcheniya: 28.10.2024).
 9. Gur'yanova T. A., Skorlupina E. A. Smyslozhiznennyye orientatsii kak prediktor zhiznesteikosti u studentov // Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 3 (48). S. 52-57. DOI: <https://doi.org/10.37386/2413-4481-2021-3-52-57>
 10. Drozdova N. V., Asmankina E. E. Osobennosti zhiznesteikosti v yunosheskom vozraste // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2023. № 78(1) S. 312-316.
 11. Zakernichnaya N. V. Teoreticheskoe osmyslenie ponyatiya zhiznesteikosti v otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniyakh // Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki. 2016. № 5. S. 61-66. DOI: 10.21209/2542-0089-2016-11-5-61-66
 12. Knizhnikova S. V. Strukturno-funktsional'noe opisanie zhiznesteikosti v aspekte suitsidal'noi preventsii // Mat-ly IV Vserossiiskoi NPK «Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya». Krasnodar, 28-29 oktyabrya 2010. S. 67-70.
 13. Kozhemyako K. O., Sharov A. A. Vzaimosvyaz' zhiznesteikosti i smyslozhiznennykh orientatsii studentov meditsinskogo kolledzha // Sistemnaya integratsiya v zdavookhraneni. 2022. № 3(56). S. 61-73. URL: <https://sys-int.ru/ru/journals/2022/3-56/vzaimosvyaz-zhiznesteikosti-i-smyslozhiznennykh-orientatsiy-studentov-medicinskogo> (data obrashcheniya: 27.10.2024).
 14. Kornilova T. V. Sovremennyye zarubezhnyye issledovaniya fenomena zhiznesteikosti (hardiness) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2020. № 4. S. 223-229. DOI: <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-223-229>
 15. Kulikova T. I. Vzaimosvyaz' zhiznesteikosti i ekzistentsial'noi ispolnennosti u studentov raznogo vozrasta psikhologo-pedagogicheskogo napravleniya podgotovki // Kontsept. 2024. № 6. URL: <http://e-koncept.ru/2024/242010.htm> (data obrashcheniya: 27.10.2024).
 16. Kulikova T. I. Osobennosti smyslozhiznennykh orientatsii u studentov-devushek raznogo vozrasta // Kontsept. 2023. № 7. URL: <http://e-koncept.ru/2023/232010.htm> (data obrashcheniya: 27.10.2024).
 17. Leont'ev D. A. Novyye gorizonty problemy smysla v psikhologii // Problema smysla v naukakh o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla): materialy mezhdunarodnoi konferentsii / Pod red. D. A. Leont'eva. M.: Smysl, 2005. S. 36-49.
 18. Loginova M. V. Zhiznesteikost' lichnosti studenta kak faktor ee uspekhov adaptatsii k usloviyam obucheniya v VUZe // Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2009. № 6 (49). S. 70-73.

19. Lysikov I. A. Logoterapiya Viktora Frankla: mezhdru psikhoterapieii i teologii // Molodoi issledovatel' Dona. 2022. № 2(35). S. 83-87..
20. Maddi S. Smysloobrazovanie v protsesse prinyatiya reshenii // Psikhologicheskii zhurnal. 2005. T. 26, № 6. S. 87-101.
21. Moshchenko L. S., Drozdova N. V. Smyslozhiznennye orientatsii studentov s raznym urovnem zhiznестоikosti (na primere studentov-psikhologov) // Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept». 2016. № 50. S. 133-140. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76667.htm>. (data obrashcheniya: 27.10.2024).
22. Nikitina E. V Fenomen zhiznестоikosti: kontseptsiya, sovremennye vzglyady i issledovaniya // Academy. 2017. № 4 (19). S. 100-103. URL: <https://academicjournal.ru/images/PDF/2017/Academy-4-19.pdf/Academy-4-19.pdf> (data obrashcheniya: 27.10.2024).
23. Odintsova M. A. Psikhologiya zhiznестоikosti. 2 izd. M.: Flinta, 2015. 201 s.
24. Serdyuk L. Z., Chikhantsova O.A. Zhittestiikist' yak faktor samodeterminatsii osobistosti / O. A. Chikhantsova, L. Z. Serdyuk // Sotsiokul'turni ta psikhologichni vimiri stanovlennya osobistosti: zb. nauk. prats' za mater. II Mizhnar. nauk.-prakt. konf. (m. Kherson, 26-27 veres. 2019 r.) / red. kol.: O. Є. Blinova, N. I. Tavrovets'ka (vidp. za vip.). – Kherson: FOP Vishemirs'kii V. S., 2019. S. 291. URL: <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/123456789/9304> (data obrashcheniya: 27.10.2024).
25. Tuvysheva D. A., Atamanova G. I. Empiricheskoe issledovanie vzaimosvyazi kachestv zhiznестоikosti i tsennostno-smyslovykh orientirov lichnosti // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2020. №1(112). S. 156-164. DOI: 10.20323/1813-145Kh-2020-1-112-155-163
26. Freid Z. Totem i tabu. Budushchee odnoi illyuzii. M.: AST, 2023. 352 s.
27. Chertykov I. N. Zhiznестоikost' kak psikhologopedagogicheskoe ponyatie // MNKO. 2015. №6 (55). S. 220-222.
28. Shavdarova E. A., Gimaeva R. M Issledovanie identichnosti v yunosheskom vozraste // Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik. 2015. № 5 (2). S. 233-237. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=13288> (data obrashcheniya: 20.10.2024).
29. Guo L., Yan D., Yan J., et al. Correlation of Academic Emotion and Hardiness Personality of Undergraduate Nursing Students // BMC Nursing. 2024. № 23. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-3380671/v1>.
30. Kobasa P. M. Concept of Hardiness (A Study with Reference to he 3Cs) // International Research Journal of Engineering, IT & Scientific Research. 2016. № 1(2). P. 34-40.
31. Kosari H., Salahian A. Comparing Life Expectancy, Locus of Control, and Resilience in Individuals with Different Subjective Age Groups // Research Square. 2024. № 1. P. 41-48. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-4011074/v1>.
32. Kowalski C. M., Sohermer, J. A. Hardiness, Perseverative Cognition, Anxiety, and Health-Related Outcomes: A Case for and Against Psychological Hardiness // Psychological Reports. 2019. № 6 (122). P. 2096-2118. URL:<https://doi.org/10.1177/0033294118800444>
33. Pradhan R. K., Anand P., Ahmad A., Jandu K., Sabu S. Unveiling the royal road to happiness: the predictive role of psychological hardiness, mediated by vitality and materialistic values // International Journal of Adolescence and Youth. 2024. № 1 (29). URL: <https://doi.org/10.1080/02673843.2024.2387067>.
34. Wang Y., Wu L., Wang M., et al The Network Structure of Resilience among Chinese Female Nursing Students // Research Square. 2021. № 1(29). URL:

<https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-402841/v1>